

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гончарова Екатерина Викторовна

Псковское дворянство в XVIII в.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Тимошенкова Зоя Александровна

Псков
2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Степень изученности темы и обеспеченность источниками	12
1.1. История изучения русского дворянства.....	12
1.2. Источники по истории псковского дворянства XVIII в.....	48
Глава 2. Дворянство в российском законодательстве	60
2.1. Дворянство как объект государственно-правового регулирования в первой половине – середине XVIII в.....	60
2.2. Законодательное оформление дворянского сословия во второй половине XVIII в.....	66
Глава 3. Экономическое положение и хозяйственная деятельность псковского дворянства.....	79
3.1. Типология и локализация помещичьих имений.....	79
3.2. Хозяйственная деятельность псковского дворянства	88
3.3. Взаимоотношения помещиков и крестьян	109
Глава 4. Состав и социальный облик псковского дворянства.....	125
4.1. Состав псковского дворянства	125
4.2. Социальный облик псковского дворянства.....	135
Заключение	173
Источники	177
Литература	180
Приложение	202

Введение

В современной исторической науке весомое место занимает социальная история, в контексте анализа которой значительное внимание уделяется сословной структуре российского общества¹, причем отдельные сословия все чаще становятся предметом исследования, в том числе и на региональном уровне. Это позволяет выявить местные особенности жизни и деятельности общественных групп и их представителей. Значимость изучения дворянства продиктована ведущей ролью, которую это сословие играло практически во всех сферах жизни Российской империи на всем протяжении ее истории.

Одним из важнейших этапов в истории дворянства является XVIII в. – время становления дворянства как основного привилегированного сословия императорской России. История благородного сословия XVIII в. отражает не только общие процессы, происходившие в российском обществе той поры, но и специфические особенности развития его привилегированной части. При изучении дворянства нельзя обойтись без анализа внутрисословной стратификации, которая определялась уровнем благосостояния, зависевшим от размера земельных угодий и числа крепостных крестьян, а так же рассмотрения социального облика и состава данного сословия, отраженного в родословных книгах, формировавшихся в губерниях.

Актуальность темы определяется тем, что исследование различных сторон жизни псковского дворянства XVIII в. с учетом значительных изменений геополитического положения региона и происходивших здесь многочисленных административно-территориальных преобразований позволяет выявить общее и особенное в составе и социальном облике местного дворянства, что в свою очередь значительно расширяет опыт, накопленный отечественной исторической наукой в изучении аналогичной научной

¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 152–158.

проблематики и многомерного построения общей картины истории российского дворянского сословия.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое комплексное исследование дворянского сословия Псковского края XVIII в., в котором отражены юридические, экономические, социокультурные, гендерные и другие характеристики провинциального дворянства исследуемого периода. На основе широкого круга опубликованных и архивных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, анализа работ по истории псковского дворянства, в настоящем исследовании представлена разносторонняя характеристика жизни и деятельности привилегированного сословия в структуре провинциального общества Псковской губернии на протяжении XVIII столетия, изучено землевладение, локализованы дворянские владения, местоположение которых ранее было точно не определено, уточнены служебные и личные данные отдельных представителей сословия, что позволило не только представить псковское дворянство во взаимосвязи и взаимообусловленности социальных, экономических, и, отчасти, культурных характеристик, но и устранить исторические ошибки биографического характера, присутствующие в краеведческих публикациях.

Хронологические рамки работы вытекают из особенностей, свойственных изучаемому историческому периоду. Нижняя временная граница приходится на первую четверть XVIII в. и обуславливается преобразованиями Петра I, чья политика жесткого государственно-правового регулирования общественных отношений стала ведущим фактором в процессе формирования дворянского сословия и определения его места в социальной структуре общества Российской империи. Верхняя граница совпадает с правлением Павла I, деятельность которого завершила эпоху «золотого века» дворянского сословия в России². Таким образом, хронологические рамки исследования

² Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / Под. ред. А. Б. Каменского. М., 2016. С. 36–298.

охватывают время с 1700 по 1801 гг., т.е. тот период русской истории, когда происходит процесс окончательного оформления дворянства как привилегированного сословия. За это время оно не только стало, по существу, правящим сословием, но и значительно дистанцировалось как в культурном, так и в материальном плане от остальных подданных империи, сформировав свой особый уклад быта, что нашло яркое отражение, например, в появлении такого социокультурного феномена, как «провинциальная помещичья усадьба».

Территориальные рамки исследования. Сложность изучения дворянского сословия Псковщины связана с многократным изменением административно-территориального деления Псковского края. Коренные преобразования Петра I административно-территориального деления России привели к тому, что в 1708 г. Псковская земля вошла в состав Ингерманландской губернии, которая в 1710 г. была переименована в Санкт-Петербургскую. В 1719 г. в числе 11 провинций Санкт-Петербургской губернии образованы Псковская и Великолукская³, которые уже в 1727 г. приписаны к вновь образованной Новгородской губернии. В состав Псковской провинции вошли – Гдовский, Изборский, Заволочский, Опочецкий, Островский, Псковский и Пусторжевский уезды.

В 1772 г. была образована Псковская губерния, а в 1777 г. – учреждено Псковское наместничество, которое состояло из 10 уездов – Великолукского, Гдовского, Лужского, Опочецкого, Островского, Псковского, Порховского, Пусторжевского (Новоржевского), Торопецкого и Холмского. В 1781 г. Гдовский и Лужский уезды были переданы Санкт-Петербургской губернии, в результате чего в составе Псковской губернии осталось 8 уездов. В 1797 г. в губернии было 6 уездов: Великолукский, Опочецкий, Островский, Порховский, Псковский и Торопецкий. А в 1802 г. с восстановлением Новоржевского и

³ Василёв И. И. Дела Псковской провинциальной канцелярии. Псков, 1884. С. 2–7.

Холмского уездов Псковская губерния в административном отношении вернулась к периоду 1781 г.⁴

В связи с этим история псковского дворянства изучаемого периода рассматривается нами главным образом применительно к той территории, которую Псковская губерния занимала в последней четверти XVIII в., когда в ее состав входили 8 уездов (Великолукский, Опочецкий, Островский, Псковский, Порховский, Пусторжевский (Новоржевский), Торопецкий и Холмский), поскольку именно в это время сформировалась территория края, характерная для всего последующего исторического периода вплоть до начала советской эпохи.

Объектом исследования в настоящей работе является псковское дворянство XVIII в. как неотъемлемая часть российского дворянского сословия, для которой, однако, характерна определенная региональная специфика, изучение которой и является одной из важнейших задач данного исследования.

Предмет исследования – общественно-политическая и социально-экономическая жизнь псковского провинциального дворянства XVIII в. изменения, происходившие в нем под воздействием политических событий, законодательства, особенностей социально-политического развития как регионального, так и общероссийского уровня.

Целью исследования является комплексное изучение процессов, происходивших в жизни и деятельности псковского дворянства как привилегированного сословия провинциальной части русского общества в XVIII в.

Данной целью определена постановка следующих **задач**:

- локализовать и систематизировать владения помещиков Псковщины с точки зрения их размера, географического положения и способа хозяйствования, что позволит определить внутрисословную стратификацию дворянства;

⁴ Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988 гг.). Справочник. Кн. 1. Л., 1988. С. 8–10.

- проанализировать взаимоотношения псковских помещиков и их крепостных, определить факторы, влиявшие на отношения владельцев к принадлежащим им крестьянам;
- выявить родовой, чиновный, гендерный и возрастной состав псковского дворянства;
- охарактеризовать социальный облик представителей благородного сословия Псковского края как привилегированной части провинциального общества.

Методология и методы исследования. Работа создавалась в рамках комплексного междисциплинарного подхода, поэтому методологическую основу диссертационного исследования составляют основополагающие принципы гуманитарных наук: принцип научной объективности, историзма и системности. Междисциплинарный подход позволил использовать в диссертации теоретические и практические наработки по изучению исторических процессов через призму разных наук (истории, социологии, психологии).

При работе с источниками применялись такие частные методы, как абстрагирование, синтез, обобщение, классификация и сопоставительный анализ. Сравнительно-логический, формально-логический и структурно-функциональный методы, наряду с описательным, позволили систематизировать значительный объем фактической информации, выявить ключевые явления в изучаемом историческом феномене.

Использование ретроспективного метода позволило проанализировать реакцию в среде дворянского сословия на изменения законодательства и меры, предпринимавшиеся в Российской империи и на Псковщине. Для установления причинно-следственных связей между различными явлениями, характерными для жизни и деятельности дворянства, его взаимоотношений с крестьянством, применялся историко-логический метод. При этом в качестве задачи был определен не только анализ структуры и функций корпоративной организации дворян, системы взаимоотношений с властью и крепостными, но и изучение развития этих социальных связей. На разных этапах исследования

использовались методы анализа и синтеза. Для выявления общего и особенного в социально-экономическом положении представителей дворянства Псковской губернии применялся сравнительно-исторический метод. С помощью картографического метода удалось локализовать ряд помещичьих владений на территории Псковской губернии. При работе с массовыми источниками был применен метод критического анализа и статистический метод. Изучение жизни и деятельности дворянства, его ценностных установок и мировоззрения предопределило наше обращение к историко-антропологическому подходу.

Большое значение для полноценного раскрытия темы имеет региональный подход, благодаря которому становится возможным изучение исторических макро- и микропроцессов на определенной территории, их специфики и многообразия.

Таким образом, применение комплекса общенаучных и конкретно-исторических методов позволило рассмотреть процесс формирования и эволюции дворянского сословия Псковской губернии в XVIII в. с разных точек зрения и, как следствие, воссоздать историческую картину положения привилегированной части провинциального общества конкретного региона на протяжении рассматриваемого периода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Псковское дворянство в XVIII в. являлось органичной частью русского привилегированного сословия, которая, несмотря на свое провинциальное положение, тяготела к европейским тенденциям уклада жизни, что особенно ярко проявилось во второй половине столетия и нашло отражение в обустройстве помещичьих усадеб, отдельные примеры которых по своим характеристикам не уступали столичным. Процесс формирования на Псковщине провинциальной помещичьей усадьбы как одной из форм организации дворянского быта происходит на протяжении XVIII в. и в основном завершается к концу столетия.

2. На протяжении столетия в целом по региону наблюдается увеличение помещичьих владений, что выражалось в увеличении площади

принадлежащих дворянам земель и численности крепостных крестьян за счет естественного прироста и государственных пожалований. Однако процессы увеличения помещичьей собственности в регионе сопровождались дроблением земель при наследовании и, как следствие, мельчанием дворянских поместий.

3. Большинство землевладельцев в регионе были мелкопоместными. При этом можно говорить о наличии в Псковском крае владельческих комплексов (владений, которые, сохраняясь территориально, наследуются в рамках одного рода).

4. Взаимоотношения со своими крепостными помещики губернии выстраивали с точки зрения хозяйственной выгоды, что проявлялось как в решении бытовых вопросов, так и в чрезвычайных ситуациях, связанных с социальным протестом крестьян.

5. Сплочённость и консолидация дворянской корпорации региона была наиболее заметна в конфликтных ситуациях, связанных с неповиновениями крепостных, в то время как по другим вопросам, касающимся сословного самоуправления или отношения к своим должностным обязанностям, мог наблюдаться плюрализм мнений.

6. Псковские дворяне по большей части были представителями древних родов, что нашло отражение в родословной книге Псковской губернии. Родовой состав на протяжении XVIII в. в основном стабилен, хотя происходит и появление новых, а так же исчезновение старых фамилий, что связано в основном с мельчанием владений и, как следствие, их обменом или продажей.

Теоретическая значимость исследования состоит в комплексном анализе источников, позволившем определить степень влияния радикальных преобразований российского общества на провинциальное дворянство на протяжении XVIII столетия. Содержащиеся в работе сведения и выводы расширяют систему научных знаний по социальной истории как привилегированного сословия (дворянства), так и русского провинциального общества. Материалы диссертационного исследования могут способствовать созданию целостных и объективных представлений о социокультурном облике

провинциального дворянства, истории повседневности, формирования гражданского общества и сословной структуры населения Псковской губернии в XVIII в.

Практическая значимость результатов исследования определяется тем, что в нем представлена история псковского дворянства XVIII в., через которую раскрывается его место и роль в структуре провинциального общества, а так же особенности реализации политики правительства в отношении дворянства в Псковском крае. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в лекционных курсах и семинарских занятиях по социальной и экономической истории России XVIII в., истории Псковского края и историко-культурного наследия региона, при написании монографий, обобщающих работ, справочной, краеведческой и учебно-методической литературы. Содержащийся в диссертации фактический материал может быть ценен для исследований в ряде вспомогательных исторических дисциплин: генеалогии, исторической демографии и др. Изученные в работе процессы, явления и факты используются в лекционном курсе по истории России XVIII в. для студентов ПсковГУ. Материалы диссертации, касающиеся истории дворянства Псковской губернии в целом и отдельных дворянских родов в частности, биографий значимых представителей привилегированного сословия губернии, описания усадебного быта будут полезны в музейно-выставочной работе, а так же для формирования новых экскурсионных и туристических маршрутов, что в настоящее время является одной из актуальных задач развития Псковского региона.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается за счет обращения к широкому кругу исторических источников, включающих в себя документы 4 фондов Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА), 1 фонда Российского исторического архива (далее – РГИА) и 9 фондов Государственного архива Псковской области (далее – ГАПО), в которых содержится значительный объем фактического материала.

Результаты исследования были представлены автором в 4 научных статьях в журналах, включенных в перечень ВАК, а так же в 22 других публикациях.

Основные положения диссертации были изложены на международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях: аспирантов и студентов ПГПУ (2006–2011 гг.), преподавателей и аспирантов ПГПУ (2008–2011 гг.), преподавателей ПсковГУ (2015–2018 гг.); Международной курсантской научно-теоретической конференции Псковского юридического института (2006–2010 гг.); научно-практической конференции Псковского историко-архитектурного музея-заповедника (2008, 2009 гг.); Псковских архивных чтениях (2009, 2015–2018 гг.); Василёвских чтениях (2013, 2015–2017 гг.); Порховских краеведческих чтениях (2015 и 2017 гг.); Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2009 и 2016 гг.); XVI Всероссийском совещании по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. (2009 г.); Межрегиональной научной конференции «Проблемы аграрного развития Северо-Запада России» (2012 г.); XIX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.» (2015 г.); Международной конференции «Изборск и его округа» (2015 г.); на заседаниях семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (2016, 2017 гг.); в рамках Восьмого Всероссийского научного семинара «Архивы и история российской государственности» (2016 г.); на XX февральских научно-музейных чтениях памяти С. С. Гейченко (2017 г.), XIX Корнилиевских православных образовательных чтениях (2017 г.), IV Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции (2017 г.).

Основные положения диссертационного исследования были рассмотрены и одобрены на кафедре отечественной истории Псковского государственного университета.

Глава 1. Степень изученности темы и обеспеченность источниками

1.1. История изучения русского дворянства

В отечественной историографии процесс формирования социальной структуры общества и роли в этом процессе дворянства как наиболее активного элемента стал центром внимания исследователей, начиная со второй половины XIX в., когда появились первые публикации по обозначенной тематике. В целом, анализ историографического материала позволяет нам условно выделить три основных этапа в истории изучения российского дворянства: первый – дореволюционный (1850–1917 гг.); второй – советский (1917–1991 гг.); третий – современный (с 1991 г. по настоящее время).

К числу первых работ, посвященных истории становления дворянского сословия, относятся труды А. В. Романович-Славатинского, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, П. Н. Милюкова и Н. П. Павлова-Сильванского. А. В. Романович-Славатинский, основываясь на положениях государственной школы, согласно которой русское общество было установлением политическим, а дворянство существовало и видоизменялось в соответствии с целями и потребностями правительства, пришел к выводу, что становление дворянства как сословия завершилось при Петре I, будучи пополняемо выходцами из других слоев в результате их продвижения по государственной службе. Однако апогеем могущества привилегированного сословия, по мнению исследователя, стал 1785 г., связанный с получением «дворянской вольности» по «Жалованной грамоте» Екатерины II, установившей не только широкий круг личных привилегий дворянства, дворянское самоуправление, но и, самое главное, освобождение дворян от обязательной государственной службы⁵.

⁵ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 219–225.

В. О. Ключевский подчеркивал, что «Жалованная грамота» Екатерины II завершила корпоративное устройство дворянского сословия и его прав⁶. Развивая мысль последнего, С. Ф. Платонов указывал, что с момента появления «Жалованной грамоты» Россия стала превращаться в «односословную монархию», в которой дворянству принадлежало «исключительное господство в государстве»⁷.

По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, дворянство как сословие оформилось в первой половине XVIII в. из высших разрядов служилых людей Московского периода, где фундаментом феодальной системы и положения дворян стали наследственная служба и крупная земельная собственность⁸. Характеризуя дворянство как «дарового наследника государства», нуждающегося в опеке государства, П. Н. Милюков отмечал слабость сословной организации дворян в России и неизбежность потери дворянством своих привилегий в силу искусственности происхождения последнего⁹. В контексте теории закрепощения сословий рассматривал дворянство К. Д. Кавелин, подчеркивая, что оно является таким же подчиненным государству сословием, как и другие группы общества, только со своими обязанностями¹⁰.

Анализируя отношение дворян к обязанностям, возложенным на него государством, С. М. Соловьев обратил внимание на различия в отношении к службе отдельных его категорий: дворяне, занимавшие высшие должности, «имели все побуждения продолжить службу», которая давала им большие

⁶ Ключевский В. О. История сословий в России. Лекции. М., 1886.

⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. Вып. III. СПб., 1899.

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С 58–192.

⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1904. С. 47–59.

¹⁰ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 325–402.

выгоды, в то время как менее выслужившиеся представители этого сословия предпочитали оставить таковую¹¹. Д. И. Иловайский, рассматривая служебную деятельность дворян, отмечал его значительную роль не только в деле защиты страны от внешних врагов, но и в вопросах культуры и образования¹².

Проблему отношений между самодержавием и дворянством исследовал С. А. Корф, считавший, что до издания манифеста 1762 г. они представляли собой борьбу благородного сословия за привилегию не служить, поскольку служба для дворян была «чрезвычайно тяжела». В провинции дворян было очень мало, так как они находились либо в столицах, либо в войсках на границах государства. В уездах жили старики и беднейшие представители сословия, а их быт мало чем отличался от крестьянского. С изданием манифеста 1762 г., даровавшего желанную свободу, дворяне смогли вернуться в свои деревни. С изданием «Жалованной грамоты» были дарованы юридические основы корпоративной организации дворянства, определены права и обязанности сословия, подтверждено его привилегированное положение среди прочего населения. Дальнейшее развитие дворянского сословного управления имело своим основанием начала, заложенные грамотой 1785 г.¹³

И. Д. Беляев, акцентируя внимание на расширении прав дворянства на владение крепостными крестьянами в период правления Петра I, считал, что это был способ максимального подчинения дворян государству, укрепленный положениями манифеста 1762 г., связанными с правами собственности дворян на землю и крепостных.

Центром внимания М. Т. Яблочкова стали динамика состава служилого сословия, виды служб, которые оно несло, привилегии, получаемые за это,

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб., 1851–1879.

¹² Иловайский Д. И. История России. В 5 т. Т. 5. СПб., 1905. С. 517–628.

¹³ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб., 1906. С. 3.

дворянское образование, гербы и ордена, их значение и права, предоставляемые ими¹⁴. Работа ценна и тем, что автор одним из первых представил историю дворянского сословия, его государственных и социальных функций.

Вопрос о дворянском землевладении изучали Ю. В. Готье и В. И. Семевский. Ю. В. Готье был собран ценный фактический материал и приведены данные о землевладении дворян. Он отмечал, что повинности крестьян не были оформлены законодательно и определялись помещиком¹⁵. Труды В. И. Семевского, известного более как историка крестьянства, отличаются наличием значительного материала для анализа помещичьего хозяйства. Он первым привлек материалы Генерального межевания для изучения размеров оброка, землевладения и землепользования¹⁶, а на основе указов ему удалось проследить пожалования населенных и ненаселенных имений в 1725–1801 гг.¹⁷

Об эволюции взглядов дворянского сословия на процессы, происходившие в государстве, писал И. А. Порай-Кошиц, считавший, что умственное движение в привилегированной части общества во второй половине XVIII в. исподволь совершало дело цивилизации¹⁸.

¹⁴ Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 53–55.

¹⁵ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 139–142.

¹⁶ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 158.

¹⁷ Семевский В. И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906. С. 59.

¹⁸ Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от первой половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874. С. 20–172.

По мнению Н. Д. Чечулина, численный рост дворянского сословия и активность его представителей в жизни провинции сыграли весомую роль в появлении самого провинциального общества¹⁹.

В указанный период ряд исследователей обращался к вопросам культурной жизни дворян, их быта и нравов. Так, М. М. Богословский рассматривал быт и нравы русского дворянства первой половины XVIII в.²⁰, подробно и содержательно описывая как механизмы их эволюции, так и последствия западноевропейского влияния на культуру дворян.

Предметом исследования Л. М. Савелова стал процесс составления дворянских родословных книг. Он отмечал, что с изданием «Табели о рангах» число дворянских родов быстро увеличивается: на смену древним родам, представители которых из-за тяжелой службы на окраинах превратились в однодворцев, появляется целая масса новых, происходивших от государственных и военных деятелей XVIII в.²¹

В центре внимания В. К. Лукомского и Н. А. Типольта, анализировавших дифференциацию дворянских гербов в зависимости от происхождения, положения и состоятельности владельца, оказались дворянские роды. В результате изысканий авторов был составлен перечень дворянских родов, чьи гербы были утверждены или пожалованы российскими монархами²². Это явление представляло ничто иное, как широкое распространение

¹⁹ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество второй половины XVIII в. СПб., 1889. С. 93–113.

²⁰ Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906. С. 27–34.

²¹ Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л. М. Савеловым. Первое полугодие. М., 1908.

²² Лукомский В. К., Тройницкий С. Н. Указатели к высочайше утвержденному Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского. СПб., 1910.

«геральдических вкусов» в начале XVIII в. под воздействием западноевропейских обычаев и способствовало тому, что гербовая печать стала необходимой принадлежностью представителя «честного и старого рода»²³.

А. О. Гернет рассмотрел законодательство о приобретении дворянского достоинства, началом чего автор определил «Табель о рангах», отмечая, что в XVI и XVII вв. русское дворянство состояло из различных элементов, объединенных обязательностью службы. «Жалованная грамота» систематизировала основные положения, определяющие статус дворянства, а так же расширила «самую систему» Петра I²⁴.

В дореволюционный период появились и первые работы, связанные с историей псковского дворянства. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) в своем труде «Истории княжества Псковского»²⁵ упоминает отдельные факты, касающиеся дворянского сословия. Значимость данной работы состоит в том, что это был первый труд по истории Псковщины.

Ценные сведения о псковском дворянстве содержатся в справочниках дореволюционного периода. Уточнение местоположения отдельных населенных пунктов, принадлежащих помещикам, стало возможным, благодаря историко-статистическому словарю И. И. Василёва²⁶. Д. Лазарев, изучая материалы архива Псковского губернатора, оставил краткое, но достаточно информативное описание Псковского наместничества²⁷. Алфавитный список

²³ Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915. С. 35–47.

²⁴ Гернет А. О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи. СПб., 1898. С. 2–6.

²⁵ Болховитинов Е. А. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Ч. 4. Киев, 1831.

²⁶ Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882.

²⁷ Псковское наместничество. По материалам архива Псковского губернатора собрал Д. Лазарев. Псков, 1887. С. 1–3.

дворян с указанием литературы был издан И. М. Картавцовым. В приложении автор опубликовал список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Псковской губернии к 1 июля 1916 г.²⁸ Н. И. Акулов составил список предводителей дворянства²⁹, на основании которого стало возможным уточнение времени пребывания в должности отдельных лиц.

Уделялось внимание и отдельным дворянским фамилиям. С. В. Любимов оставил заметки о князьях Костровых³⁰, в которых привел отдельные сведения о личностях, принадлежавших к этому древнему дворянскому роду.

Авторы дореволюционного периода наметили ключевые вопросы изучения дворянства как сословия, в числе которых – атрибутика, генеалогия, отношение к службе и др. Их несомненным достоинством является привлечение значительного массива источников, позволивших изучить социальное положение привилегированного сословия, процесс приобретения почестей от государства, отношения отдельных категорий дворян к своим обязанностям, быт и общественную жизнь дворянства.

В первые послереволюционные десятилетия интерес к изучению истории дворянства практически отсутствовал, что было связано с «подъемом» тем, акцентирующих внимание на кризисных явлениях в экономике помещичьих имений, угнетенном положении крепостных крестьян, народных движениях и развитии крепостного права, что полностью укладывалось в идеологическую доктрину новой советской власти.

К дворянской тематике обращаются в контексте интереса к усадебному быту. В 1920-е годы выходят статьи, посвященные дворянским усадьбам, которые публиковались на страницах журнала «Старые годы», а в 1922 г. было

²⁸ Картавцов И. М. Биографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Псковской губернии. Псков, 1916.

²⁹ Акулов Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917. С. 149–155.

³⁰ Любимов С. В. Князья Костровы // Сборник трудов членов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 219 – 225.

создано «Общество изучения русской усадьбы»³¹. Значимой стала работа Б. В. Скитского «Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века»³². Он отмечает, что всё новое и лучшее, что появилось в быту дворян и других жителей провинции в изучаемой период, имело сложности в развитии из-за существующей системы крепостничества.

Вопросы, связанные с историей российского дворянства XVIII в., затрагивались в работах М. С. Ольминского, который уделил внимание аспектам самопополнения дворянства, охарактеризовал дворян-торговцев и промышленников в контексте изучения развития и становления государства, абсолютизма и бюрократии в России³³.

К проблеме крепостной эксплуатации крестьян помещиками на Псковщине в XVIII в. обращались К. В. Сивков³⁴ и С. И. Колотилова³⁵. Авторы воспроизводят хронологию восстания 1744 г. с описанием деталей социального протеста крестьян и событий, сопутствующих его подавлению.

Крепостное право в вотчинах крупнейших помещиков XVIII в. — Шереметевых — стало предметом изучения К. Н. Щепетова. Автор отметил рост земельных владений и рассмотрел повинности крепостных крестьян, уделив внимание и классовой борьбе. Эта работа основана на значительных архивных данных и печатных публикациях³⁶.

³¹ Сгибнева О. И. Усадьба в культурном наследии России // Михайловская пушкиниана. Вып. 23. М., 2002. С. 31–37.

³² Скитский Б. В. Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века. Владикавказ, 1927.

³³ Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. 3-е изд. М.; Л., 1925.

³⁴ Сивков К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 2. С. 76–94.

³⁵ Колотилова С. И. Псковский край в XVIII в. // Псковский край в истории СССР. Л., 1970. С. 56–62.

³⁶ Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. (1708–1885). М., 1947.

Таким образом, советские авторы довоенного этапа затрагивали тему дворянства в контексте изучения крепостного права, классовой борьбы и усадебного быта, а так же формирования бюрократического аппарата.

В первое послевоенное десятилетие в научный оборот вводится широкий круг источников, позволяющих, в том числе, анализировать численность и состав дворянского сословия. Так, в 1951 г. были опубликованы отписные книги первой четверти XVIII в. под редакцией К. В. Сивкова³⁷. В это же время начали издаваться «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», в которых систематически публиковались источники и статьи так или иначе связанные с дворянством³⁸. В 1958 г. начал работу симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, стал издаваться «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», в котором публиковались и исследования, касающиеся помещичьего хозяйства³⁹.

³⁷ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 311–375.

³⁸ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Вып. 1–7. М., 1959–1969.

³⁹ Милов Л. В. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961. С. 99–101; Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964. С. 402–419; Горская Н. А., Милов Л. В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII – второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 173–192; Ясман З. Д. Попытки введения улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1965. С. 246–255; Иванов В. А. Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010. С. 41–43; Черников С. В. Правящая элита России 1700 – 1762 гг.: влияние демографических

К анализу исторических источников, содержащих данные по дворянскому землевладению XVIII в., обращаются Л. В. Милов и А. А. Горский. Л. В. Милову удалось не только рассмотреть историю составления «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию, но и установить время межевания, эволюцию формуляра⁴⁰. А. А. Горский представил количественный анализ сводных данных «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию⁴¹. Археографический анализ публикаций документов о крестьянском движении в исследуемый период был проведен Б. Г. Литваком⁴².

История дворянства XVIII в. прослеживается в работах обобщающего характера. В фундаментальном труде «Очерки истории СССР» коллектив авторов в составе Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова и др. рассматривает дворянство как господствующее сословие, поддерживающее абсолютную монархию, добиваясь при этом привилегий для себя. Первая половина XVIII в. определялась как время укрепления дворянства, вторая – как период усиления крепостничества и, соответственно, классовой борьбы⁴³.

факторов на развитие родовой собственности // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Брянск, 2018. С. 58–60.

⁴⁰ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

⁴¹ Горский А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века. (Опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 6. С. 117–122.

⁴² Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: История и методика изучения источников. М., 1989. С. 165–166.

⁴³ Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1954; Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 8. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1957; Очерки истории СССР. В 9

В многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» так же обращено внимание на усиление роли дворянского сословия, особенно в местном управлении и судебных органах. Н. И. Павленко, Л. Г. Бескровный, Б. Б. Кафенгауз отмечали законодательное оформление привилегий дворянства в XVIII в., особо подчеркивая монопольное право последних на владение землей⁴⁴. Ю. Р. Клокман в работе «Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в.»⁴⁵ характеризует специализацию, развитие промыслов и неземледельческого отхода, что позволяет более полно представить хозяйственную жизнь региона в середине столетия.

К теме дворянского землевладения в 1950–1960-е гг. исследователи обращаются в контексте дискуссий по проблеме кризиса феодальных и генезиса капиталистических отношений в России во второй половине XVIII в. Н. И. Павленко, пришел к выводу, что Российское государство в XVIII в. упразднило всякие ограничения на дворянское землевладение. Этой же точки зрения в последующем придерживался А. А. Преображенский⁴⁶. Работа Я. Е. Водарского, в которой был представлен анализ размещения и приведены размеры боярско-дворянского вотчинного и поместного землевладения, стала первым крупным исследованием советского периода, посвященным

т. Т. 9. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1956.

⁴⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 3. Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. М., 1967. С. 246–715.

⁴⁵ Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960.

⁴⁶ Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 59–65; Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 66–62.

непосредственно дворянству⁴⁷. Специфику землепользования на Псковщине охарактеризовала Н. Н. Масленникова в коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России XVII в.»⁴⁸.

Е. И. Индова обратила внимание на проблему конфискаций дворянских земель. Исследуя материалы конфискаций, она пришла к выводу, что для первой половины XVIII в. характерно государственное перераспределение дворянского земельного фонда, поскольку конфискации заметно превышали раздачи⁴⁹. Б. В. Носов, анализируя политику правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е годы XVIII в., пришел к выводу, что она определялась стремлением абсолютистского государства поставить землевладение дворян под бюрократический контроль⁵⁰.

Тесно связанную с дворянским землевладением тему налогообложения анализировал В. И. Неупокоев. Он обратил внимание на усиление сословно-податного начала в общественном строе в этот период⁵¹.

Помещичьи инструкции в контексте исследования специфики сельского хозяйства России второй половины XVIII в. проанализировал

⁴⁷ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.: размеры и размещение. М., 1988; он же. Население России в конце XVII – начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977.

⁴⁸ Масленникова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

⁴⁹ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292; она же. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955; она же. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.

⁵⁰ Носов Б. В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-х гг. XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁵¹ Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX вв. М., 1987.

Н. Л. Рубинштейн. Автор представил их эволюцию, а так же определил функции приказчиков в помещичьих владениях⁵².

Вопрос об эксплуатации крепостных был основным в работах К. Н. Щепетова, Ю. А. Тихонова, Л. С. Зудиной, П. К. Алефиренко, М. Т. Белявского, Г. М. Дейча. Изучая характер крепостной эксплуатации, К. Н. Щепетов выявил тенденцию перевода крестьян целиком на господскую работу, когда крепостные были лишены земельного надела, трудились на полях помещика, получая натуральную месячную плату в виде продовольственного пайка и одежды⁵³. Ю. А. Тихонов, анализируя материалы Поместного приказа, установил территориальную распространенность отработочной и денежной ренты, возрастание ее размеров⁵⁴. Л. С. Зудина пришла к выводу, что концентрация земельных ресурсов у крупнейших владельцев во второй половине XVIII в. приводит к усилению эксплуатации средними и мелкими владельцами своих крестьян⁵⁵. П. К. Алефиренко, проанализировав предпосылки крестьянских волнений, обратил внимание на взаимосвязь нарушения хозяйственной замкнутости, роста экономических связей с округой и городом с расширением кругозора крестьян, что в свою очередь порождало и усиливало антикрепостнические настроения в деревне. Автор подчеркивал нарастание политической напряженности в связи с частыми дворцовыми переворотами и изменениями внутренней политики, что стало дополнительным катализатором и без того серьезных противоречий между господами и крепостными. Рассматривая крестьянские челобитные, наказы и следственные

⁵² Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. М., 1957.

⁵³ Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков: по материалам Шереметьевских вотчин. М., 1963. С. 35.

⁵⁴ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII – начале XVIII вв. М., 1974. С. 305.

⁵⁵ Зудина Л. С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

дела Тайной розыскной канцелярии, автор пришел к выводу, что крестьянство воспринимало себя в качестве экономической основы государства и старалось показать в челобитных незаконный и антигосударственный подход к положению крестьян со стороны помещиков⁵⁶. М. Т. Белявский не только исследовал предпосылки крестьянских волнений, но и описал широкий комплекс полномочий дворянина по отношению к своим крепостным⁵⁷.

Г. М. Дейч изучил условия производственной деятельности крепостных крестьян в помещичьем хозяйстве Псковщины, а так же выявил факты борьбы крепостных со своими феодалами в конце XVIII – первой половине XIX вв.⁵⁸ Н. В. Козлова, изучив показания беглых крестьян первой трети XVIII в., выделила уезды, из которых бежали крепостные, причины и направления побегов, обстоятельства возвращения⁵⁹.

В. М. Кабузан представил общую численность, этнический состав и размещение помещичьих крестьян в России⁶⁰. Отдельные сведения о численности помещичьих крестьян в XVIII в. приведены в издании «Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в.»⁶¹.

⁵⁶ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50 гг. XVIII в. М., 1958. С. 115.

⁵⁷ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 125–146.

⁵⁸ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957.

⁵⁹ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. М., 1983. С. 41–71.

⁶⁰ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 178–184; он же. Крепостное население России в XVIII – 50-х гг. XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002.

⁶¹ Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989 / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. С. 96–113.

К служебной деятельности дворянства обращались Н. П. Ерошкин, С. М. Троицкий. Н. П. Ерошкин пришел к выводу, что новая система организации управления, когда верховная власть взяла на себя функцию надзора, обеспечивая ее не посредством учреждений, а узкого круга лиц, наделенных особым доверием, способствовала росту должностных преступлений в дворянской среде⁶². С. М. Троицкий на основе анализа социального состава российской бюрократии XVIII в., выявил предпочтения дворян в службе, их взаимоотношения с властью, обозначил ведущую роль этой группы общества в политической и общественной жизни⁶³.

Внимание к вопросу взаимоотношений самодержавия и дворянства было привлечено в ходе дискуссии о русском абсолютизме. По мнению А. Я. Авреха, политика самодержавия по отношению к дворянству в XVIII в. была политикой лавирования между помещиками и буржуазией⁶⁴.

Изменение положения дворянского сословия в результате преобразований Петра I, а так же дальнейшая судьба опоры трона в середине и второй половине XVIII в. освещены в исследованиях Е. В. Анисимова⁶⁵. Законодательные способы влияния на дворянство первой четверти XVIII в. прослеживаются в работах В. И. Буганова⁶⁶ и Н. И. Павленко⁶⁷.

Специфика положения дворянского сословия в этот период рассматривалась в контексте законодательной и правовой политики. Степень изученности законодательства и особенности интерпретации законодательных

⁶² Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 120.

⁶³ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 24–79.

⁶⁴ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

⁶⁵ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 479–495; он же. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 227–235.

⁶⁶ Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 138–140.

⁶⁷ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 108.

актов, касающихся дворянства, отражены в комментариях к изданию «Российское законодательство X–XX вв.»⁶⁸.

Вновь проявляется интерес к геральдике. Эволюции дворянских гербов от простейших родовых знаков до усложненных изображений посвящено исследование В. С. Драчук⁶⁹.

Таким образом, в советской период авторы раскрывают актуальные для того времени вопросы классовой борьбы и крепостной эксплуатации, что позволило осветить отдельные аспекты истории дворянского землевладения, землепользования, повинностей и взаимоотношений с крепостными. Продолжается изучение дворянства как сословия, являющегося опорой трона. Внимание исследователей привлекает атрибутика, отношение дворян к службе, культурно-бытовая сторона жизни привилегированного сословия и др. Значимой заслугой историографии советского периода является привлечение значительного массива источников, анализ и обобщение сведений которых позволяет определить перспективны дальнейшего изучения отдельных вопросов в рамках данного проблемного поля.

Новый этап в изучении дворянского сословия начался с 1990-х гг. В конце XX в. в отечественной историографии получают распространение так называемые «специальные методологии»: микроистория, гендерная история, история повседневности и т. д. Внимание обществоведов привлекает теория элит. Авторы начинают работать на стыке истории и других гуманитарных дисциплин. Продолжают оставаться актуальными вопросы дворянской собственности и помещичьего землевладения. К этим темам обращаются О. А. Шватченко, А. Б. Каменский, А. В. Борисова, С. В. Юферова, Д. А. Черненко, А. Л. Грязнов, Н. В. Пиотух. О. А. Шватченко проанализировал вотчинную систему XVII в. как целостное явление в масштабах всей страны,

⁶⁸ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4–5 / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1986–1987.

⁶⁹ Драчук В. С. Рассказывает геральдика. М., 1977.

что дало возможность осветить процессы, связанные с землевладением светских феодалов в эпоху Петра I⁷⁰. А. Б. Каменский характеризует представления о собственности в российском обществе XVIII в., в том числе и отношение к крепостным крестьянам⁷¹. Обеспеченность крестьян землей в помещичьих владениях охарактеризовала А. В. Борисова⁷². С. В. Юферова указала на влияние деятельности Вольного экономического общества на помещичье хозяйство второй половины XVIII в.⁷³

Д. А. Черненко, комплексно исследуя эволюцию структуры сельского хозяйства, расселения и землевладения Центральной России на основе материалов писцовых книг 1620-х гг. и «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию 1770–1780-х гг., рассмотрел уездную структуру землевладения XVII–XVIII вв. Он выделил в структуре феодального землевладения последней четверти XVIII в. владельческие комплексы – пространственные ячейки, восходящие еще к первой трети XVII в., которые состояли только из соседних селений и пустошей⁷⁴. В своем совместном исследовании Д. А. Черненко и А. Л. Грязнов обратились к изучению вопросов фамильной и пространственной структуры дворянского землевладения XVII–

⁷⁰ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М., 2002.

⁷¹ Каменский А. Б. «Крещенная собственность» в законодательстве XVIII в. // Представления о собственности в Российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998. С. 150–192.

⁷² Борисова А. В. Крестьянство России в конце XVIII в. – первой половине XIX в. Ярославль, 2000. С. 20–24.

⁷³ Юферова С. В. Вольное Экономическое Общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

⁷⁴ Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологда, 2008. С. 202–210.

XVIII вв. по материалам Суздальского уезда ⁷⁵. Н. В. Пиотух изучила распределение угодий в Новоржевском (Пусторжевском) уезде в первой половине XVII – второй половине XVIII вв. ⁷⁶

В последнее время определенное внимание уделяется проблемам внутривотчинных отношений и условий промышленного предпринимательства как составляющей хозяйственной деятельности помещичьего имения. Этому вопроса касались в своих исследованиях О. А. Алексеева, О. В. Сизова, К. И. Юрчук, А. И. Мордашев, В. П. Спасов ⁷⁷, В. А. Аракчеев, Ю. Н. Узенева. О. А. Алексеева изучила участие землевладельцев в торговле, степень развития промыслов на Псковской земле в XVIII в. ⁷⁸ Свой взгляд на взаимоотношения крестьян и помещиков Псковской губернии и их развитие представили А. И. Мордашев и В. П. Спасов ⁷⁹. Взаимоотношения помещиков между собой, а также их хозяйственную деятельность анализировал В. А. Аракчеев ⁸⁰. Ю. Н.

⁷⁵ Черненко Д. А., Грязнов А. Л. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 204–219.

⁷⁶ Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1999.

⁷⁷ Сизова О. В. К вопросу об аграрном и промышленном предпринимательстве российских дворян в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1995. С. 118–129; Юрчук К. И. Помещичье промышленное предпринимательство в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ярославль, 1992. С. 13–24.

⁷⁸ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

⁷⁹ Мордашев А. И., Спасов В. П. Помещики и крестьяне Псковской губернии // Псков. 2004. № 20. С. 224–231.

⁸⁰ Аракчеев В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 13–18; он же. «Право войны» русских

Узенева обратилась к изучению ведения хозяйства псковскими дворянами в первой половине XIX в.⁸¹

В работе «История крестьянства Северо-Запада России» характеризуется социально-экономическая история крестьянства региона, приводятся данные о дворянском землевладении и взаимоотношениях помещиков и крепостных. Л. В. Выскочков представил статистические данные, отметил особенности ведения сельского хозяйства в регионе, а так же выявил специфику промысловой деятельности крестьян и ее влияния на расслоение крепостных⁸². Д. И. Раскиным выделены факторы, определившие основное направление эволюции общественного сознания крестьян и форм борьбы с феодалами⁸³. Е. В. Анисимов охарактеризовал положение податного населения⁸⁴.

Современных историков уже не удовлетворяют прежние подходы к проблеме крепостного права в России. Происходит поворот в сторону выявления исторически оправданных закономерностей появления этого явления в России. Л. В. Милов дал характеристику специфики крестьянского мировосприятия, в котором нашло отражение восприятие собственного

помещиков и сюжет романа Дубровский // Михайловская пушкиниана. 2006. Вып. 42. С. 20–25.

⁸¹ Узенева Ю. Н. К вопросу о хозяйственной жизни Тригорского в 1850-е гг. // Псков. 2015. № 42. С. 118–120; она же. Основные статьи доходов и расходов в Тригорском в 1850-е гг. // Михайловская пушкиниана. 2015. Вып. 64. С. 223–227.

⁸² Выскочков Л. В. Процесс расслоения крестьян. Подати и повинности // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 208–211; он же. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

⁸³ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 212–221.

⁸⁴ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

положения, а так же отношение к помещику в системе крепостного права⁸⁵. Получает дальнейшее развитие и точка зрения историков XIX в. о том, что именно на время Петра I приходится пик российского крепостничества, когда происходит закрепощение всех сословий, начатое еще прежде, а затем уже, с начала XIX в., осуществляется их медленное поэтапное раскрепощение под влиянием экономических, политических и моральных обстоятельств. А. Н. Сахаров продолжает развивать идею о крепостном праве как более широком понятии, включающем и закрепощение личности по отношению к коллективу⁸⁶.

Продолжается исследование темы правового положения дворянства, что находит отражение в комментариях к таким изданиям, как «Законодательство Петра I»⁸⁷ и «Законодательство Екатерины II»⁸⁸. К дворянскому законодательству обращают Ю. В. Рикман, О. М. Карамышев, О. Г. Агеева, А. Н. Долгих, М. А. Киселев, И. Ф. Худушина, О. А. Омельченко. Ю. В. Рикман систематизировал основные правовые акты, касающиеся дворянства, а так же сопровождал их своими комментариями⁸⁹. О. М. Карамышев пришел к выводу, что в «Табели о рангах» было одновременно подтверждена и ограничена возможность инкорпорирования в российское дворянское сословие посредством выслуги соответствующего военного чина⁹⁰. О. Г. Агеева

⁸⁵ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 15.

⁸⁶ Сахаров А. Н. Общие проблемы исторической науки. О новых подходах в российской историографической науке. 1990-е годы // История и историки. 2002. № 1. С. 15–21.

⁸⁷ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 393.

⁸⁸ Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 17.

⁸⁹ Рикман Ю. В. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992.

⁹⁰ Карамышев О. М. Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

рассмотрела этот документ в контексте петровской европеизации императорского двора России XVIII в.⁹¹

Особое внимание вопросам государственно-правового регулирования положения дворянского сословия XVIII в. уделено во втором томе обобщающего издания «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.», в которой коллективом авторов в составе А. Б. Каменского, Е. С. Корчмина, Д. О. Серова, И. В. Курукина проанализированы реформы Петра I, «эпохи дворцовых переворотов», Екатерины Великой, Павла I и определены ключевые этапы формирования дворянского сословия в Российской империи, а так же специфика их правового положения на каждом из них⁹².

Особенности помещичьего права ссылки крепостных в Сибирь, которое было введено актом Елизаветы Петровны от 13 декабря 1760 г., и последующую законодательную политику в этом вопросе охарактеризовал А. Н. Долгих. Автор отмечает, что количество людей, сосланных по указу 1760 г., было сравнительно невелико, вектор политики в этой сфере начал меняться только в павловское царствование, что было связано с воззрениями самого императора⁹³. М. А. Киселев реконструировал историю текста манифеста «О вольности и службе дворянства»⁹⁴. По мнению И. Ф. Худушиной, Манифест 1762 г. поставил дворян в отношения равенства с

⁹¹ Агеева О. Г. Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Российская история. 2014. № 1. С. 54–74.

⁹² Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. С. 24–298.

⁹³ Долгих А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи // Российская история. 2013. № 3. С. 74–84.

⁹⁴ Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–53.

государством⁹⁵. О. А. Омельченко считает, что отмена обязательной службы стала следствием давления элиты на самодержавие⁹⁶.

Вопросы службы благородного сословия, раскрываются в работах А. Н. Медушевского, И. В. Фаизовой, Е. Н. Марасиновой, В. П. Степанова, Л.Ф. Писарьковой. А. Н. Медушевский пришел к выводу, что многие представители дворянства негативно относились к обязательной службе, поскольку она исключала или сильно ограничивала другие источники доходов.⁹⁷ И. В. Фаизова, опираясь на статистические данные, подробно рассмотрела дворянскую службу, ее особенности и эволюцию⁹⁸. Е. Н. Марасинова подчеркивает, что, несмотря на отмену обязательности государственной службы, чин продолжал оставаться главным критерием сословной иерархии и для самодержавной власти, и для современников⁹⁹. В послепетровское время монархия постепенно ослабляла экономические и политические рычаги давления на дворянство и усиливала интенсивность влияния на него официальной доктрины. При этом происходило смещение центра тяжести в воздействии государства: от непосредственного принуждения к влиянию на мотивацию «благородного сословия», что привело к постепенной трансформации государственной службы из принудительной обязанности в патриотический долг и почетную привилегию, обеспечивающую дворянству высшее положение в обществе. Введение «Табели о рангах» и сохранение

⁹⁵ Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М., 1995.

⁹⁶ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 371–375.

⁹⁷ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 307–313.

⁹⁸ Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 135.

⁹⁹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 203–220.

приоритета государственной службы даже после отмены ее обязательного характера, практическое слияние бюрократических разрядов и социальных групп в среде дворянства превратили чин в главный показатель сословного достоинства. При этом монархия жестко ориентировала дворян на службу, а не на успешное ведение собственного хозяйства¹⁰⁰. В. П. Степанов выявил и опубликовал сведения о времени службы дворян, упомянутых в Адрес-календарях во второй половине XVIII в.¹⁰¹ Л. Ф. Писарькова отметила всплеск должностных злоупотреблений дворян в ряде губерний во второй половине 80-х гг. XVIII в. Многочисленные хищения казенных денег привели к тому, что в 1791 г. правительство издало указ, предписывавший более внимательно относиться к должности казначея и следить за тем, чтобы в казначействе не накапливались значительные суммы¹⁰².

Эволюция государственной службы и изменение положения дворянства в результате реформ Петра I представлены в исследовании «Правящая элита Русского государства в IX – начале XVIII в.». Е. В. Анисимов отмечает, что петровские реформы ускорили уже имевшийся процесс распада прежней системы служилых чинов, а сами преобразования сопровождались распространением в новой дворянской среде западноевропейских принципов службы, новых норм поведения и этики¹⁰³. Законодательная политика

¹⁰⁰ Марасинова Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 2008; она же. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

¹⁰¹ Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб., 2003.

¹⁰² Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 414–436.

¹⁰³ Правящая элита Русского государства в IX – начале XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 495.

правительства второй половины XVIII в. в отношении дворянства, их прав и привилегий, а так же ее реальное воплощение отразилось в издании «Власть и реформы. От самодержавной к советской России»¹⁰⁴.

Вопросы формирования дворянского сословия и его сословной самоидентификации раскрываются в работах Т. М. Китаниной, Г. И. Зайцевой, С. О. Шмидта, А. В. Дмитриева, Т. А. Коваленко, Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, Б. Н. Миронова, В. И. Буганова, Б. А. Азнабаева. Т. М. Китанина, изучив основные тенденции внутренней политики Екатерины II в отношении дворянства, пришла к выводу, что ко времени правления Екатерины II дворянство сложилось как единый класс-сословие светских феодалов, а на 1760–1780-е гг. приходится пик крепостничества, что стало возможным благодаря экономическому и юридическому усилению позиций дворянства. При этом само дворянство не было однородно ни в социальном, ни в правовом отношении¹⁰⁵. Г. И. Зайцева указывает на то, что переходное состояние дворянства петровского времени отразилось в его сознании, для которого, в свою очередь, была характерна апелляция как к старым традиционным представлениям и ценностям, так и к новым идеям. Под воздействием государства происходила смена стереотипов мышления и поведения у дворян, повышался уровень сословного самосознания, шел процесс создания единого монолитного сословия¹⁰⁶. Через изучение самосознания и психологии привилегированного сословия прослеживает вопросы взаимодействия

¹⁰⁴ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006. С. 163–164.

¹⁰⁵ Китанина Т. М. Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760–1780-х годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2016. Вып. 22. С. 80–92.

¹⁰⁶ Зайцева Г. И. Социальная психология русского дворянства первой четверти XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 3–9.

государства и российского дворянства С. О. Шмидт¹⁰⁷. Т. А. Коваленко считает, что предпосылкой для отделения дворянства от других сословий стали социальные и экономические факторы¹⁰⁸. А. В. Дмитриев, изучая военную службу дворянства середины XVIII в. подчеркивает, что в это время дворянское сословие еще не существовало как единое целое, а представляло собой конгломерат в большинстве своем мелких и мельчайших собственников, почти не связанных друг с другом общностью каких-либо политических и социальных интересов¹⁰⁹.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова отмечают, что складывание дворянского сословия происходит на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. В это время определяется состав сословия, оформляются его обязанности и расширяются права, которые принципиально отличали дворянство от других сословий, ставя его в привилегированное положение. Ограничения в составе дворянства касались лиц, не состоявших на действительной государственной службе, что усиливало служилое значение сословия. В итоге государственная служба, военная и гражданская, стала прерогативой дворянства¹¹⁰. А. В. Седунов изучил деятельность административно-полицейских властей и управленческую деятельность отдельных дворян г. Пскова и Псковского края¹¹¹.

¹⁰⁷ Шмидт С. О. Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI – первой трети XIX вв. // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX вв. М., 2002. С. 35–49.

¹⁰⁸ Коваленко Т. А. Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 1999. С. 5–11.

¹⁰⁹ Дмитриев А. В. Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 102–111.

¹¹⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество российской империи: XVIII – начало XX века. С. 84–149.

¹¹¹ Седунов А. В. Административно-полицейские власти г. Пскова и Псковской земли в XVIII в. // Псков. 2004. № 20. С. 104–109.

Б. Н. Миронов, применяя междисциплинарный подход и сравнительно-исторический метод, рассмотрел вопрос формирования благородного сословия на основе широкого круга источников. Анализируя социальную структуру русского общества XVIII в., автор пришел к выводу, что дворянство к 1785 г. приобретает в общих чертах признаки сословия. В основу стратификации дворянства он положил доходы и источники приобретения¹¹². Корпоративную организацию и изменение привилегированного положения этой части общества рассмотрел В. И. Буганов¹¹³.

Б. А. Азнабаев, изучив проблемы формирования служилого населения Уфимского уезда в конце XVI – первой трети XVIII вв., пришел к выводу, что основным фактором, который предопределил особенности социально-экономического статуса служилого населения края, стали нормативно-правовые акты местных властей. Это сформировало специфические черты уфимского дворянства, в частности, исключительную сословную замкнутость, консервацию условной формы поместного землевладения и т. д.¹¹⁴

Продолжается работа по истории повседневности, по изучению бытовой и культурной сторон жизни привилегированного сословия, которые раскрываются в работах Ю. М. Лотмана, Ю. А. Тихонова, Р. М. Байбуровой, Т. В. Ковалевой, Ю. М. Овсянникова, Л. В. Вдовиной, О. И. Лисицыной, З. А. Тимошенковой, Л. В. Васильевой, Н. Г. Розова. Ю. М. Лотман, изучая повседневную жизнь русского дворянства XVIII — начала XIX вв., рассматривает ее как историко-психологическую категорию. Внимание уделено

¹¹² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 82–122; он же. Время величия // Родина. 2001. № 9. С. 35–38.

¹¹³ Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–42.

¹¹⁴ Азнабаев Б. А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв.: землевладение, социальный состав, служба. Уфа, 1999.

быту и устройству помещичьей усадьбы¹¹⁵. Ю. А. Тихонов рассмотрел устройство помещичьих усадеб¹¹⁶. Р. М. Байбунова – отличия «дворянских гнезд» в провинции¹¹⁷. Под редакцией Л. В. Ивановой было опубликовано исследование истории дворянской усадьбы на протяжении нескольких веков¹¹⁸. Т. В. Ковалева отметила, что сельская усадьба зачастую была экономической основой дворянской семьи¹¹⁹. З. А. Тимошенкова проследила преемственность между дворовыми комплексами XVII и начала XVIII вв., когда зарождаются и развиваются элементы помещичьей усадьбы¹²⁰.

Ю. М. Овсянников воссоздал картины жизни и бытового уклада разных слоев русского общества, в том числе и дворянства¹²¹. Л. В. Вдовина проанализировала повседневную жизнь дворянина в провинциальном городе второй половины XVIII – начала XIX вв.¹²² О. И. Лисицына обратилась к вопросу воспитания девочек в дворянской семье в конце XVIII – первой

¹¹⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994. С. 117–195.

¹¹⁶ Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. СПб., 2005. С. 125–138.

¹¹⁷ Байбунова Р. М. Старинная русская усадьба XVIII в. // Наука и жизнь. 1993. № 8. С. 82–86.

¹¹⁸ Иванова Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XV–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001.

¹¹⁹ Ковалева Т. В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: вторая половина XVIII – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004.

¹²⁰ Тимошенкова З. А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVI – начала XVIII века. Псков, 1999.

¹²¹ Овсянников Ю. М. Картины русского быта. М., 2000. С. 325–347.

¹²² Вдовина Л. В. Повседневная жизнь дворянина в провинциальном городе второй половины XVIII – начала XIX вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2002. С. 280–290.

половине XIX вв.¹²³. В статье А. Б. Постникова «Благотворительные учреждения Пскова в XVI–XVIII вв.» содержатся отдельные данные о благотворительной деятельности псковских дворян¹²⁴.

В современных краеведческих справочных изданиях представлены сведения о дворянских имениях на Псковщине с указанием их местоположения и владельцев¹²⁵. Так, Н. Г. Розов суммировал описания помещичьих усадеб Псковщины с указанием их положения, владельцев, облика и истории создания¹²⁶. Л. В. Васильевой удалось собрать сведения об имениях Порховского уезда¹²⁷. История Волышова – имения Васильчиковых и Строгановых – содержится в воспоминаниях Г. В. Проскуряковой¹²⁸. Описание владений дворян пушкинских мест представлены в исследовании В. Г. Никифорова¹²⁹. В. М. Галицкий описал родовое имение дворян Коновницыных¹³⁰, С. В. Моисеев изучил архивные документы по истории дворянского имения Полоное в XVIII в.¹³¹ Биографические сведения об

¹²³ Лисицина О. И. Воспитание будущих «жен» и «матерей» в российской дворянской семье конца XVIII – первой половине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 15–34.

¹²⁴ Постников А. Б. Благотворительные учреждения Пскова в XVI–XVIII вв. // Псков. 2000. № 12. С. 57–88.

¹²⁵ Старинные усадьбы Бежаницкого района и их владельцы. Великие Луки, 2004.

¹²⁶ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки, 2011.

¹²⁷ Васильева Л. В. Имения Порховского уезда: информационный справочник. Псков, 2008.

¹²⁸ Проскурякова Г. В. Волышовская старина: О родине – Псковском крае: из воспоминаний. СПб., 2008.

¹²⁹ Никифоров В. Г. Из Михайловского в Тригорское // Псков. 2008. № 28. С. 122–126.

¹³⁰ Галицкий В. М. К вопросу реконструкции портретной галереи Коновницыной // Псков. 1999. № 10. С. 17–22.

¹³¹ Моисеев С. В. Полоное в XVIII в. по архивным документам // Краеведческие чтения. Материалы X научной конференции. Порхов. 2008. С. 174–180.

отдельных представителях псковского дворянства содержатся в современных краеведческих справочных изданиях¹³².

Заметное место занимает изучение отдельных дворянских родов и фамилий. Переиздан справочник «Дворянские роды Российской империи»¹³³. Сведения по истории дворянских родов можно найти в таком издании, как «Самые знаменитые династии России»¹³⁴. Появление новых дворянских родов в провинции рассматривается в работах Л. Е. Шепелева¹³⁵, И. А. Королевой¹³⁶. Судьбы отдельных дворянских родов и их представителей, помещичьих усадеб, а так же обзорные статьи по дворянской тематике представлены в таких изданиях как «Псковская земля. История в лицах. “Дворяне все родня друг другу...”»¹³⁷, «Дворянские роды Псковской губернии»,¹³⁸ «Во славу России: псковичи в истории российского флота»¹³⁹ и др. С конца 1990-х гг. в историко-краеведческом журнале «Псков» регулярно выходят статьи исследователей по истории отдельных дворянских фамилий и их представителей, которые были

¹³² Псковский биографический словарь. Псков, 2002; Летопись земли Псковской: годы и события. Псков, 2007; Котов В. В. Холм на Ловати и его земля. Псков, 2004.

¹³³ Дворянские роды Российской империи. В 4 кн. СПб., 1993–1998.

¹³⁴ Сурмина И. О., Усова Ю. В. Самые знаменитые династии России. М., 2002.

¹³⁵ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX вв. СПб., 1999; он же. Особенности образования новых служилых дворянских родов в XVIII – начале XX вв. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 69–75.

¹³⁶ Королева И. А. Смоленское дворянство в фамилиях и родословных (историко-культурологическое и лингвистическое описание). Смоленск, 2007.

¹³⁷ Симакина Г. А. Философы // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 218–227; Логинов И. Последний владелец Богдановского // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» М., 2006. С. 228–235.

¹³⁸ Дворянские роды Псковской губернии. Псков, 2007.

¹³⁹ Во славу России. Псковичи в истории российского флота. Псков, 2016.

наиболее известны и значимы в истории Псковщины¹⁴⁰. В сборниках краеведческих научно-практических конференций так же публикуются исследования историков и краеведов о псковских дворянах и их деятельности¹⁴¹. Р. Н. Антипова обратилась к изучению рода Философовых, связанных родственными узами с многими псковскими дворянскими родами¹⁴². Н. Ф. Левин исследовал историю рода Неклюдовых¹⁴³. Е. А. Изюмов, Т. Ю. Мальцева и Л. В. Козьмина посвятили свои публикации истории наследия рода Ганнибалов¹⁴⁴. Е. П. Иванов проанализировал жизнь и деятельность П. П. Коновницына и его родословную¹⁴⁵. История дворянского рода Карамышевых и их родословные связи изучаются О. М. Карамышевым¹⁴⁶. Л. Н. Макеев обратилась к истории псковской ветви рода Голенищевых-

¹⁴⁰ Пахоменкова М. М. Дворянский род Львовых // Псков. 2007. № 26. С. 25–32; Афанасьев Ю. И. К истории рода Коновницыных // Псков. 2012. № 36. С. 50–58; Жучков К. Б. А. А. Яхонтов и Ганнибалы в 1813 г. // Псков. 2013. № 38. С. 56–61.

¹⁴¹ Псковская губерния и ее архив: история и современность: материалы науч.-практ. конф. 16 нояб. 2001 г. Псков, 2001; Материалы десятых Псковских архивных чтений 19 ноября 2015 года. Псков, 2016.

¹⁴² Антипова Р. Н. Культурное наследие Философовых. (От пушкинских времен до «Мира искусства») // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 2009. С. 124–135.

¹⁴³ Левин Н. Ф. Дворяне Неклюдовы и их усадьбы // Дворянские усадьбы Псковской губернии: (материалы II областной научно-практической конференции). Псков, 2008. С. 71–82.

¹⁴⁴ Изюмов Е. А. Их имена забыться не должны. Л., 1989; Мальцева Т. Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999; Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. М., 2003.

¹⁴⁵ Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002.

¹⁴⁶ Карамышев О. М. Служилый род Московской Руси. Карамышевы. Кн. 1. СПб., 2009. С. 321–407; он же. Сельцо Полосы и его обитатели // Краеведческие чтения. Порхов: материалы научной конференции. Псков, 2007. С. 17–27.

Кутузовых¹⁴⁷. О. М. Карамышев и А. А. Шумков характеризуют родовой состав псковского дворянства с XVIII – начала XIX вв. до 1917 г. на основе списков дворян, описей и данных родословной книги Псковской губернии¹⁴⁸. К сожалению, авторы представили список фамилий в целом для всего исследуемого ими периода, без разделения на временные промежутки. А. А. Шумков совместно с А. А. Михайловым изучали фамилии белорусско-литовских и польских дворян в родословной книге Псковской губернии¹⁴⁹.

История составления дворянских родословных книг освещена Л. А. Быковой – для Тверской¹⁵⁰, И. В. Савицким – для Олонецкой¹⁵¹ губерний. Появляются издания, ориентированные на массового читателя. Так, 2001 г. начал издаваться научно-популярный журнал «Генеалогический вестник», который, по мнению авторов, должен способствовать распространению генеалогических знаний, обмену опытом генеалогических изысканий, и вовлечению в научный оборот фактов семейной истории¹⁵². Однако, несмотря на активное изучение истории дворянских родов и фамилий, основной материал в исследованиях относится к XIX–XX вв., и XVIII в. затронут в меньшей степени.

А. Б. Каменский, Т. Б. Калабин, О. И. Хоруженко обращаются к источникам фиксации принадлежности к дворянскому сословию и атрибутики.

¹⁴⁷ Макеенко Л. Н. Род Голенищевых-Кутузовых // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 108–111; она же. Сельцо Корытово и его владельцы // Псков. 1998. № 8. С. 69–71.

¹⁴⁸ Карамышев О. М., Шумков А. А. Родовой состав псковского дворянства в XVIII – начале XX вв. // Дворянские роды Псковской губернии. Псков, 2007. С. 19–21.

¹⁴⁹ Михайлов А. А. и Шумков А. А. Белорусско-литовские и польские дворяне в родословной книге Псковской губернии // Годнасьць. 1994. № 1(2). С. 22–30.

¹⁵⁰ Быкова Л. А. Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787–1797 гг.: источники, история составления // Генеалогические исследования. М., 1993. С. 189–210.

¹⁵¹ Савицкий И. В. Ведение родословной книги в Олонецкой губернии 1791–1841 гг. Петрозаводск, 2001. С. 5–17.

¹⁵² Генеалогический вестник. Вып. 1–39. СПб., 2001–2010.

А. Б. Каменский проанализировал историю возникновения дворянской родословной книги¹⁵³. Т. Б. Калабин помимо родословных книг, рассмотрел систему подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства в России в XVIII–XIX вв.¹⁵⁴ О. И. Хоруженко детально изучил вопрос о дворянских дипломах: историю выдачи дипломов на дворянство, гербы и титулы в России XVIII в., произвел учет всех дипломов XVIII в., сохранившихся в оригинале или в виде отпусков, копий, а так же известных только по упоминаниям в реестрах, делопроизводственных материалах, литературе. В монографии прослежена политика правительств в сфере выдачи дипломов, реконструирована процедура делопроизводства по сопоставлению этих актов¹⁵⁵. Им определена функция герба в практике самоорганизации дворянских корпораций¹⁵⁶.

Внимание истории местного самоуправления уделено в работах В. В. Чижовой, В. В. Еремян¹⁵⁷, М. В. Федорова, А. И. Куприянова, М. Т. Марковой, Д. В. Тимофеева. В. В. Чижова, анализируя выборы от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв., пришла к выводу, что деятельность дворянских сословных структур способствовала консолидации представителей привилегированного сословия, хотя окончательно этот процесс не мог быть

¹⁵³ Каменский А. Б. Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 168–174.

¹⁵⁴ Калабин Т. Б. Система подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства в России в XVIII–XIX вв. и родословные книги // Опыты по источниковедению. СПб., 1997. С. 21–28.

¹⁵⁵ Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 154.

¹⁵⁶ Хоруженко О. И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. М., 2013.

¹⁵⁷ Еремян В. В., Федоров М. В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.). М., 1998. С. 171–175.

завершен из-за внутренней дифференциации сословия¹⁵⁸. А. И. Куприянов пришел к выводу, что сам институт дворянских выборов формируется только с момента избрания Уложенной комиссии 1767 г. и, несмотря на дальнейшее нормативно-правовое оформление, в законодательстве этого периода продолжали существовать отдельные юридические нестыковки, которые открывали определенные возможности как для вмешательства местных властей, так и для интерпретации действующих правил самими участниками избирательного процесса на местах¹⁵⁹. Автор изучил дворянские выборы, процедуру их проведения, избирательную активность и отношение дворян к своим обязанностям на примере Московской губернии¹⁶⁰. Он обратился так же к проблеме фальсификации выборов, подразумевая под этим намеренные действия для достижения результата, отличающегося от волеизъявления избирателей¹⁶¹. Основные направления деятельности Псковского дворянского депутатского собрания, вопросы, рассматривавшиеся в сословных органах самоуправления, исследовала М. Т. Маркова¹⁶².

Электоральные практики в среде благородного сословия на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. проанализировал Д. В. Тимофеев. Он пришел к выводу, что в предвыборной борьбе использовались и финансовые механизмы

¹⁵⁸ Чижова В. В. Выборы от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тверской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001.

¹⁵⁹ Куприянов А. И. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX века: от сословной корпорации к институту гражданского общества? // Российская история. 2012. № 1. С. 30–41.

¹⁶⁰ Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 227–265.

¹⁶¹ Куприянов А. И. Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 гг. // Российская история. 2015. № 6. С. 3–18.

¹⁶² Маркова М. Т. Основные направления деятельности Псковского дворянского депутатского собрания // Псков. 2004. № 20. С. 74–79.

влияния как материальная помощь участникам дворянского собрания, чей проезд и длительное пребывание в губернском городе были обременительным мероприятием для самих участвующих¹⁶³.

В настоящее время происходит пересмотр восприятия провинциального дворянства как отдельной части привилегированного сословия империи, отчужденного от столичного. В сборнике «Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века» отечественные и зарубежные исследователи рассматривают историю провинции как одну из центральных проблем российской истории. О. Е. Глаголева и Н. К. Фомин, изучая служебную деятельность провинциального дворянства в 1750–1770-е гг. на материалах Тульской губернии, попытались представить механизмы социального регулирования на местах и способы проведения в жизнь политики центральной власти¹⁶⁴.

Таким образом, на современном этапе развития отечественной историографии продолжается плодотворная исследовательская традиция анализа социально-экономической истории. При рассмотрении структуры феодальной собственности исследователи чаще сопоставляли статичные обобщенные картины землевладения по количественным параметрам (доля поместий и вотчин в уездной структуре землевладения, общее количество владений различных типов, их группировку по величине, населенности и т. п.)

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о времени завершения процесса формирования дворянского сословия. Так же в качестве основных проблем дворянской истории, к которым исследователи обращаются на протяжении всего времени изучения этой части русского общества, можно

¹⁶³ Тимофеев В. Д. В борьбе за голос благородного дворянина: электоральные практики в России на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4 (16). С 45–57.

¹⁶⁴ Глаголева О. Е., Фомин Н. К. Дворяне «в штатском»: Провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века*. М., 2012. С. 148–227.

выделить следующие: дворянская служба, самоуправление, поместное право (как право на эксплуатацию крестьян и наличие владений) и культурно-бытовая жизнь. Исследователи раскрывают вопрос о дворянской службе через изучение прав и обязанностей дворян по отношению к государству, их эволюцию, отношение дворян к своим обязанностям, восприятие себя как опоры престола. Проблема дворянского самоуправления анализируется в контексте становления корпоративной организации, степени ее значимости и влияния на сословное самоопределение. Поместное право дворян раскрывается в большом количестве вопросов, касающихся крепостной эксплуатации, взаимоотношений с крестьянами, устройства вотчин и статистических данных о владениях. Культурно-бытовая сторона жизни представлена как работами, касающимися отдельных усадеб и жизни дворянства определенных регионов, так и обобщающими трудами о привилегированном сословии. В то же время архивы хранят еще много источников по истории дворянства, введение которых в научный оборот не только позволит дополнить и скорректировать уже известные концепции, но и, безусловно, приведет к постановке новых исследовательских задач.

Таким образом, если в дореволюционной историографии превалировала сословно-правовая сторона изучения дворянства, в советской – социально-экономическая, отраженная через призму «классовых интересов» эксплуатируемых масс, то применительно к современному этапу можно говорить об усилении внимания к историко- и социокультурному аспектам истории дворянства¹⁶⁵. Возрос интерес к локальным исследованиям, поскольку метод микроистории позволяет уточнить и конкретизировать общие тенденции и закономерности. Региональный подход способствует углублению и расширению конкретно-исторических исследований общероссийского

¹⁶⁵ Платонова Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX вв.: по материалам Саратовской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.

масштаба¹⁶⁶. Историки обращаются к анализу эволюции «родовых гнезд» с момента их появления и до конца XIX в., социальных отношений внутри них, их культурного и экономического потенциала.

Зарубежная историография, как и отечественная, представлена общими и специальными работами. На основе социокультурного подхода роль и место службы в жизни дворянства освещены в работе Марка Раева, который подчеркивает, что осуществление дворянином гражданской службы давало ему реальную привилегию как материальную, так и не менее важную социально-психологическую¹⁶⁷.

О самоопределении дворянства и его традициях пишет Нэнси Коллманн. Она приходит к выводу, что честь была конституирующим понятием для русского общества уже в XVI в.¹⁶⁸

Изабель де Мадарьяга изучила статьи и монографии, посвященные самым разнообразным вопросам по истории России в эпоху Екатерины Великой, проанализировала материал, накопленный в русской, советской и зарубежной историографии. Ее работа остается наиболее полным зарубежным обобщающим трудом о екатерининской России, содержащим в себе представления и о дворянстве того периода. Автор отмечает, что, в отличие от Запада, сословия в России никогда не имели корпоративного статуса и определяющего политического веса¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Шестаков М. В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII–первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.

¹⁶⁷ Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990.

¹⁶⁸ Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / Пер. с англ. А. Б. Каменского. М., 2001.

¹⁶⁹ Изабель де Мадарьяга. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002.

Таким образом, несмотря на интерес к истории России XVIII в. и внимание к теме дворянского сословия этого периода, как в отечественной, так и в зарубежной историографии не появилось специальных работ, полностью освещающих этот вопрос. В то же время значительная источниковая база, сосредоточенная в местных и центральных архивах, позволяет восполнить этот пробел и охарактеризовать Псковское дворянство в этот период, отразив как общероссийские тенденции эпохи, так и местные особенности исторического пути данного сословия.

1.2. Источники по истории псковского дворянства XVIII в.

Источниковая база исследования истории псковского дворянства представлена несколькими группами источников.

Первую группу составили законодательные акты, принимавшиеся в отношении дворянства. Подавляющая часть нашедших применение в исследовании нормативно-правовых актов содержится в следующих изданиях: «Полное собрание законов Российской империи»¹⁷⁰, «Российское законодательство X–XX веков»¹⁷¹ (4-ый и 5-ый тома), «Законодательство Петра I»¹⁷² и «Законодательство Екатерины II»¹⁷³. Основные акты дворянского законодательства Российской империи, опубликованные в этих изданиях, были систематизированы В. Ю. Рикманом, который сопровождал их своими комментариями¹⁷⁴.

¹⁷⁰ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 5, 6, 8–10, 12, 14–17, 20, 22. СПб., 1830–1851.

¹⁷¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4–5. М., 1986–1987.

¹⁷² Законодательство Петра I. М., 1997.

¹⁷³ Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001.

¹⁷⁴ Рикман В. Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 41.

Сравнительный анализ законодательных актов позволяет проследить изменения правового положения дворянства, что отражало не только политику правительства в отношении изучаемого сословия, но и уже существующие жизненные реалии, которые предшествовали юридическому оформлению тех или иных норм.

Помимо опубликованных законодательных актов, в работе были использованы имевшие силу закона императорские указы. В ГАПО сохранились четыре указа за 1728 г. с приложенными к ним именными списками помещиков, которые должны были заплатить «окладные деньги»¹⁷⁵, и рукописная копия указа Анны Иоанновны 1733 г., связанного с разрешением спорного дела о взыскании с псковской помещицы А. В. Богдановой недоимок в размере 110 руб. 25 коп.¹⁷⁶

Из Герольдии на места приходили императорские указы с требованием сбора сведений касающихся оснований выдачи свидетельств о дворянском происхождении. Например, в фонде 110 «Псковского губернского дворянского депутатского собрания» ГАПО сохранился указ 1802 г., предписывающий сбор сведений относительно дворянского происхождения А. Н. Дворницына¹⁷⁷. Несмотря на то, что хронологические рамки источника выходят за установленные для исследования границы, его привлечение является обоснованным в связи с тем, что процессы начала XIX в. неразрывно связаны с явлениями конца XVIII столетия.

Участие в законодательном процессе в рассматриваемый период принимал и Сенат, указы которого также были использованы нами в работе. Секретный указ правительствующего Сената от 1 июня 1783 г. предписывал Псковскому наместническому правлению произвести поиск бежавших крестьян и отправить их в Тверское наместническое правление, в Санкт-Петербургское

¹⁷⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–53.

¹⁷⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

¹⁷⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 35–79.

губернское и Новгородское наместническое правления. Впоследствии в соответствии с полученным указом были отправлены три рапорта об успешном его выполнении¹⁷⁸. В секретных указах Сената, сохранившихся в фонде 74 «Псковского наместнического правления» ГАПО, содержится материал для изучения социального протеста помещичьих крестьян: локализации крестьянских выступлений, поведения крепостных крестьян, отношения крестьян и помещиков, виды и формы наказаний крестьян, расходы на подавление выступлений и т. п. Указы Сената являются ценным источником, позволяющим не только выявить всю сложность такого явления как неповиновение крестьян помещику – по сути, проявления социального противостояния крепостных с феодалом, но и отразить степень участия правительства в этом противоречивом вопросе. Подобные нормативно-правовые акты и сопутствующая им переписка дает возможность проследить и эффективность исполнения воли правительства на местах.

Таким образом, комплекс касающихся дворянства законодательных актов, представленный как опубликованными, так и архивными источниками, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, позволяет не только проследить реализацию на местах политики правительства в отношении дворян и их собственности, но и дает богатый материал для реконструкции процессов, сопровождавших те или иные явления жизни и деятельности помещиков, их взаимоотношений с крестьянами и властями.

Вторую группу источников составили материалы статистики. В частности, для изучения владений псковских дворян в XVIII в. нами были привлечены данные из ревизских сказок и переписных книг.

Ревизские сказки являются одним из массовых источников, содержащих сведения о числе помещичьих крестьян. Несмотря на то, что в исследовательском сообществе высказывается мнение о возможной неточности данных ревизских сказок в силу постоянного движения населения, в том числе

¹⁷⁸ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

и бегства крестьян, укрывательства части населения, двойных подсчетов и т. п.,¹⁷⁹ мы разделяем позицию тех исследователей, которые полагают, что эти цифры позволяют получить достаточно точное представление о помещичьем хозяйстве и проследить динамику числа крестьян и их владельцев¹⁸⁰. За исследуемый период было проведено пять ревизий. Сопоставление сохранившихся данных ревизий показывает изменения в составе владений на протяжении XVIII в., позволяет определить их количество, выявить динамику численности крестьян и ее причины, оценить степень состоятельности дворянства, провести группировку дворянских владений. Статистические сведения о дворянстве губернии представлены в сборниках документов Псковского археологического общества¹⁸¹.

Переписные книги 1710–1711 гг., хранящиеся в РГАДА, содержат сведения о помещиках и вотчинниках (место жительства, состав семьи, служба, возраст и т. д.), имевших владения на территории Псковщины¹⁸².

В XVIII в. возможности сбора статистической информации в России были весьма ограничены, и в нашем распоряжении отсутствует значительный массив сопоставимых данных по всему XVIII в., который мог бы быть подвергнут серьезной компьютерной обработке. Вместе с тем, разнообразный пласт статистических материалов, нашедших применение в работе, позволяет

¹⁷⁹ Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. В 2 т. Т. 1. М., 1902. С. 120.

¹⁸⁰ Арсентьев Н. Б., Егупова А. И. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 214–229.

¹⁸¹ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23; он же. Дела Псковской провинциальной канцелярии. С. 2–7; Сиверс А. А. Состав торопецкого дворянства в начале XVIII столетия на основании современного документа // Сборник трудов членов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 213–219.

¹⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 1–490; Д. 8180. Л. 1–888; Д. 8181. Л. 1–1106; Д. 8399. Л. 1–345; Д. 8506. Л. 1–809; Д. 8508. Л. 1–718; Д. 8509. Л. 1–849; Д. 8510. Л. 1–724.

получить сведения о семьях землевладельцев начала XVIII в., определить динамику благосостояния псковского дворянства XVIII в. и проследить изменения его родового состава.

Отдельную группу источников нашего диссертационного исследования составили материалы Генерального межевания (межевые книги и планы дач) и Экономические примечания к Генеральному межеванию. Сведения геометрических карт, составленных по данным Генерального межевания в 80-е гг. XVIII в., дали возможность провести пространственное распределение дворянских владений на территории Псковской губернии в конце XVIII в. Исходные материалы нами были получены в РГАДА в виде растровых изображений (фотографий). Для локализации владений в масштабах всей губернии в качестве первоосновы была использована «Геометрическая карта Псковской губернии»¹⁸³, на основании которой нам удалось создать новую карту, для которой были заимствованы из первоисточника основные географические объекты: реки и озера, города, дороги, границы уездов и губернии, а так же населенные пункты: города и села. Зафиксированные на карте села идентифицированы по принадлежности к владельцу и соотнесены с данными Экономических примечаний к Генеральному межеванию¹⁸⁴. В результате было определено 98 объектов. Используя «Геометрическую карту Псковского уезда»¹⁸⁵, нам удалось провести аналогичную работу по идентификации помещичьих владений на территории Псковского уезда, но уже с более мелкими типами поселений, такими, как сельцо и деревня, что существенно дополнило картину пространственной локализации дворянских владений. Экономические примечания к Генеральному межеванию¹⁸⁶ дали возможность не только уточнить состав псковских помещиков и

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4654.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4711.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

принадлежность владений, но и определить число дач у отдельных дворян или фамилий. Межевые книги и планы дач помещиков Псковской губернии второй половины XVIII в. из фонда «Псковского губернского землемера» ГАПО позволили уточнить структуру владения и особенности хозяйствования. Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. Они включали село, сельцо с деревнями или пустошами, деревни, деревни с пустошами и пустоши. Наличие в даче только деревень говорит об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в ней, что позволило высчитать запашку на одного крестьянина. Анализ материалов межеваний на территории Псковского края позволил изучить особенности дворянского землевладения в XVIII в.

Еще одна важная группа источников – списки дворянства. В XVIII в. был опубликован «Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г.»¹⁸⁷, который дает возможность проанализировать состав участников собрания и лиц, избранных в органы самоуправления и суда. В фонде «Псковской провинциальной канцелярии» ГАПО сохранился «Список помещиков Псковского уезда» за 1749 г. Заголовок не отражает в полной мере содержание дела. Вслед за списком помещиков в алфавитном порядке в нем перечислены другие категории владельцев на территории уезда. Итоговое количество населенных пунктов ни для отдельных владельцев, ни для уезда в целом не приведено¹⁸⁸. «Список господам дворянам Псковской губернии 1792 г.» включает дворян всех восьми уездов, входивших на тот момент в состав Псковской губернии. По мнению М. Т. Марковой, он был составлен для учета дворян, которым предстояло принять участие в

¹⁸⁷ Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

¹⁸⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 504.

выборах губернского депутатского собрания¹⁸⁹. Мы считаем, что список был подготовлен в канцелярии псковского губернатора для составления родословной книги. В качестве одного из доказательств следует упомянуть, что в него включены дворяне, которым не исполнилось еще 25 лет – возраста, с которого было возможно участие в выборах¹⁹⁰.

В фонде 110 ГАПО отложилось несколько десятков «Списков фамилий» или родословных росписей, имеющих вид таблиц с личными данными просителя (имя, фамилия и отчество, возраст и дата рождения), матримониальным положением, месте постоянного проживания и отношения к службе¹⁹¹. Имеются описания гербов¹⁹². Эти сведения позволяют дополнить информацию общих дворянских списков, а так же уточнить степень их достоверности. Если в начале XVIII в. списки имели фискальное назначение, поскольку дворяне были ответственны за выплату своими крестьянами окладных денег,¹⁹³ то для конца века они носили скорее информативный характер, предоставляя сведения для решения вопросов, касающихся дворянского самоуправления и подготовки дворянской родословной книги губернии. Сопоставление списков дворян позволяет определить состав представителей благородного сословия Псковщины и его трансформацию на протяжении столетия.

Особую группу источников составил комплекс документов, которые дворяне представляли в качестве доказательств принадлежности к благородному сословию. Это: жалованные грамоты (копии) на ордена¹⁹⁴ и владения¹⁹⁵, аттестаты, патенты на чины¹⁹⁶. Подобные источники содержат

¹⁸⁹ Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства. Псков, 2008. С. 10.

¹⁹⁰ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–27.

¹⁹¹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1343. Л. 3.

¹⁹² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 891. Л. 12.

¹⁹³ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–53.

¹⁹⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1228. Л. 3.

¹⁹⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 891. Л. 15.

обширный биографический материал об отдельных дворянах, иллюстрируют делопроизводство по такому важному вопросу как доказательство принадлежности к дворянству и позволяют проверить спорные биографические данные. Источники, где отражены сведения о процедуре причисления к дворянству, представлены определениями Псковской комиссии для ревизии действий Псковского дворянского депутатского собрания¹⁹⁷ и объяснениями от дворян на имя дворянского предводителя¹⁹⁸. Они имеют особую ценность для анализа деятельности органов дворянского самоуправления, поскольку выявляют особенности функционирования сословных институтов и отражают влияние на них различных социальных факторов (таких как родство, связи с «высокими чинами» и т. п.). Дворянские прошения содержат богатый фактический материал о деятельности псковских дворян, что позволяет проследить бюрократическую сторону многих вопросов, решаемых на местном уровне. Прощения от дворян направлялись на имя губернатора¹⁹⁹, в Псковское губернское правление²⁰⁰ и депутатское собрание. Дворяне подавали прошения на внесение их в родословную книгу губернии²⁰¹, предоставление дополнительных доказательств о дворянстве²⁰². В описи дел о внесении фамилий дворян в Гербовник имеются указания на прошения дворян в депутатское собрание о внесении их герба в Гербовник, копии с выписок из Военной коллегии, родословные с гербами, дворянские списки, определения депутатского собрания, прошения в Псковское губернское правление, копии с жалованных грамот со свидетельствами уездных судов, указы Герольдии и рапорты о получении указов, копии с патентов на чин, указы об отставке,

¹⁹⁶ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1258а. Л. 5–10.

¹⁹⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 31.

¹⁹⁸ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1242. Л. 11.

¹⁹⁹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

²⁰⁰ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 2.

²⁰¹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1228. Л. 3.

²⁰² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1343. Л. 2–5.

запросы и выписки из дел Псковской палаты суда и расправы²⁰³. Описи, находящиеся в конце дел по сходной с их названием тематике, содержат и сведения о документах, подтверждающих дворянское происхождение. Это указы Герольдии, свидетельства уездного суда, родословные, копии с резолюции депутатского собрания и указы об отставке дворянина, претендующего на дворянство, рапорты о получении указа Герольдии, рапорты уездных предводителей дворянства, рапорт от губернского предводителя дворянства в Герольдию, постановления собрания и выписки из отдельных книг²⁰⁴. «Опись по алфавиту делам псковского дворянского депутатского собрания с 1789 по 1829 гг.» предоставляет возможность выявить документы, которые прилагались к делам, рассматриваемым в собрании, инициаторов дела, личность подававшего прошение²⁰⁵. «Алфавит лицам записанным в родословную книгу Псковской губернии» (часть I) позволяет определить дворянские семьи, чье происхождение было подтверждено, и уточнить некоторые биографические данные для их представителей²⁰⁶. Сопоставление «Описи», «Алфавита» и «Списка» дает возможность не только критически проанализировать сведения документов, но и проследить судьбу отдельных дворян.

Одним из массовых источников конца XVIII в. по истории дворянства являются рапорты – официальные служебные сообщения вышестоящим лицам. Эти источники сохранились в составе дела о дворянских выборах, фонда 366 «Псковского губернского предводителя дворянства» ГАПО. Рапорты касаются процесса избрания дворян в органы самоуправления и суда Псковской губернии. Всего в деле сохранились 50 рапортов: 46 рапортов губернскому предводителю от уездных предводителей, 2 – губернатору и 2 – в псковское

²⁰³ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 892. Л. 3–18; Д. 1122. Л. 30–63.

²⁰⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 49.

²⁰⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–53.

²⁰⁶ ГАПО. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–216.

наместническое правление от губернских предводителей. Сведения, сообщаемые в рапортах, позволяют детализировать процедуру проведения выборов в органы самоуправления и суда и уточнить документацию, сопровождавшую этот процесс. К рапортам прилагались списки не только избранных уездных предводителей, но и лиц, выбранных в «прочие присутственные места», а так же кандидатов на замещение этих должностей²⁰⁷. Рапорты содержат ценные сведения о деятельности дворянского самоуправления и позволяют уточнить даты пребывания тех или иных лиц в должности дворянского предводителя²⁰⁸. Источник позволяет установить лица, замещавшие должности в случае отсутствия вновь избранных²⁰⁹, что свидетельствует о практике как постоянного, так и временного замещения должностей уездных предводителей в Псковской губернии в конце XVIII в. лицами, не предусмотренными в качестве кандидатов по голосованию. Рапорты позволяют определить дату проведения выборов в губернии, поскольку в них упоминается порядковый номер очередных выборов. Детали функционирования системы самоуправления, принятые решения отражаются и в рапортах самих уездных предводителей к губернскому предводителю. В

²⁰⁷ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 308–589.

²⁰⁸ В списке предводителей дворянства Н. И. Акулова, опубликованного в 1917 г., указано, что Н. А. Гаврилович был великолукским предводителем в 1793–1795 гг. (см.: Акулов Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917. С. 149–155), однако, согласно рапортам, он занимал эту должность на момент выборов 1799 г., а в 1793–1795 гг. уездным предводителем был Н. Великопольский (ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 315–403).

²⁰⁹ Рапорт губернскому предводителю 1801 г. был отправлен Г. Н. Алексеевым (1799–1801 гг.) из-за отсутствия вновь избранного великолукского уездного предводителя П. Хмелева. Поскольку отсутствие П. Хмелева было длительным, то до его прибытия из Санкт-Петербурга, должность предводителя «препоручили» уездному судье Д. Байкову (Акулов Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917. С. 149–155; ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 589–618).

частности, именно из этого источника известно о процедуре проведения внеочередных выборов в уездные и нижние земские суды²¹⁰.

Существенную помощь в дополнении картины жизни псковского дворянства рассматриваемого периода оказали отдельные разрозненные источники, группировка которых не представляется возможной. К их числу относится хозяйственная книга дворян Пальчиковых за 1777–1841 гг. с описью имущества сельца Щиглицы Псковского уезда, которая хранится в фондах древлехранилища Псковского государственного музея-заповедника. Ведомости подушного сбора с д.м.п. по Псковской губернии (1764 г.), хранящиеся в ГАПО²¹¹, и ведомости о пожалованных крестьянах в Псковском уезде за 1797 г.²¹², хранящиеся в РГИА, позволили уточнить размеры владений во второй половине XVIII в. Ценным источником для изучения жизни и быта помещиков были свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий. Так, Л. А. Травин в своих воспоминаниях описывает не только быт поместья Велье графа Ягужинского, обстоятельства восстания крестьян этой вотчины, но и свой жизненный путь из крепостных в личные дворяне²¹³. А. Т. Болотов также оставил для потомков описание помещичьей жизни Псковщины XVIII в.: города Пскова, куда его отец был направлен для проведения ревизии, а так же имения Апанькино, где жила его старшая сестра²¹⁴.

Таким образом, источниковая база исследования истории псковского дворянства на протяжении XVIII в. достаточно обширна и разнообразна. В исследовании нашли применение опубликованные и неопубликованные

²¹⁰ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 349а–364, 483–490.

²¹¹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 955. Л. 1–63.

²¹² РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–5; Д. 395. Л. 1–3.

²¹³ Впервые жизнеописание Л. А. Травина было опубликовано Л. И. Софийским (Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина // Труды Псковского археологического общества. 1914. № 10. С. 38–131).

²¹⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. В 3 т. Т. 1. М., 1993.

источники различных типов. В научный оборот впервые введены в оборот документы, отложившиеся не только в местных, но и в центральных архивах. Имеющаяся в распоряжении автора совокупность дополняющих друг друга групп источников достаточна для решения задач исследования и достижения его цели.

Глава 2. Дворянство в российском законодательстве

2.1. Дворянство как объект государственно-правового регулирования в первой половине – середине XVIII в.

Нормативно-правовые акты регулировали жизнь и деятельность дворян, отражая динамику положения сословия в структуре общества, взаимоотношения с властью и уровень корпоративной организации. Петр I своей законодательной деятельностью активно реформировал правовое положение привилегированной части российского общества. В законодательной политике этого времени достаточно ярко отразилось восприятие монархом дворянского сословия и его роли в государстве и обществе, которое рассматривалось прежде всего в контексте «государственного интереса». Основную часть жизни дворянина в первой четверти XVIII в. составляла постоянная служба, которую сами дворяне считали не только обременительной, но и разорительной, поскольку барское хозяйство оставалось без присмотра²¹⁵.

Указом 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взыскании за утайку душ» было предписано провести перепись помещичьих крестьян, а за укрывательство предполагалась их конфискация²¹⁶. В результате переписи были зафиксированы все крестьяне, жившие в поместье, а права барина над его крепостными расширены, однако право собственности на землю и крестьян по-прежнему было обусловлено службой и при уклонении от таковой поместья и крестьяне

²¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1830. С. 91; Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. М., 2009. С. 100.

²¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. С. 618–620.

конфисковывались²¹⁷. Реализацию данных распоряжений на местах можно проследить по ревизским сказкам Псковской провинции 1746 г.²¹⁸, которые содержат в себе и сведения за первую ревизию (1719 г.), что позволяет говорить об успешном выполнении государственных распоряжений в этом деле.

В указе «О выдаче обер-офицерам на дворянство патентов» от 16 января 1721 г.²¹⁹ впервые был сформулирован принцип приобретения потомственного дворянства посредством выслуги²²⁰. По мнению О. М. Карамышева, положение данного акта впоследствии было подтверждено и одновременно ограничено в «Табели о рангах»²²¹, которая сформулировала правила пополнения сословия представителями других слоев общества. По мнению В. Ю. Рикмана, именно этот нормативно-правовой акт положил начало законодательству о дворянстве²²². «Табель о рангах» (24 января 1722 г.)²²³ значительно расширила состав дворян, сформировав из выслужившегося дворянства противовес его аристократической части²²⁴. При этом выслужившиеся в наследственные дворяне получали не только патенты на дворянство, но и наследственные имения. В результате произошло не только количественное увеличение сословия, но и его экономическое усиление²²⁵.

²¹⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 82–363.

²¹⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 1549.

²¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830. С. 290.

²²⁰ Рикман Ю. В. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 19.

²²¹ Карамышев О. М. Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

²²² Рикман Ю. В. Дворянское законодательство Российской империи. С. 8.

²²³ Полное собрание законов Российской империи Т. 6. С. 486–493.

²²⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. С. 90–92.

²²⁵ Развитие русского права во второй половине XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 27.

«Табель о рангах» стала одним из ключевых законодательных актов дворянского законодательства XVIII в., определив правовое положение привилегированной части общества в лице дворянского сословия и установив иерархию чинов, что имело значение не только на службе, но и в быту. Права и преимущества, которые давало дворянство, привлекали многих, в связи, с чем возникали многочисленные случаи самозванства. Для борьбы с этим явлением был определен комплекс мер по проверке «чистоты» благородного сословия. При Сенате в 1722 г. была учреждена должность герольдмейстера с широким кругом обязанностей, от сочинения гербов до учета дворян²²⁶. Случаев обращения к герольдмейстеру по вопросу сочинения гербов от псковского дворянства в первой половине XVIII в. не выявлено, как и фактов самозванства.

Законодательство Петра I регулировало и взаимоотношения помещиков со своими крестьянами. Указ от 24 апреля 1713 г. «О учинении наказания крестьянам, которые отложились от владельца» определил «бить кнутом» крепостных за неповиновение своим владельцам и бегство от них²²⁷. Его дополнил указ от 19 февраля 1721 г. «О возвращении в прежние места беглых крестьян и бобылей» прежним владельцам «по крепостям»²²⁸. По мнению В. И. Буганова, меры Петра I привели к консолидации дворянства как господствующего класса, укреплению его экономических и политических позиций²²⁹.

Таким образом, нормативно-правовая база петровского правления не только определила основные права и обязанности дворян по отношению к государству и своей собственности (включая крепостных), но и установила систему приобретения дворянского достоинства путем выслуги. Именно

²²⁶ Герольдия составляла часть сенатской канцелярии, отдельную от общей (см.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 19. С. 46).

²²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. С. 24.

²²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. С. 358–361.

²²⁹ Буганов В. И. Петр Великий и его время. С. 138–140.

петровское законодательство положило начало процессу формирования юридического статуса дворянина как представителя привилегированного сословия, являвшегося опорой трона.

Одним из итогов петровских реформ стала европеизация (модернизация) общества в целом, что наряду с появлением новой законодательной базы создало предпосылки для возникновения полноценных юридических сословий европейского типа. Однако Петр Великий сделал будущие сословия более зависимыми и несвободными от государства, чем это было прежде²³⁰.

При преемниках Петра I дворяне постепенно освобождались от обязанностей перед государством и получали все больше прав. Указ Анны Иоанновны от 17 марта 1731 г. «О именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разных оных между детьми по Уложению» отменил порядок наследования имения одним сыном, оставив распоряжение о том, что родовое недвижимое имущество могло быть передано только наследникам по закону²³¹. Однако послабления со стороны правительства сопровождались и некоторым ужесточением надзора в сфере исполнения закона. Так, по указу Анны Иоанновны 1733 г. состоялось производство по делу о взыскании с псковской помещицы А. В. Богдановой недоимок в размере 110 руб. 25 коп.²³²

Указ «О непокупке купцам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крестьян» от 14 марта 1746 г.²³³ запретил недворянам покупать крепостных. В результате устанавливалась монополия дворян на труд крепостных крестьян²³⁴. По указу «О неременной продаже

²³⁰ Каменский А. Б., Корчмина Е. С., Серов Д. О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. С. 24–94.

²³¹ Полное собрание законов Российской империи Т. 8. СПб., 1830. С. 396–398.

²³² ГАПО Ф. 22. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

²³³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 12. СПб., 1830. С. 523.

²³⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 377–427.

недвижимых имений в полугодовой срок со стороны тех лиц, которым владеть оными по закону запрещено, под опасением, за неисполнение сего указа, отобрания всего имущества в казну» от 6 февраля 1758 г.²³⁵ и 1760 г. канцелярским служащим в обер-офицерских рангах было запрещено «покупать деревни и за собою иметь»²³⁶. Таким образом, в руках представителей привилегированного сословия была сосредоточена одна из доходных отраслей промышленности, а так же рабочие руки для мануфактуры, что в условиях отсутствия вольнонаемной рабочей силы было важным фактором производства. При Елизавете Петровне, как отмечает Б. Н. Миронов, были увеличены вотчинные права дворянства и внесены дальнейшие послабления в их служебные обязанности²³⁷.

С середины XVIII в. происходит расширение прав дворян в отношении своих крепостных. По указу «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут, и о платеже из казны денег за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян, по назначенной в сем указе цене» от 13 декабря 1760 г. помещики могли не только ссылать своих крестьян в Сибирь, но и определять состав преступления для крепостных, санкцией за которое была ссылка. А. Н. Долгих отмечает, что даже если подозрения помещиков оказывались недоказанными, все равно виновных отправляли в Сибирь или записывали в рекруты²³⁸.

Важной мерой законодательной политики правительства в отношении дворянства стал манифест императора Петра III от 18 февраля 1762 г. «О

²³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1830. С. 156.

²³⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. С. 59–67.

²³⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 377.

²³⁸ Долгих А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи // Российская история. 2013. № 3. С. 74–84.

даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», который именует дворянство «российским благородным сословием»²³⁹. Все служащие дворяне могли остаться на службе или уйти в отставку, а не служащие дворяне получили право ехать за границу и служить там. Обязанность обучения оставалась в виде повелительного совета²⁴⁰. Таким образом, дворянство, освобожденное от службы, с правами на землю и крепостных, стало привилегированным сословием по преимуществу²⁴¹. Исключение из монопольного права дворян на владение крепостными составляли только владельцы посессионных крестьян, которыми могли быть и купцы. Но их право на эксплуатацию крепостных крестьян ограничивалось работой на заводах.

Екатерина II в 1763 г. пришла к выводу, что манифест Петра III хотя и дал свободу представителям благородного сословия, все же содержал некоторые стеснения для дворян²⁴². Отметим, что мнения исследователей об этом манифесте достаточно разнообразны: от утверждения, что дворян таким образом отстранили от службы, до восприятия этого законодательного акта как документа, который службу из разряда обязанностей перевел в право²⁴³. М. А. Киселев считает, что этот законодательный акт следует рассматривать не как результат борьбы дворян за свои сословные права, а в контексте сословной политики Петра III²⁴⁴. Псковские дворяне воспользовались возможностью

²³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 15. С. 582–584, 912–914.

²⁴⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 362.

²⁴¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 54.

²⁴² Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 14.

²⁴³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. С. 104.

²⁴⁴ Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–53.

оставить службу и удалиться в свое имение. Например, в 1764 г. К. Б. Бороздин, выйдя в отставку, поселился в Новоржевском уезде в своем имении Ладино²⁴⁵.

Таким образом, нормативно-правовая база Российской империи в отношении дворянства в середине XVIII в. значительно расширила права привилегированного сословия и сократила обязанности. Дворяне практически освобождались от обязательств перед государством, сохраняя при этом сословные привилегии, включавшие исключительное право владеть землей и крепостными крестьянами. Дворянство значительно укрепилось в качестве верхушки общества еще и потому, что только представители благородного сословия могли занимать высшие чины и должности в государстве. Процесс «раскрепощения» дворян со стороны правительства отразил не только стремления самого сословия к расширению своих привилегий, но и стал результатом непосредственного участия дворян в политических процессах, определивших дальнейшую судьбу престола.

2.2. Законодательное оформление дворянского сословия во второй половине XVIII в.

Екатерина II продолжила продворянскую политику ее предшественников. По «Высочайше утвержденному докладу Сената» от 8 августа 1762 г. «Об оставлении в своей силе указа 29 марта сего года, о непокупке к заводам и фабрикам деревень» был подтвержден запрет покупать крестьян и земли к мануфактурам, что стимулировало торгово-предпринимательскую деятельность дворянства.

Инструкцией, данной 23 июня 1763 г. «тайному советнику Олеуфьеву, действительным статским советникам Теплову и Елагину» «О распоряжении по просьбам, подаваемым на Высочайшее имя» регламентировались наказания для

²⁴⁵ Логинов И. Последний владелец Богдановского // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 228–235.

крестьян, подающих жалобы на своих господ²⁴⁶. В первый раз виновного отправляли на каторгу на месяц; в случае повторения содеянного провинившемуся после публичного наказания грозила отправка на каторгу на год, а в третий раз ссылали «навечно» в Нерчинск с зачетом в рекруты. Оплата всех расходов, связанных с подавлениями крестьянских волнений, возлагалась на самих виновников²⁴⁷.

В январе 1765 г. был издан указ «О приеме Адмиралтейской коллегией присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу»²⁴⁸. Таким образом, на основе вотчинного права помещик мог не только судить крестьян, но и приговаривать к каторжным работам с определением срока наказания.

В результате начала межевания земель в 1765 г. не только значительно окрепли землевладельческие права дворян, но и увеличились сами их владения за счет казенных земель. К тому же дворяне получили преимущественное право на продаваемые владения. Произошел фактический вывод оборота дворянских земель из-под контроля государства, что так же способствовало росту сословного самосознания²⁴⁹.

Указом от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового уложения, и о выборе в оную депутатов» дворянство получило право иметь корпоративную организацию на уездном уровне²⁵⁰. Дворяне каждого уезда избирали на два года уездного предводителя. На первом собрании председательствовал губернатор, на последующих – избранный дворянский предводитель. Сначала эта должность была временной и возобновлялась через каждые два года, а с 1771 г. стала постоянной. Как

²⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. СПб., 1830. С. 47, 303–304.

²⁴⁷ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 203.

²⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 17. СПб., 1830. С. 10.

²⁴⁹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 163.

²⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 17. С. 1092–1110.

отмечает Н. А. Иванова, уездные предводители дворянства стали выразителями интересов сословия²⁵¹. Первые выборы предводителей, судей и заседателей по уездам среди дворян Псковского наместничества состоялись уже в декабре 1777 г.²⁵²

Во второй половине XVIII в. правительство Екатерины II особое внимание уделяет контролю над процессом присвоения и подтверждения дворянского достоинства. Поскольку принадлежность к дворянству подтверждалась записью в родословной книге губернии, то для предупреждения неправильного внесения сведений в этот документ Екатерина II в 1764 г. предписала Сенату сообщать ей лично обо всех прошениях. Это постановление было отменено в 1768 г., однако в 1773 г. вновь восстановлено.

Герольдия сосредоточила сведения, касающиеся положения всех фамилий российского дворянства, для чего туда отправлялись полные данные о доказательстве принадлежности к благородному сословию. С 1767 г. исключительно Герольдии было разрешено давать свидетельства о дворянстве²⁵³.

7 ноября 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи»²⁵⁴. В 14-й главе верхний земский суд рассматривается как сословный дворянский орган. Таким образом, местное дворянство получило широкие возможности участия в системе правосудия в

²⁵¹ Иванова Н. А. Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII – начала XX вв. // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С. 176–201.

²⁵² Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллатировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. С. 1–36.

²⁵³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 40–43, 221; Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. С. 172.

²⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. СПб., 1830. С. 229–304.

губернии. Согласно 15-й главе, уездный суд становится нижней инстанцией в системе дворянских сословных судебных органов. По порядку образования и составу он был преимущественно дворянским, подчинялся губернатору и губернскому правлению, а так же выполнял полицейские задачи²⁵⁵.

Глава 16-я определила положение дворянской опеки, которая должна была заботиться о дворянских вдовах и малолетних, а так же их имениях. Председателем опеки стал уездный предводитель дворянства, а заседателями – уездный судья и его заседатели. В качестве помощи вдовам опека могла принимать участие в решении дел (соотноситься с судами, давать бесплатно стряпчих), а так же по заявлению самой вдовы опека назначала попечителя из дворян²⁵⁶.

Таким образом, «Учреждения» ввели много новых должностей высокого ранга, которые могли занимать только дворяне, а создание должности предводителя дворянства и прочих выборных должностей позволило представителям благородного сословия более активно участвовать в общественной жизни губернии и уезда. Как считает Б. Н. Миронов, благодаря «Учреждениям» уездная дворянская корпорация получила более правильную организацию²⁵⁷.

Некоторые моменты процедуры избрания дворян в органы самоуправления и суда были определены «Докладными пунктами на высочайшее решение Ее Императорского Величества по случаю возобновления через три года выборов в наместничествах по учреждениям для управления оных» от 5 ноября 1778 г. «Докладные пункты» имели детальный характер и касались времени проведения выборов, роли предводителя дворянства, генерал-

²⁵⁵ Развитие русского права во второй половине XVII–XVIII вв. С. 126.

²⁵⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. С. 133.

²⁵⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 82.

губернатора, который назначая срок созыва дворянского собрания, представлял дворянам губернского предводителя²⁵⁸.

Указом от 25 июня 1782 г. генерал-губернаторам и губернаторам запрещалось увольнять избранных дворянством должностных лиц до истечения трехлетнего срока их полномочий²⁵⁹. В этом же году Екатерина II запретила вторжения в пределы дворянских имений для поисков и разработки полезных ископаемых, подтвердив монопольное право благородного сословия на земельную собственность. Помещики так же получили право на недра, земли, а затем и на леса, растущие в имениях. В 1783 г. за дворянами признавалось право на владение лавками и амбарами, находящимися в их домах, а в 1786 г. — право входить во всякого рода откупа и подряды²⁶⁰.

Коренные изменения в правовое положение дворянства внесла «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»²⁶¹, изданная Екатериной II 21 апреля 1785 г. Так, 1-я статья в качестве важнейшего критерия принадлежности к дворянству определила заслуги предков перед государством. Статья 8-я сформулировала правило, по которому дворянина нельзя было лишить дворянского достоинства без суда. Эту же процедуру статьи 9–11 перенесли и на лишение чести, жизни и имени представителя благородного сословия. Статья 12-я закрепила право дворян быть судимыми только равными себе²⁶².

Статья 62-я определила имущественный ценз при выборах в дворянском собрании, который составил 100 руб. Это ограничило права малоимущих представителей дворянства. Дворянин, не владеющий имением и моложе 25 лет, согласно 64-й статьи вообще не имел права голоса. 65-я статья установила

²⁵⁸ Порай-Кошиц И. А. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. С. 23.

²⁵⁹ Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 12–23.

²⁶⁰ Развитие русского права во второй половине XVII–XVIII вв. С. 74.

²⁶¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб., 1830. С. 344–358.

²⁶² Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 27–55.

возможность исключения из собрания дворянина, не только «опороченного» судом, но и даже если «порок всем известен, хотя бы и судим еще не был»²⁶³.

Таким образом, были подтверждены основные положения манифеста 1762 г. и дарованы значительные личные, имущественные и сословные привилегии. Личные права и преимущества дворян имели значение сословных привилегий. Это: вольность и свобода от службы, особые возможности при поступлении на военную и гражданскую службу и при чинопроизводстве; свобода от личных податей и телесных наказаний; неприкосновенность дворянского достоинства; право владеть вотчинами (вместе с тем запрещалось применение к дворянским именам конфискации в случае осуждения дворянина). На «вечные времена» подтверждалась вольность и свобода, а также предоставлялся выбор продолжать службу или уволиться²⁶⁴.

«Жалованная грамота» определила порядок составления родословной книги в губернии. Статья 83-я установила запрет на внесение в родословную книгу без доказательства дворянского достоинства. Доказательства могли предоставляться в подлиннике или копии. 92-й статьей в качестве таковых определялись: дипломы, пожалованные на дворянское достоинство, гербы, патенты на чины, жалованные грамоты, указы на получение земель или деревень, доказательства о дворянской службе предков («благородная жизнь» и служба отца и деда), поколенная роспись рода.

Как отмечают Н. А. Иванова и В. П. Желтова, «Жалованная грамота» стала главным документом, созданным на основе многочисленных указов Екатерины II, принятых в предшествующие годы. Именно этот законодательный акт определил положение дворянства и его состав. Дворянство по происхождению разделялось на: действительное дворянство – старинные дворянские фамилии; титулованное дворянство – получившие титулы князя, барона и т. д.; военное дворянство – т. е. получившие чин обер-

²⁶³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 37–57.

²⁶⁴ Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 41.

офицера; штатские чиновники – получившие звание дворянина в соответствии с «Табелью о рангах»; лица пожалованные дворянством от императора; иностранные дворянские роды, а так же те, кто мог доказать принадлежность своего рода к дворянскому званию за 100 лет²⁶⁵.

К 1785 г. дворянству были дарованы не только титул благородства, но и право иметь герб, владеть землями и крепостными, занимать средние и высшие должности в коронной администрации и армии. В результате дворяне были объединены в губернские и уездные общества с правами самоуправления, а так же получили правовой статус привилегированного сословия²⁶⁶.

Таким образом, «Жалованная грамота» закрепила имеющееся у сословия положение в обществе, утвердила его привилегии и права в вопросах службы, землевладения, суда, гарантий и свобод дворян от постоя, налогообложения и телесных наказаний. Были строго определены критерии причисления к дворянству, а составление родословной книги «расставило всех дворян по местам» (оно было разделено на 6 категорий, в соответствии, с чем велась запись в родословных книгах). Дворянское собрание в губернии получило юридическое оформление: обладая выборными должностями, бюджетом, помещением, архивом и печатью, оно стало законным сословным институтом. Екатерине II удалось найти принципы, формы и методы социальной политики, которые удовлетворили желания различных слоев дворянства, не доведя их до конфронтации, как между собой, так и с верховной властью, а сама власть при этом не потеряла контроля над сословием²⁶⁷.

«Учреждения для управления губерниями», а затем и «Жалованная грамота дворянству» узаконили погубернскую организационную структуру

²⁶⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века. С. 93, 133–147.

²⁶⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 82–85.

²⁶⁷ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 164.

дворянской корпорации. Высшие органы общества – губернские и уездные дворянские собрания собирались один раз в три года. На них избирались все выборные должностные лица: предводители дворянства, депутаты и секретари, заседатели дворянской опеки. С 1786 г. было разрешено совмещать выборную и назначенную должности, но не допускалось совмещение должности губернского предводителя дворянства с должностью губернатора или генерал-губернатора, а указом 1788 г. правителям губернии было запрещено входить в дворянские собрания во время их заседания²⁶⁸.

С 1790 г., согласно правилам и срокам производства в чины, в 9-й и 8-й чин дворяне переводились через 3 года, а недворяне – через 12 лет. И только для дворян повышался чин при отставке²⁶⁹. В соответствии с указом 1795 г. императрица «самолично» должна была просматривать доклады Сената, содержащие списки представленных к повышению дворян в связи с отстранением от дел²⁷⁰.

В итоге законодательная политика Екатерины II не только юридически оформила корпоративную организацию привилегированного сословия, но и закрепила экономические аспекты функционирования дворянского хозяйства. Был детализирован вопрос принадлежности к сословию и определены способы получения и подтверждения дворянского достоинства. Произошло расширение полномочий помещиков в отношении своих крепостных, и урегулировано законодательное оформление владений дворян. Поддержка правительством дворянства выражалась не только в заботе о хозяйственно-экономическом благосостоянии поместья, но и социально незащищенных категориях дворянского сословия, таких как вдовы и сироты. В целом, политика Екатерины II продолжила тенденцию предшествующего периода во

²⁶⁸ Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 20; Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 36–37.

²⁶⁹ Развитие русского права во второй половине XVII–XVIII вв. С. 71.

²⁷⁰ Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

взаимоотношениях власти и дворян, которая выражалась в первую очередь в поддержке и реализации интересов благородного сословия.

Некоторые ограничения дворянских прав и привилегий произошли в конце XVIII в. Павел I в 1797 г. отменил принципиальные пункты «Жалованной грамоты» и восстановил обязательную службу. В 1797 г. на дворян была возложена добровольная обязанность содержать судебно-административные учреждения в губерниях за счет сборов с дворянских имений. Общая сумма издержек на местное управление была разверстана пропорционально числу крепостных²⁷¹. Короткое правление Павла I оставило заметный след в законодательстве манифестом от 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине. Несмотря на то, что данный нормативно-правовой акт имел скорее рекомендательный характер, его важность состоит в первую очередь в том, что это была попытка законодательного ограничения крепостной эксплуатации своих крестьян помещиками, предпринятая на государственном уровне. В самом начале правления Павел I разрешил подавать ему жалобы на притеснения помещиков и управителей. Но вскоре последовало подтверждение прежних предписаний крестьянам быть послушными своим помещикам, исполнять всякие работы и платить оброк беспрекословно, хотя и был введен запрет продавать крестьян без земли²⁷². Таким образом, Павел I предпринял меры законодательного урегулирования взаимоотношений помещиков и крепостных, которые к концу столетия были практически полностью исключены из ведения государства.

Для Павла I была неприемлема сама сословная свобода, которой, благодаря реформам Екатерины II, пользовались дворяне, а потому его политика была нацелена на сворачивание сословной программы Екатерины II.

²⁷¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 94–379.

²⁷² Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 61–62.

Это проявилось как в фактической ликвидации свободы дворян служить и в отмене дарованной им Екатериной II свободы от телесных наказаний, так и в сужении полномочий дворянских выборных органов.

Указом от 9 марта 1798 г. губернаторам было предписано присутствовать на выборах предводителей дворянства. Тем самым дворянское общество ставилось под контроль правительственной администрации. Данная мера была серьезным наступлением на сословное самоуправление дворян, сформированное при Екатерине II. В следующем году последовало еще одно ограничение – отменялись губернские собрания дворян, и губернский предводитель избирался уездными. Дворянам запрещалось подавать коллективные челобитные, а за уголовные преступления их можно было подвергать телесному наказанию.

Именным указом от 20 января 1797 г. Павел I предписал составление «Общего дворянских родов гербовника»²⁷³. Это был весьма важный шаг законодательного оформления процедуры подтверждения дворянского достоинства, поскольку именно герб нередко являлся основным доказательством у претендентов на принадлежность к привилегированному сословию. Павел I учредил «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи», в котором были собраны и утверждены гербы дворян всей империи. Что касается процедуры занесения дворянских фамилий в Гербовник, то, как и в случае с внесением в родословную книгу, необходимо было написать прошение в губернское правление²⁷⁴. Соискатель должен был предоставить копии с выписок из военной коллегии, родословные с гербами, копии с жалованных грамот с заверением уездных судов, указы Герольдии и рапорты о получении указов, копии с патентов на чин, указы об отставке. При необходимости делались запросы в Псковскую палату суда и расправу. В

²⁷³ Развитие русского права II половины XVII–XVIII вв. С. 27.

²⁷⁴ Дворянские роды Российской империи. В 4 кн. Кн. 1. С. 7–21.

случае отсутствия каких-либо спорных моментов следовало определение депутатского собрания²⁷⁵.

В прошении дворянин мог указать на желание не только о внесении герба в Гербовник, но и о получении диплома с резолюцией. Так же мог прикладываться герб с описанием. Необходимым являлось и представление в Герольдию доказательств о дворянстве²⁷⁶. После получения указанного прошения с приложением доказательств на дворянство в копиях, засвидетельствованных уездным судом, и рассмотрения представленных документов выносилось решение. Так, поручик А. А. Чихачев для утверждения фамильного герба в январе 1800 г. направил в дворянское собрание доказательства «на дворянство», засвидетельствованные Опочецким уездным судом. В качестве таковых он представил в губернское правление вместе с прошением копии жалованной грамоты, родословной и герба. Псковское дворянское депутатское собрание, рассмотрев прошение помещика, удовлетворило его. Необходимыми документами, предоставляемыми собранию в таких случаях, были: патенты на чины дворянам, которым присвоено дворянское достоинство; доказательства благородного происхождения отца и деда, сведения об их владениях; свидетельства 12 благородных дворян, в чьем происхождении нет сомнения; купчие и закладные на имение. В случае, когда собрание принимало положительное определение, таковое направлялось в Герольдию и герб рода вносили в Гербовник²⁷⁷. Псковские дворяне трепетно относились к факту сословной принадлежности. Это проявляется, как в стремлении быть записанными в родословную книгу губернии, так и в желании внести герб своего рода в Гербовник, получив тем самым неоспоримые доказательства дворянства своего и потомков. Так, герб дворян Неклюдовых был включен в третью часть «Общего Гербовника дворянских родов

²⁷⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 892. Л. 18; Д. 1122. Л. 30–63.

²⁷⁶ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁷⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 2–8.

Всероссийской Империи», утверждённую императором Павлом I 19 января 1799 г. В верхней части герба на одной стороне в золотом поле изображен одноглавый орел голубого цвета с короной, держащий в лапах меч и державу. На другой стороне – рука, облачённая в золотые латы, с саблей. В нижней части щита на серебряном поле – птица, стоящая на траве, держит во рту золотое кольцо²⁷⁸.

Социальная политика Павла I была возвратом к началам равенства всех государственных подданных перед монархом. Дворянство для него было лишь частью податного ему народа, отличаясь лишь тем, что именно на эту часть общества государь возлагал идеалы чести и преданности²⁷⁹. При этом он заботился о благосостоянии дворян. Так, в декабре 1797 г. был учрежден вспомогательный банк для разорившихся помещиков. Указами 1798 г. из армии исключались все офицеры, выслужившиеся не из дворян²⁸⁰, а так же запрещалось производить в офицеры лиц, не принадлежащих к дворянскому сословию. В 1799–1800 гг. было предписано не принимать в статскую службу без высочайшего утверждения и не выходить в отставку до производства в офицерский чин. Также Павел I предусмотрел возможность телесного наказания для дворян только после лишения их дворянского достоинства²⁸¹.

Из-за случаев злоупотребления правительство установило контроль над составлением родословных книг в губернии. В 1796 г. Павел I повелел не выдавать грамот и не утверждать в дворянстве без его личного ведения, что он и подтвердил в 1801 г. Но в целом, законодательная политика Павла I в отношении дворянства не внесла кардинальных изменений в их социально-

²⁷⁸ Левин Н. Ф. Дворяне Неклюдовы и их усадьбы // Дворянские усадьбы Псковской губернии. Псков, 2008. С. 71–82.

²⁷⁹ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. С. 297.

²⁸⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 169–181.

²⁸¹ Развитие русского права II половины XVII–XVIII вв. С. 71.

правовое положение, оформившееся в предшествующее царствование Екатерины II.

Таким образом, во второй половине XVIII в. произошло значительное расширение дворянских прав и привилегий. Государственная, военная и гражданская служба из обязанности трансформировалась в право. При этом наличие возможности зачисления в ряды дворян путем выслуги не только открыло пути пополнения, но и обособило сословие от других групп общества. Законодательство так же четко определило состав дворянства через закрепление его структуры в родословных книгах. Дворянская корпорация получила свое оформление и широкие полномочия именно в законодательстве Екатерины II. Однако в конце столетия собрания были лишены своей самостоятельности и поставлены под контроль местной администрации. Основным приоритетом среди дворянских прав, подтвержденных «Жалованной грамотой дворянству», стала возможность монопольного обладания людьми (крепостными крестьянами), которая и составила основу экономического благосостояния сословия.

Глава 3. Экономическое положение и хозяйственная деятельность псковского дворянства

3.1. Типология и локализация помещичьих имений

В современных исследованиях, посвященных помещичьим усадьбным владениям, принято выделять типобразующие факторы, к которым относят характеристики социального положения владельцев (мелкопоместные, среднепоместные, крупнопоместные)²⁸². Сообразно этому в основе анализа дворянского сословия лежит стратификация, которая традиционно основывается на уровне благосостояния дворянских хозяйств²⁸³, зависевшего, прежде всего, от размера земельных угодий и числа крепостных крестьян. Специфика налогообложения XVIII в. определила характер учета показателей для дворянских владений этого периода, которые в основном представлены числом душ мужского пола.

Придерживаясь общепринятой системы стратификации²⁸⁴, а так же учитывая современный подход к типобразующим факторам, характеризующим дворянские имения, крупными мы будем считать владения от 101 и более д.м.п., средними – от 21 до 100 д.м.п., мелкими – менее 21 д.м.п.

²⁸² В. А. Летин, Н. Н. Летина Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. I (Гуманитарные науки) С. 279–284.

²⁸³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 82–122.

²⁸⁴ Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 402–419.

Но мы считаем целесообразным вслед за В. И. Семеvским²⁸⁵ дополнительно выделить категорию мельчайших владений (до 10 д.м.п.), поскольку доля таковых на Псковщине была заметной, а положение таких хозяйств могло весьма серьезно отличаться от того, в котором находились владения численностью от 10 до 20 д.м.п. Через уточненную типологию помещичьих имений становится возможным более пристально проследить стратификацию дворянского сословия.

Стратификация дворянства на 1737 г. в Псковском и Пусторжевском уездах²⁸⁶ представлена следующим образом: большинство помещиков (68 %), чьи владения не превышали 20 д.м.п., были мелкопоместными, к среднепоместным, за которыми числилось от 21 до 100 д.м.п., можно отнести 29 % дворян, им принадлежало 46 % крестьян. Крупнопоместные собственники составляли всего около 4 %, но за ними числилось 32 % крепостных²⁸⁷. Таким образом, около трети владельцам, которых можно обозначить как «средних» в рамках общепринятой системы стратификации, принадлежало около половины всех помещичьих крестьян (приложение 1, таблица 1). Общее число помещиков этих уездов, по сравнению с началом столетия, возросло более чем в 3 раза. Соглашаясь с мнением Я. Е. Водарского, можно говорить о том, что причиной данного явления был естественный прирост населения²⁸⁸.

Аналогично Псковскому и Пусторжевскому уездам распределились разные категории владельцев и в Великолукском уезде на 1737 г., где значительная часть учтенных дворян были мелкопоместными. Им

²⁸⁵ Семеvский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2 т. Т. 2. С. 20.

²⁸⁶ Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. С. 96–97.

²⁸⁷ Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – I половины XVIII в. С. 112–113.

²⁸⁸ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). С. 66.

принадлежало всего 8 % крепостных. 32 % дворян имели в собственности от 21 до 100 д.м.п. (29 % крестьян). 12 % составляли владельцы, у которых было от 101 до 500 д.м.п. (47 % крепостных) и 1 % помещиков в собственности находилось более 500 д.м.п. (16 % крестьян)²⁸⁹ (приложение 1, таблица 2). Следует отметить, что в Великолукском уезде большинство помещичьих крестьян было в собственности у крупных владельцев, а соотношение страт разных категорий собственников было немного иным, чем в Пусторжевском и Псковском уездах. Так, доля мелких владельцев относительно средних и крупных помещиков не была столь весома и составляла чуть более половины (54 %).

Согласно «Списку помещиков Псковской провинции» за 1749 г.²⁹⁰ в Псковском уезде в середине XVIII в. был зафиксирован 181 помещик. Упомянутым в списке владельцам принадлежало 451 селение. Чуть более половины учтенных помещиков – 93 человека (51 %) имели лишь одну деревню, что составляло 21 % от общего количества селений. Мелкопоместные владения в целом явно преобладали над остальными их типами. На владения в 1–3 деревни приходилось 52 % от всего числа селений (234 деревни). Владельцев «средней руки», имевших от 4 до 8 деревень, было 20 человек (11 % помещиков уезда). Им принадлежало 100 деревень (22 % от общего числа селений). Крупных по масштабам Псковской земли владельцев было 9 человек (5 % помещиков). Им принадлежало от 11 до 77 деревень, всего 117 селений, или 26 %.

Отметим, что владения дворян находились в губах, большинство которых располагались либо на берегах относительно крупных рек (прежде всего, Великой и Псковы с их притоками), либо в непосредственной близости к этим водным объектам. Ряд селений концентрировался по берегу Псковского озера.

²⁸⁹ Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

²⁹⁰ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–63.

В жизни крестьян этих мест значительную роль играли промыслы, главным из которых было рыболовство²⁹¹.

И. И. Василёв опубликовал «Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г.»²⁹² Согласно этим данным, стратификацию дворянства в данный период времени можно представить следующим образом: у четверти помещиков (181 человек) насчитывалось не более 10 д.м.п., а доля всех мелкопоместных дворян, т. е. владельцев не более 20 д.м.п. составила 44 % (303 человека). К среднепоместным можно отнести 34 % псковских дворян (235 человек), а к крупнопоместным – 22 % (155 человек). Но именно крупные помещики владели 80 % всех крепостных, 16 % приходилось на долю среднепоместных и лишь 4 % крестьян было у мелкопоместных собственников (приложение 1, таблица 3).

Таким образом, стратификация псковского дворянства середины XVIII в. отражает тенденцию, наметившуюся в первой половине столетия и выразившуюся в уменьшении доли мелкопоместных дворян и, соответственно, увеличении доли средних и крупнопоместных собственников. В отличие от начала XVIII в., где доля мелкопоместных превышала половину от всех дворян, в середине столетия мелкопоместная часть составила уже 44 %, что может свидетельствовать о повышении уровня благосостояния помещиков. Пропорционально увеличились доли средне- и крупнопоместных дворян.

В последней четверти XVIII в. (по сведениям на 1777 г.) в Псковской провинции насчитывалось 1249 помещиков. Их них 46 человек владели от 500

²⁹¹ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

²⁹² Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.

до 1000 д.м.п. и 14 человек имели в собственности 1000 и более крепостных²⁹³. Ревизские описания последней четверти XVIII в., отложившиеся в фондах ГАПО, позволяют детализировать процессы, происходившие в среде дворянства и их владениях в Псковской губернии на примере Новоржевского и Опочецкого уездов. С 1782 по 1795 гг. в Новоржевском уезде число помещиков увеличилось на 4 человека: появились 5 новых и выбыл 1 прежний владелец. Число помещичьих крестьян возросло на 1147 д.м.п. В среднем на одного владельца в 1782 г. приходилось 73 д.м.п., в 1795 г. – 88 д.м.п. Из дворян Новоржевского уезда в конце XVIII в. только 6 % имели менее 10 д.м.п. (менее 1 % всех крепостных). От 10 до 100 д.м.п. было у 79 % владельцев (30 % д.м.п.), у 15 % помещиков зафиксировано более 100 д.м.п. Им принадлежало почти 70 % д.м.п.²⁹⁴ Следует отметить, что с 1782 по 1795 гг. эти показатели в процентном соотношении практически не изменились (приложение 1, таблица 4).

В период между IV и V ревизиями (1782–1795 гг.) число помещиков в Опочечком уезде увеличилось на 13 человек (прибыло 20 новых и выбыло 7 прежних владельцев). Число помещичьих крестьян возросло на 108 д.м.п. Средний показатель крестьян на владельца в этом уезде составил в 1782 г. – 45 д.м.п., в 1795 г. – 40 д.м.п. (-5 д.м.п.). В конце XVIII в. 43 % владельцев Опочецкого уезда имели менее 10 д.м.п., а на их долю приходилось 5 % крестьян. От 10 до 100 д.м.п. принадлежало 48 % владельцев (34 % д.м.п.), и 9 % помещиков владели более 100 д.м.п. (61 % д.м.п.). По сравнению с IV ревизией к 1795 г. эти показатели в процентном соотношении практически не изменились (приложение 1, таблица 5).

В двух уездах в последней четверти XVIII в. число помещичьих крестьян увеличилось на 1255 д.м.п. Прирост в Новоржевском уезде в 10 раз превысил

²⁹³ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). С. 14.

²⁹⁴ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–391.

показатели по Опочецкому уезду, но средняя обеспеченность на одного владельца по двум уездам на момент V ревизии (1795 г.) составила 128 д.м.п., что не на много отличается от данных IV ревизии²⁹⁵. Наряду с увеличением численности крепостных в Новоржевском и Опочецком уездах возрастает и число помещиков – прирост составил 17 человек. При этом данный показатель для Опочецкого уезда в три раза выше, чем по Новоржевскому уезду. Как отмечают Д. А. Черненко и А. Л. Грязнов, прирост числа владельцев характерен для разных регионов империи²⁹⁶, но уровень его различен, что иллюстрируют и приведенные выше поуездные данные. Количество владельцев, имевших менее 10 д.м.п. по Опочецкому и Новоржевскому уездам по V ревизии составило 29 % (им принадлежало всего 3 % крестьян). Прирост этой категории собственников с момента предыдущей ревизии (1782 г., IV ревизия) составил 2 %. На долю средних владельцев (от 10 до 100 д.м.п.) приходилось 60 % дворян (в собственности таких помещиков был 31 % крестьян). 11 % помещиков к 1795 г. относились к крупным владельцам (100 и более д.м.п.), им принадлежало 66 % крепостных²⁹⁷. Примечательно, что у помещиков мужского пола в целом было больше крестьян, чем у помещиц. В Опочецком и Новоржевском уездах по IV ревизии (1782 г.) только 31 % д.м.п. находились во владении помещиц, а по V ревизии (1795 г.) этот показатель уменьшился на 7 %.

На протяжении XVIII в. численность крестьян, находившихся в собственности псковских помещиков, увеличивается, но прирост д.м.п. к концу столетия замедляется. Растет число самих владельцев, значительная доля которых относилась к мелкопоместным (до 20 д.м.п.). Отметим, что владение

²⁹⁵ Высочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

²⁹⁶ Черненко Д. А., Грязнов А. Л. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 204–219.

²⁹⁷ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598; Д. 494. Л. 1–391.

всего в 20 душ считалось границей, отделявшей неимущих землевладельцев от хоть сколько-нибудь соответствующих тогдашнему дворянскому «прожиточному минимуму»²⁹⁸.

Выводы, полученные на основании анализа стратификации псковских помещиков, несколько корректируют общероссийские данные, которые приводит И. В. Фаизова. Исследовательница основывается на подсчетах, сделанных еще ее предшественниками, согласно которым на протяжении всего XVIII в. доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных, составляла более половины от численности всех помещиков в стране (59 %). Мелкопоместная часть собственников среди псковских дворян была заметна, но не столь весома, как по России в целом.

Проблему локализации владений псковских помещиков и фиксации их на карте позволило разрешить обращение к материалам Генерального межевания. Этот вопрос оставался наиболее актуальным потому, что до настоящего времени не существовало картографического материала, где были бы представлены дворянские владения на территории Псковского края. При сопоставлении сведений Экономических примечаний²⁹⁹ с данными геометрических карт Псковской губернии³⁰⁰ и Псковского уезда³⁰¹ нам удалось выявить помещичьи владения, которые впоследствии были нанесены на вновь сформированные карты. Таким образом, комплексный анализ материалов Генерального межевания позволил впервые картографировать дворянские села Псковской губернии (всего 98 объектов) в последней четверти XVIII в. Значительная их часть располагалась на территории Новоржевского (22 %), Порховского (20 %) и Холмского (19 %) уездов. Примечательно, что в процентном соотношении они распределились практически поровну.

²⁹⁸ Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. С. 45–51.

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4654.

³⁰¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4711.

Положение сел Порховского и Новоржевского уездов относительно центра губернии – Пскова – можно характеризовать как средней степени удаленности. В близлежащих к Пскову землях Псковского и Островского уездов число дворянских сел наименьшее (по 3 %) (приложение 2, карта 1).

Для территории Псковского уезда удалось картографировать не только села, но и прочие объекты сельской инфраструктуры, такие как сельцо и деревня. На территории уезда в последней четверти XVIII в. было локализовано 2 села, 31 сельцо и 128 деревень, которые достаточно равномерно распределились относительно центра и границ уезда. Необходимо отметить, что в отличие от крупных объектов сельской инфраструктуры, к которым можно отнести село и сельцо, деревни не всегда указывались при описании дач помещиков полным составом, и, соответственно, попадали в итоговые материалы Генерального межевания.

Число деревень, выявленных на карте Псковского уезда, соответствует дачам, по названиям которых они обозначались. Это связано с тем, что в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, указывали какой-то один объект (село, сельцо или деревня), а остальные, территориально тяготеющие к нему поселения, составлявшие одну дачу, не отмечались на карте.

На картах наглядно проявляется отмеченное выше тяготение значительной части селений к водным объектам, которые в основном представлены реками. Сопоставление материалов Экономических примечаний с описаниями начала XVIII в. показало, что почти 1/3 отмеченных на карте Псковской губернии сел прослеживается на протяжении всего столетия (приложение 2, карта 2). Это позволяет сделать вывод о наличии на территории Псковских земель владельческих комплексов (владений, которые, сохраняясь территориально, наследовались в рамках одного рода). В качестве такой пространственной ячейки Д. А. Черненко называет территории, состоящие только из соседних поселений и пустошей. Владельческие комплексы могли носить не только территориальный характер (принадлежать разным

владельцам, сохраняясь территориально), но и передаваться во владении представителями одного рода³⁰². Именно последний тип владельческих комплексов представляет для нас наибольший интерес, т. к. позволяет выявить исторически сложившиеся поместья отдельных дворянских родов в Псковской губернии. Это явление иллюстрирует пример владений дворянского рода Симанских. Ревизские сказки 1719 г. фиксируют с. Загорье Псковского уезда, принадлежавшее И. В. Симанскому³⁰³. По ревизии 1762 г. это сельцо с близлежащими деревнями записано уже за Лукой Исааковичем (сыном Исаака Васильевича). Всего в Псковском уезде за Л. И. Симанским числятся: с. Загорье с 18 д.м.п., с. Березино, где записано 5 д.м.п., дер. Клесково с 10 д.м.п., вновь поселенные дер. Загряжье с 3 д.м.п. и Волково с 8 д.м.п. В результате на момент проведения III ревизии помещику принадлежали 44 д.м.п. Во вновь поселенные деревни крестьяне были переведены из с. Загорье, где располагалась усадьба³⁰⁴. К усадьбе Загорье тяготела основная часть прочих владений помещика в Псковском уезде, которые были описаны при проведении Генерального межевания в 80-х годах XVIII в.³⁰⁵ Именно это сельцо в качестве постоянного места жительства называет Лука Исаакович в своем обращении 4 октября 1782 г. в совестный суд Псковского наместничества, заседателем которого и являлся³⁰⁶. Таким образом, с. Загорье с округой на протяжении всего XVIII в. не только сохраняется в руках рода Симанских, но и продолжает оставаться родовым гнездом фамилии и местом пребывания его владельцев.

³⁰² Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. С. 207.

³⁰³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 139.

³⁰⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 863. Л. 864–870.

³⁰⁵ ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. 6630. Л. 1–7.

³⁰⁶ ГАПО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 142. Л. 153–155.

3.2. Хозяйственная деятельность псковского дворянства

Хозяйственная деятельность дворянства была сосредоточена в их владениях. Под владением мы понимаем земельный участок и располагающиеся на его территории угодья, а так же поселения с крестьянами и усадебные комплексы при их наличии.

Уже на начало XVIII в. имеются сведения о числе владельцев. По данным Я. Е. Водарского, в 1700 г. в Псковском и Пусторжевском уездах таковых числилось 490 человек³⁰⁷. Сведения о владельческих крестьянах Псковского уезда в первой половине XVIII в. сохранились в материалах ревизских описаний. I ревизия (1719 г.) зафиксировала 6017 д.м.п. помещичьих крестьян. Для сравнения следует отметить, что эта же ревизия в уезде учла 5792 д.м.п. – монастырских, 2764 д.м.п. – церковных, 2696 д.м.п. – архиерейских и 2421 д.м.п. – дворцовых крестьян. Таким образом, в первой четверти XVIII в. дворяне владели почти третью от всех крепостных крестьян уезда³⁰⁸.

По данным В. М. Кабузана, в 1719–1721 гг. в Псковской провинции, которая включала часть территории будущей Псковской губернии, было учтено 42,5 тыс. д.м.п. помещичьих крестьян³⁰⁹, а на территории всей будущей Псковской губернии насчитывалось 86,4 тыс. д.м.п.³¹⁰

В 1737 г. в Псковском и Пусторжевском уездах было зафиксировано 1524 владельца и 40947 д.м.п. принадлежавших им крестьян³¹¹. В

³⁰⁷ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. С. 64–223.

³⁰⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 1549.

³⁰⁹ Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х гг. XIX в.: численность, размещение, этнический состав. С. 19.

³¹⁰ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³¹¹ Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. С. 96–97.

Великолукском уезде в это же время насчитывался 881 помещик и 44831 д.м.п. принадлежащих им крепостных³¹².

По II ревизии (1744 г.) на территории Псковского края было учтено 128,1 тыс. д.м.п. помещичьих крестьян³¹³ (по В. М. Кабузану, 128 070 душ³¹⁴). Для Псковской провинции этот показатель составил 73,7 тыс. д.м.п.³¹⁵ В Псковскому уезде насчитывалось 8 850 д.м.п. помещичьих крестьян. Монастырских крестьян в это время было 7 614 д.м.п., церковных – 4 138 д.м.п., архиерейских – 3 768 д.м.п. и 3 695 д.м.п. – дворцовых³¹⁶.

Общая структура крепостных крестьян уезда и их процентное соотношение за первую половину столетия практически не изменились. Чуть больше стал разрыв между монастырскими и помещичьими. Последние составили почти 32 %. Динамика численности помещичьих крестьян в Псковском уезде, в сравнении с данными для территории будущей Псковской губернии была следующая: прирост в уезде составил 47 %, что практически совпадает с данными для территории будущей губернии (48 %).

По данным И. И. Василёва, в 1756 г. на территории Псковской провинции, в состав которой входили 7 уездов, было зафиксировано 693 владельца, которым принадлежало 72 745 д.м.п.³¹⁷ Среди наиболее значимых по экономическому благосостоянию владельцев были такие

³¹² Там же. С. 112–113.

³¹³ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³¹⁴ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – начале XIX в. С. 73–74.

³¹⁵ Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х гг. XIX в.: численность, размещение, этнический состав. С. 19.

³¹⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 735.

³¹⁷ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.

помещики как А. Д. Татищев, которому на территории Псковской провинции принадлежало 1 767 д.м.п., М. И. Дубровский (1 751 д.м.п.), С. Л. Дубровский (1 393 д.м.п.), Б. А. Лихарев (920 д.м.п.), Д. С. Еремеева (952 д.м.п.). Самым крупным светским феодалом провинции в середине XVIII в. был С. П. Ягужинский. По данным И. И. Василёва, на 1756 г. в Псковском крае за ним числилось 5 096 д.м.п.³¹⁸ Затем число его крестьян увеличивается, и на 1761 г. управитель Велейской вотчины графа в Опочечком уезде Л. А. Травин фиксирует в этом владении уже 6140 д.м.п.³¹⁹

Частично сохранившиеся материалы ревизских описаний (III ревизия – 1762 г.) позволяют определить размеры отдельных владений дворян Новоржевского уезда второй половины XVIII в. Среди крупных помещиков значатся Е. А. Щербинин с 1 032 д.м.п., А. И. Чихачев – 946 д.м.п. Фиксируются и случаи длительных семейных совладений. Так, Николай Семенович и Михаил Семенович Чихачевы имели в общей собственности 607 д.м.п. Их совладение продолжает сохраняться до конца XVIII в., что можно проследить по материалам IV и V ревизий. Сведения III ревизии сохранили информацию о 31 дворянской фамилии уезда. В последующих описаниях удастся проследить только 14 из них. Это дворяне Бибиковы, Бороздины, Бухвостовы, Дубровины, Елагины, Карамышевы, Княжнины, Кокошкины, Ладыженские, Нелединские, Окуневы, Трофимовы, Чихачевы, Яхонтовы.³²⁰ Таким образом, на территории Псковского края происходят процессы, отражающие упадок и исчезновение отдельных дворянских родов, а так же появления новых фамилий. Аналогичные явления отмечает Д. А. Черненко для центральной части территории империи³²¹.

³¹⁸ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

³¹⁹ Летопись земли Псковской: годы и события. С. 227.

³²⁰ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 91. Л. 1527; Д. 92. Л. 1151.

³²¹ Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. С. 207.

III ревизия (1762 г.) зафиксировала на территории будущей Псковской губернии 183,9 тыс. д.м.п. помещичьих крестьян³²² (183 893 д.м.п. по В. М. Кабузану), что составило 75 % ко всему населению и 77 % ко всем крестьянам³²³. За период между II и III ревизиями число помещичьих крестьян на Псковщине увеличилось на 44 % (55,8 тыс. д.м.п.), что на 4 % меньше по сравнению с периодом между I и II ревизиями.

Согласно «Ведомостям подушного сбора с лиц мужского пола по Псковской провинции» за 1764 г., на территории провинции насчитывалось 88 164 д.м.п. помещичьих крестьян, из них в Псковском уезде было 10 824 д.м.п., в Островском – 16 516 д.м.п., в Пусторжевском – 16 523 д.м.п., и 19 411 д.м.п. – в Опочецком³²⁴.

По мнению Е. В. Анисимова, большой и быстрый, т.е. явно механический, прирост владельческого крестьянства региона был следствием земельной политики феодалов, стремившихся использовать наиболее благоприятные земледельческие условия территории Псковской губернии для получения более высокой ренты, в связи с чем и производился перевод крестьян из других районов³²⁵. Прирост помещичьих крестьян в первой половине – середине XVIII в. дает возможность говорить о устойчиво благоприятном экономическом положении псковского дворянства. Во второй половине XVIII в. помещичье землевладение продолжает расширяться, в том числе и за счет новых пожалований. Так в 1762 г. шлиссельбургскому

³²² Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³²³ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – начале XIX в. С. 84–85.

³²⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 955. Л. 42.

³²⁵ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

коменданту М. Д. Вындомскому было передано имение Тригорское с 3 тыс. душ крепостных³²⁶.

Сохранились сведения об организации хозяйства в псковских вотчинах М. Апраксина. Для торговых операций в Петербургском порту помещик потребовал в начале 1770-х гг. в порядке дополнительного обложения у каждого из 22 зажиточных крестьян своей порховской вотчины по 100–150 пудов льна, а у одного из них – до 600 пудов (на 900 руб.)³²⁷. В 1775 г. он перевел крестьян с денежного оброка на натуральную и отработочную ренту. Помимо льна, крепостные графа должны были предоставить людей в Петербург (для обработки сданного ими продукта). С крестьян он так же взимал пеньку. При этом сами крестьяне вынуждены были покупать лен из третьих рук, на местном рынке, из-за отсутствия его в достаточном количестве в личном хозяйстве. На рынке им приходилось так же приобретать рогожи для упаковки льна. Примечательно, что в хозяйстве помещика предусматривалась замена рабочей силы за соответствующую денежную плату, исчисляемую по ценам найма «работного человека» в Петербурге. Крестьяне считали, что в переводе на деньги их повинности доходили до 31 р. 46 к. с души. По мнению Л. С. Рубинштейна, это была скрытая форма денежной ренты³²⁸.

В 1777 г. у помещиков Псковской губернии насчитывалось 199 052 д.м.п.,³²⁹ т. е. за 15 лет количество крестьян выросло на 8 % (15,6 тыс. д.м.п.).

По IV ревизии (1782 г.) на территории губернии уже было 201 672 д.м.п. помещичьих крестьян, при этом крупным владельцам (13 %) принадлежало

³²⁶ Новиков Н. С. «...Русский барин – и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 83–90.

³²⁷ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. С. 276.

³²⁸ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. С. 91–99.

³²⁹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

67 % д.м.п.³³⁰. В. М. Кабузан приводит чуть большие цифры, чем Д. Лазарев – 208 008 душ помещичьих крестьян. Согласно данным В. М. Кабузана, на тот момент времени помещичьи крестьяне составляли 71 % ко всему населению и 75 % ко всем крестьянам Псковщины³³¹. По подсчетам Ю. В. Готье, в Псковской губернии по IV ревизии доля крепостных по отношению ко всему крестьянскому населению составляла 72 %, в то время как в Новгородской – 55 %, а Тверской – 64 %³³². Таким образом, несмотря на разницу в цифрах, сведения о числе помещичьих крестьян в их процентном соотношении с другими категориями населения у разных исследователей в целом коррелируют друг с другом.

Крупных владельцев (более 1 000 крепостных) в Псковской губернии в последней четверти XVIII в. было меньше, чем, в Петербургской. Среди них – К. Разумовский, имения которого позже перешли к А. Д. Ланскому (более 10 тыс. душ), граф С. П. Ягужинский с 6 тыс. душ, несколько тысяч крестьян принадлежало Матвею и Михаилу Апраксиным, около 1,5 тыс. – порховскому помещику А. О. Кожину. Наследники А. П. Ганнибала получили более 800 душ³³³. Крупные феодалы были представителями фамилий общероссийского масштаба и по своему статусу значительно отличались от основной массы провинциальных дворян, владевших 10–100 д.м.п.

Семейные владения фиксируются во всех уездах. По данным V ревизии, в Новоржевском уезде у двух представителей семьи Чихачевых во владении было 875 д.м.п.; двум помещикам семьи Бороздиных принадлежали 299 д.м.п.; у четырех представителей рода Яхонтовых зафиксировано 97 д.м.п.; у трех помещиков семьи Бибиковых – 65 д.м.п., за четырьмя помещиками семьи

³³⁰ Псковское наместничество. С. 2.

³³¹ Кабузан В. М. Изменение в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. С. 96–97.

³³² Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. С. 139.

³³³ Высочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

Дубровиных записано 32 д.м.п. Кроме того, у Дубровиных было 60 д.м.п. в Опочецком уезде³³⁴. По данным той же ревизии, в Опочецком уезде три представителя рода Голенищевых-Кутузовых имели 370 д.м.п.; четырем дворянам Елагиным принадлежали 122 д.м.п.; у девяти помещиков Затеplinских было 112 д.м.п.; пять помещиков рода Зубатовых владели 69 д.м.п. (приложение 1, таблица 6).

Необходимо отметить дворян, не относящихся к вышеназванным фамилиям, но имевшим значительное число крепостных. Так, в Новоржевском уезде в 1795 г. А. И. Мартвянову принадлежало 255 д.м.п.³³⁵, М. И. Кокошкину – 286 д.м.п.³³⁶ В Опочецком уезде в этот период за А. Г. Корсаковой числилось 807 д.м.п., Р. А. Кошелев владел 419 д.м.п., что на 39 д.м.п. больше, чем у него же в 1782 г. За П. П. Карауловым было записано 179 д.м.п., что на 30 д.м.п. превысило показатели VI ревизии³³⁷.

Дворяне старались по возможности концентрировать своих крепостных в одном имении, что могло приводить к полному выводу крестьян из мелких владений. В имении М. С. Бороздина, расположенном в Новоржевском уезде и состоявшем из одной деревни, на момент IV ревизии проживало 15 д.м.п. и 14 д.ж.п. После смерти 4 д.м.п. и 3 д.ж.п. остальные крестьяне были переведены в его же владение в Опочецком уезде³³⁸. Так проявлялась хозяйственная стратегия помещика. Пополнение крепостных происходило в основном за счет естественного прироста (в ревизские сказки дети записывались с полугода)³³⁹, однако следует отметить и высокую смертность крестьянских детей³⁴⁰.

³³⁴ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598.

³³⁵ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 301.

³³⁶ Там же. Л. 519.

³³⁷ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 234–536.

³³⁸ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 484–519.

³³⁹ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 497.

³⁴⁰ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 485.

Для 80-х гг. XVIII в. сохранились сведения о числе помещичьих крестьян Порховского уезда. В 1784 г. в нем насчитывалось 33 094 д.м.п. и 34 118 д.ж.п.³⁴¹

По данным V ревизии (1795 г.), на территории Псковской губернии было зафиксировано 211 516 д.м.п. помещичьих крестьян. За период между III и V ревизиями (1762 и 1795 гг.) число крепостных увеличилось на 16 %, или, в абсолютных значениях, на 28 516 д.м.п. Следовательно, во второй половине XVIII в. происходит снижение темпов роста владельческих крестьян (приложение 1, таблица 7). По мнению Л. В. Выскочкова, в Псковской губернии к концу столетия был достигнут максимально возможный уровень сельскохозяйственного освоения территории – 44 поселения на 100 кв. км. По плотности населения губерния почти в три раза превышала показатели Новгородской³⁴².

Дворянские семьи старались по возможности расширять свои владения, в том числе и за счет покупки. Так, за М. И. Голенищевым-Кутузовым в 1741 г. числились дворовые люди в с. Федоровском, крестьяне в с. Петровском, деревнях Игнатово, Кнышева, Суботкина, Малофеева, Труфаново, Пещевицы, Мысково, Лутово, Дарня, Горки, Павлово Пусторжевского уезда. По наследству эти владения были переданы сыну – И. М. Голенищеву-Кутузову. В 1769 г. у него уже были земли не только в Пусторжевском, но и в Великолукском уезде. В 1779 г. за этим помещиком в Опочецком уезде значатся с. Ступино и деревни Бабеево, Подъельна, Скарехново, Федорково, Васкова и Варыгина с 275 крепостными крестьянами³⁴³.

³⁴¹ Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок». 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 418–421.

³⁴² Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни. С. 186–196.

³⁴³ Макеенко Л. Н. Род Голенищевых-Кутузовых // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 108–111.

Одной из причин роста числа частновладельческих крестьян стала раздача дворцовых владений, что было характерно не только для Псковского края. Так, к моменту проведения II ревизии в Олонецкой губернии из 19,4 тыс. дворцовых крестьян не осталось ни одного человека³⁴⁴. Таким образом, на территории Псковщины, так же как и в других регионах, отразился процесс перераспределения собственности путем пожалований и конфискации. Согласно Е. И. Индовой, основная масса земель была роздана в три этапа: в 1700–1715, 1728–1732 и 1742–1744 гг.³⁴⁵ Одним из владельцев бывших дворцовых земель в Луцком (Великолукском) уезде стал А. Д. Меншиков. Дворцовая Вязовская волость была передана А. Д. Меншикову в 1714 г. взамен конфискованных у него земель в Ингерманландии³⁴⁶. Несмотря на то, что Вязовская волость оказалась затронута эпидемией, к 1719 г. в ней А. Д. Меншикову принадлежал 341 крестьянский двор (966 д.м.п.), которые платили денежный оброк (свыше 1 тыс. рублей) и 155 четвертей ржи и ячменя. На этих полях крестьяне отрабатывали барщину. В октябре 1727 г. Вязовская волость была конфискована и вновь стала дворцовой³⁴⁷.

В 1742 г. Елизавета Петровна подарила воспитаннику и сподвижнику Петра I А. П. Ганнибалу имение на северном берегу озера Кучане³⁴⁸. В состав

³⁴⁴ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁴⁵ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292; она же. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. С. 65.

³⁴⁶ Кроме Вязовской, в Великолукском уезде А. Д. Меншикову были отданы владения в Спасской и Никольской волостях (см.: Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. С. 58–63).

³⁴⁷ Аракчеев В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 13–18.

³⁴⁸ Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

ганнибаловых владений вошла 41 деревня с 569 д.м.п. В 1781 г. после смерти А. П. Ганнибала эти обширные земли были разделены между тремя его сыновьями. Сельцо Михайловское составило наследство О. А. Ганнибала³⁴⁹.

Проследить судьбу пожалованных владений на протяжении всего XVIII в. можно на примере Велейской вотчины Опочецкого уезда. В 1711 г. она была передана И. П. Ягужинскому, от которого перешла к его жене, бывшей вторым браком за Бестужевым. В 1743 г. Велейская вотчина А. Бестужевой в составе 268 деревень с 1 049 дворами и 8 074 крестьянами конфискована. После конфискации владение вновь стало дворцовым. Но уже в 1744 г. Елизавета Петровна жалует имение сыну И. П. Ягужинского. Далее имение принадлежало князю А. Д. Ланскому, Г. А. Потемкину, снова А. Д. Ланскому, затем князю Куракину, и в конце столетия, при Павле I, было взято в удельное ведомство³⁵⁰.

Для учета земель, отошедших к государю в результате конфискаций, было организовано специальное учреждение Канцелярия Конфискаций³⁵¹. Материалы конфискаций позволяют изучить хозяйственные особенности владений. Среди изъятых владений сохранилось описание земель И. Б. Зеленого. К 1719 г. в его владениях в Холмском уезде в с. Ратное находились барские хоромы и хозяйственные постройки: два хлева, лошадиный двор, сенница, «двор роговой и мелкой скотины» и т. д. В этом сельце числилось 12 крепостных (5 д.м.п. и 7 д.ж.п.). По свидетельству дворового человека Ивана Васильева, с этого поместья «денежных и хлебных доходов никаких не было». В деревнях Ивановщина, Плотки, Затегальникова и

³⁴⁹ Низовский А. Ю. Самые знаменитые усадьбы России. С. 220.

³⁵⁰ Сивков К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 2. С. 76–94; Колотилова С. И. Псковский край в XVIII в. // Псковский край в истории СССР. Л., 1970. С. 56–62.

³⁵¹ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292.

Подсадня у помещика было еще 5 дворов с 36 душами крепостных (18 д.м.п. и 18 д.ж.п.). Так же за И. Б. Зеленым числились пустошь Кирилиха и д. Июдина, которая «пуста и хоромное строение погнило»³⁵².

Я. И. Лопухину до конфискации, произошедшей в 1719 г., принадлежали земли в Великолукском уезде. В с. Анненском располагался двор помещика с хозяйственными постройками. Там же зафиксировано 13 крепостных (5 д.м.п. и 8 д.ж.п.), один дворовый находился в бегах. В деревнях Шубина и Малое Шубина было еще 10 д.м.п. и 10 д.ж.п. Помещику принадлежали и пустоши (бывшие деревни Семяги, Крестова и Рогатка). В с. Высокое располагалась господская усадьба с хозяйственными постройками. Здесь же жили двое дворовых и 42 крестьянина (19 д.м.п. и 23 д.ж.п.). За Я. И. Лопухиным были и деревни Лошадеи, Батова и Калмыкова³⁵³. Представители родов Лопухиных и Зеленых появились в Псковском крае задолго до XVIII в.³⁵⁴ Лопухины не относились к самым знатным родам России, но этот род был близок к Петру I, поскольку состоял с ним в родстве после брака между Петром I и Евдокией Лопухиной, вследствие чего и входил в число двух десятков крупнейших душевладельцев. В 1719 г., в период отписки вотчины, за Я. И. Лопухиным, кроме владений, записанных в отписных книгах, были земли «во Псковском уезде, в Завелицкой засаде, в д. Токареве 57 чети»³⁵⁵.

³⁵² Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. С. 344–346.

³⁵³ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. 170–171.

³⁵⁴ Псковский биографический словарь. С. 195; Котов В. В. Холм на Ловати и его земля. С. 284.

³⁵⁵ Я. И. Лопухин являлся внучатым племянником царицы Евдокии Федоровны, комиссаром Ревеля. Его вотчины были конфискованы за ложные подряды (см.: Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292).

В Холмском уезде (деревни Сергеева и Докучаева) находились владения В. У. Огарева. По данным за 1719 г., селения здесь были «пусты и хором нет», а пашни имелось «6 четвертей в поле»³⁵⁶. Сведения о состоянии хозяйства известны и для владения Я. С. Лаврова. Помещику принадлежало с. Олохово Великолукского уезда. По данным за 1763 г., «в усадьбе стояли помещицкие хоромы», баня, 2 конюшни и 3 амбара. В сарае хранились «обитые кожей коляска и кибитка зимняя». К усадьбе примыкали три сада. В имении было 9 крестьянских дворов с 24 д.м.п.³⁵⁷

В первой половине XVIII в. шло активное хозяйственное освоение территорий, которыми владели дворяне, что отражалось в появлении на месте бывших пустошей как деревень, так и сел; значительное число деревень числятся как «вновь поселенные», а так же превращаются в села. Встречаются указания на помещиков, которые непосредственно проживали в своих сельских владениях (приложение 1, таблица 8).

Среди крупных владельцев Псковской земли был такой известный государственный деятель, как А. Г. Разумовский, у которого в Псковском уезде было 77 деревень. Всего же по данным 1756 г. на территории Псковского края ему принадлежало 7 704 д.м.п.³⁵⁸ К категории крупных владельцев можно отнести ряд семей псковских дворян, которые имели поместья в Псковском уезде на протяжении длительного времени. Так, у П. М. Сумороцкого было 14 деревень³⁵⁹. Всего же в 1756 г. за ним числились 755 д.м.п.³⁶⁰

³⁵⁶ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. С. 344.

³⁵⁷ Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. С. 318.

³⁵⁸ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

³⁵⁹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

³⁶⁰ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

К. К. Коновницына владела 12 деревнями. Семья Коновницыных принадлежала к древнему аристократическому роду³⁶¹.

Владения помещиц второй половины XVIII в. можно проиллюстрировать на примере великолукского имения вдовы П. Н. Тыртова, которое в августе 1763 г. описали за неплатеж в размере 370 руб. Оброк в этом владении взимался в размере 5 руб. с двора. В дер. Боровково зафиксировано 1 500 снопов ржи, в половине дер. Семерново – 90 снопов. В описании отмечены сведения о дворовых постройках, а так же поголовье скота и птицы. Так же за долги было описано торопецкое имение вдовы лейб-кампании гренадера С. В. Титова. Помимо усадьбы и дворовых построек, упоминаются продовольственные запасы, а так же скот и птица. Отмечено, что на месячине было 20 дворовых людей. Всего в четырех деревнях насчитывалось 5 крестьянских дворов (32 д.м.п. и 29 д.ж.п.). Имение было оценено в 895 руб. 90 коп.³⁶²

В своих усадьбах помещики могли организовать настоящие предприятия. Так, в 1784 г. в Порховском уезде были две фабрики (чулочная и парусинная) и два завода (винный и стеклянный), принадлежавшие помещице Бороздиной. Парусинная фабрика и винный завод принадлежали полковнику Кожину, прочие винные заводы - Щербинину, Корсакову и Мещерскому³⁶³. С конца XVIII в. с. Хряпьево стало имением Н. И. Дерюгина, где он организовал винокуренный завод, сыроваренное и кирпичное производство. В конце XVIII

³⁶¹ Владения Коновницыных во второй половине XVIII в. были не только в Псковской, но и в Харьковской и Петербургской губерниях, а так же в Крыму. Основным же местом их пребывания стали святогорские Поляны и гдовское Кярово, которое стало родовым гнездом Коновницыных. Наиболее известным представителем рода был Петр Петрович Коновницын – генерал-поручик, видный сановник, близкий к императрице, столичный губернатор, генерал-губернатор Архангельский и Олонецкий (см.: Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 48).

³⁶² Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. С. 319–326.

³⁶³ Некоторые сведения о Порховском крае. С. 418–421.

в. владельцем села Хилова был М. А. Лодыженский. При нем в 1799 г. в селе имелся конный завод на 24 лошади и винокуренный завод на 90 ведер в год³⁶⁴. По мнению Н. Л. Рубинштейна, отставание в области сельского хозяйства помещик стремился компенсировать развитием разного рода промышленного предпринимательства, опирающегося на даровой крепостной труд. Он так же считал, что определенную роль для помещичьего хозяйства Псковской губернии играли и торговые связи губернии с Петербургским и балтийскими портами, а так же судоходство по р. Великой. В псковском вывозе участвовали в первую очередь продукты сельского хозяйства – пенька и лен; крупнейшим предметом сбыта были строевой лес и дрова³⁶⁵.

О роли торговли льном свидетельствует тот факт, что опочецкий помещик, надворный советник И. Елагин был оптовым торговцем этим продуктом. Лен он скупал и перепродавал английским купцам. Об этом в марте 1764 г. стало известно по доносу опочецкого купца С. Барышникова, который сообщил в Опочецкую ратушу, что крестьянин вотчины Святогорского монастыря деревни Комкино А. Федоров занимается недозволенной торговлей льном и пенькой. На следствии А. Федоров объяснил, что скупленный лен он продавал надворному советнику И. Елагину. Помещик, по свидетельству крестьянина, поручил закупить льна на сумму 100 руб.³⁶⁶

Описания дач помещиков Псковской губернии, проведенные в 80-е гг. XVIII в. в рамках Генерального межевания, позволяют охарактеризовать владения дворян. Следует отметить, что такие материалы Генерального межевания, как межевые книги и планы дач, частично сохранились в местных архивах, что дало возможность сопоставить данные этих документов, отложившихся в ГАПО, с полными данными для Псковского уезда по

³⁶⁴ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 272.

³⁶⁵ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. С. 116–201.

³⁶⁶ Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. С. 85–86.

Генеральному межеванию из РГАДА. Проведенный анализ свидетельствует о репрезентативности материалов, хранящихся в ГАПО. Всего в Псковском уезде было описано 1 038 дач, принадлежавших 275 помещикам³⁶⁷. Из них чуть более половины владельцев – 156 человек (57 %) – мужчины и 119 человек (43 %) – женщины, значительная часть последних – вдовы. Более трети дворян (37 %) имели в уезде только одну дачу. Это могло компенсироваться наличием владений в других уездах Псковской губернии. Так, у А. Л. Симанского помимо деревни Семенковой (Семинковой или Горки) с пустошью Юдино Псковского уезда³⁶⁸ было еще две дачи в Островском уезде (пустошь Сидоркова, а также деревни Федоровская и Решотова с пустошью Кабылкиной) в совладении с А. Л. Шишковой³⁶⁹. Самые большие владения по числу дач в уезде принадлежали С. Г. Карамышеву – 37 дач и Е. А. Щербинину – 31 дача³⁷⁰. Почти четверть владений Псковского уезда находилась в совместной собственности, 1/5 из них – в семейном совладении³⁷¹. У некоторых дворянских родов было сразу несколько дач в уезде. Так, дворянам Валуевым принадлежало 18 дач, из которых 13 дач было записано за Степаном Мироновичем, 4 дачи находились в совладении у Алексея и Петра Степановичей, за которыми, кроме того, была записана еще одна дача³⁷². В большинстве же совместных владений собственниками выступали дворяне, не являвшиеся родственниками.

Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. В их описании упоминается: село, сельцо (с деревнями или пустошами), деревни,

³⁶⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

³⁶⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–8.

³⁶⁹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 291, 304; Оп. 3. Д. 39; Оп. 4. Д. 21.

³⁷⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

³⁷¹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

³⁷² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

деревни с пустошами и пустоши. Около половины всех изученных дач Псковского уезда фиксируют только деревни, 33 % – только пустоши и 14 % – сельцо³⁷³. Особо следует выделить дачи, в которых упомянуто сельцо, поскольку именно сельцом называли место жительства дворянина – его усадьбу. Если при описании дач упоминалась только деревня, то можно говорить об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в данном владении. Это позволило нам определить, сколько десятин пашни приходилось на одного крестьянина мужского пола в таком владении. В д. Снопово, принадлежавшей надворному советнику П. А. Кармолину, из 217 дес. и 1200 саж. на удобные земли приходилось 99 %: лес дровяной – 63%, пашня – 29 %, сенной покос – 7 %, территория под поселением и огородами – 0,1 %. В этой деревне по IV ревизии (1782 г.) было записано 7 д.м.п. и 11 д.ж.п. К 1786 г. число крепостных составляло 9 д.м.п. и 10 д.ж.п.³⁷⁴ На одного крестьянина мужского пола приходилось почти 7 дес. пашни (средняя запашка по Нечерноземному району в 3,5 дес. на д.м.п.)³⁷⁵. Таким образом, обеспеченность крестьян землей здесь была достаточно высокой. В дер. Кикишево (владелец – помещик В. С. Плещеев)³⁷⁶ из 124 дес. 1 009 саж. удобной земли было 97 %, почти половину которой (49 %) занимал лес; пашня составляла 35 %, сенной покос – 12 %, и 1 % находился под поселением и огородами. В этой деревне по IV ревизии (1782 г.) было зафиксировано

³⁷³ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

³⁷⁴ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–11.

³⁷⁵ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 386.

³⁷⁶ В словаре И. И. Василёва – д. Кикишово (Славковская волость) в 52 верстах от Пскова. В конце XIX в. здесь насчитывалось шесть дворов (Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. С. 297).

12 д.м.п. и 14 д.ж.п.; эти цифры не изменились и к 1784 г.³⁷⁷ На одного крестьянина мужского пола приходилось почти 3,6 дес. пашни, что соответствует средним показателям по Северо-Западу России. К. И. Оперману принадлежали деревни Манцово, Малышево, Загорицы, Котелявицы с 144 дворами общей площадью (с прилегающими угодьями) 1 926 дес. 2 223 саж. Из них удобной земли у помещика было 97 %: лес дровяной – 30 %, пашня – 57 %, сенной покос – 2 % и под поселением и огородами – 8 %. По III ревизии в данном владении числилось 383 д.м.п. и 366 д.ж.п., и к 1781 г. число крепостных составило 403 д.м.п. и 379 д.ж.п.³⁷⁸ На одного крестьянина мужского пола приходилось 2,7 дес. пашни, что было значительно ниже средних показателей обеспеченности. Площадь хозяйственных угодий в дер. Мецля (М. А. Волкова) составляла 38 дес. 1778 саж. Из них удобная земля занимала 99 %: 54 % – пашня, 37 % – сенной покос, 8 % – под поселением и огородами. За помещицей по IV ревизии (1782 г.) записаны 38 д.м.п., столько же было и в 1786 г.³⁷⁹ На 1 д.м.п. в ее владении приходилось всего 0,5 дес. пашни, которых безусловно не хватало для ведения хозяйства (приложение 1, таблица 9). По мнению И. Е. Индовой, надел даже в 2 десятины на 1 д.м.п. не мог прокормить крестьянина³⁸⁰.

Около половины дач Порховского уезда – это деревни; столько же записаны как сельцо и 17 % – пустоши. Почти половина владений находились в совместной собственности, 1/4 из которых – у родственников³⁸¹. Так, дер. Большое Заречье с пустошами находилось во владении И. И. Крекшина и М. М. Савинковой³⁸². Е. Л. Васильчиковой принадлежала дер. Быстерская, где

³⁷⁷ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–12.

³⁷⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–20.

³⁷⁹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–7.

³⁸⁰ Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. С. 123.

³⁸¹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348–350, 352, 354, 355а, 356, 357; Оп. 3. Д. 41, 42.

³⁸² ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.

по V ревизии (1795 г.) числилось 7 крестьянских дворов с 24 д.м.п. Из 132,9 дес. земли удобной было 96 %. Из них пашня составляла 50 %, лес – 45 % и 1 % был отведен под жилые и хозяйственные постройки и огороды. На одного крестьянина мужского пола в этом владении было 2,8 дес. пашни³⁸³ (приложение 1, таблица 10).

Половина дач Опочецкого уезда включают только деревни, 17 % – только пустоши и 33 % – только сельцо³⁸⁴. Сразу несколько деревень находилось в совладении у К. Н. Расихина и А. Ф. Клокачева. Общая площадь этих земель составила 7 240,8 дес., из которых на удобные земли приходилось 95 %: лес – 85%, пашня – 9 %, сенной покос — 0,9 % и 0,1 % – под поселением и огородами³⁸⁵. У. Е. Ганнибал, О. И. и И. З. Яхонтовым принадлежала дер. Бахирева с прочими, общей площадью 1 230,9 дес., где удобные земли составляли 81 %, в том числе: пашня – 5 %, лес – 74 %, сенной покос – 1 % и на поселение приходился 1 %. По V ревизии в этой деревне был 41 крепостной крестьянин. На 1 д. м. п. приходилось 2,2 дес. пашни³⁸⁶ (приложение 1, таблица 11).

В Великолукском уезде 33 % учтенных дач записаны как деревни, почти половина – пустоши, 14 % – сельцо³⁸⁷. Две дачи находились во владении П. С. Лаврова. Это были пустошь Олухова общей площадью 26,6 дес.³⁸⁸ и дер. Гушино площадью 196 дес., где по V ревизии было записано 15 крестьянских дворов с 52 д.м.п. Удобные земли здесь составляли 90 %: пашня – 88 %, сенной покос 1, 5% и 0,5 % дес. – под поселением, огородами,

³⁸³ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 327. Л. 1–8.

³⁸⁴ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 179, 184, 190; Оп. 3. Д. 19, 20; Оп. 4. Д. 14.

³⁸⁵ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–34.

³⁸⁶ ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.

³⁸⁷ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 45, 46; Оп. 4. Д. 3–5.

³⁸⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–8.

гуменниками и конопляниками. На одного крестьянина мужского пола здесь приходилось 3,4 дес. пашни³⁸⁹ (приложение 1, таблица 12).

Чуть менее половины дач Островского уезда представлены деревнями и столько же – пустошами³⁹⁰. В с. Рублево-Царево А. Д. Дубровского располагался господский дом и 20 крестьянских дворов. Из 1 036,7 дес. удобные земли составляли 95 %: пашня – 70 %, лес – 15 %, сенной покос – 9 % и 1 % – под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. По V ревизии в этом владении были записаны дворовые люди 62 человека и 300 крепостных обоего пола³⁹¹ (приложение 1, таблица 13).

В Холмском уезде И. А. Крыжовой принадлежало с. Кузелкино общей площадью 636,9 дес. где было 94 % удобной земли: лес – 72 %, пашня – 16 %, сенной покос – 6 % и 0,2 % дес. под поселением³⁹². Во владении Е. И. Манкошевой общая площадь земли составила 2 632 дес., из них на удобные земли приходилось 85 %, 78 % которой занимал лес, пашня – 6 %, сенной покос – 0,5 % и 0,5 % под поселением. По V ревизии здесь числились 8 дворов с 49 крепостными обоего пола³⁹³ (приложение 1, таблица 14).

Сельцо Воробьево с деревнями Торопецкого уезда общей площадью 1 568,9 дес. – собственность А. С. Хмелева. В этой даче на удобные земли приходилось 99 %, из которых половина составляла пашня – 54 %, лес – 40 %, сенной покос – 4 % и 1 % под поселением³⁹⁴. В с. Покровское с деревнями П. П. Караулова из 1 214 дес. было 79 % удобной земли, где 17 % занимала

³⁸⁹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–20.

³⁹⁰ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263–266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296–298, 301, 312; Оп. 3. Д. 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38–40; Оп. 4. Д. 17, 20, 22, 24.

³⁹¹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–46.

³⁹² ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 59. Л. 1.

³⁹³ ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58. Л. 1.

³⁹⁴ ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54. Л. 1.

пашня, 60 % – лес, 1 % сенной покос и 1 % под поселением и огородами³⁹⁵ (приложение 1, таблица 15).

Более половины учтенных владений Новоржевского уезда записаны как деревни, четверть – пустоши и 10 % – сельцо³⁹⁶. В совладениях значатся 1/4 дач³⁹⁷. В дер. Никитина помещика К. Злобина по V ревизии числилось 6 крестьянских дворов с 36 крепостными. Из 188,1 дес. удобные земли занимали 99 %. Пашня составляла 36 %, лес – 61%, сенной покос – 1 % и 1 % под поселением и огородами³⁹⁸. В этом владении на 1 д. м. п. приходилось 3,1 дес. пашни (приложение 1, таблица 16). Н. В. Пиотух отмечает, что в деревнях Новоржевского уезда пашенные и лесные угодья составляли почти одинаковую долю, в сельцах имелось превышение пашенных угодий над лесными. В пустошах лес преобладал. Во всех типах поселений сенокосные угодья составляли небольшую долю. Сходство структуры землепользования в деревнях и пустошных дачах могло отражать специфику этих типов селений и угодий. Долевое соотношение пашни и леса в деревнях было примерно одинаковым. Небольшое превышение пашни над лесом говорит скорее об идентичности хозяйственного значения этого типа сельских поселений и этого типа угодий как основного крестьянского поселения для определенной части территории страны³⁹⁹.

Изучение материалов межевания Псковской губернии показывает, что основную часть земли владений псковских помещиков в последней четверти XVIII в. занимали лес и пашня. Значительные лесные массивы составляли

³⁹⁵ ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57. Л. 1.

³⁹⁶ ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Оп. 1. Д. 62, 76, 97–99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151; Оп. 2. Д. 1а, 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15; Оп. 4. Д. 9.

³⁹⁷ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–100.

³⁹⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–14.

³⁹⁹ Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

богатство помещичьих владений⁴⁰⁰. Дачи значительно отличались по размерам. Средний надел пахотной земли в разных владениях значительно разнился и мог составлять от 0,5 до 7,6 дес. По данным Г. М. Дейча, в конце XVIII в. средний надел пахотной земли у барщинных крестьян в Псковской губернии составлял 3,5 дес., и 4,8 дес. – у оброчных⁴⁰¹. Л. В. Милов отмечает, что фактический посев был намного ниже и вместе с паром составлял примерно половину, а остальная пашня просто не использовалась⁴⁰². Если сравнивать долю пашни и размер остальных угодий в поместье в XVII в., то, по данным Н. Н. Масленниковой, в 20-е гг. XVII в. пашня занимала всего 4,4 %⁴⁰³. Однако 20-е гг. XVII в. – это еще годы кризиса. Ко второй половине XVIII в. доля пашни у псковских помещиков достигла почти половины всех угодий. То же наблюдается и в Тульской губернии, где посев составлял 47 %⁴⁰⁴. Это было минимальное соотношение лугов и пашни при трехполье⁴⁰⁵.

По итогам Генерального межевания на территории всей Псковской губернии во владении помещиков находилось 24 тыс. дес. усадебной земли, 1 037 дес. пашни, 148 тыс. дес. сеного покоса и 1 853 тыс. дес. леса. Из 3 262 тыс. дес. земли неудобной было 200 тыс. дес. Распаханность губернии составляла 32 %, а более половины угодий (56 %) занимал лес. Ни в одном

⁴⁰⁰ Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955. С. 119.

⁴⁰¹ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX веков. С. 51.

⁴⁰² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 386.

⁴⁰³ Масленникова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

⁴⁰⁴ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 375–381.

⁴⁰⁵ Гудков А. Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 187–265.

уезде пашня не охватывала половины территории. Так, в Островском уезде ее доля составляла 45 %, в Новоржевском – 42 %, а в Холмском – только 18 %⁴⁰⁶. Согласно основанным на данных Генерального межевания и данным III ревизии подсчетам В. М. Кабузана, в Псковской губернии на каждую ревизскую душу приходилось 5,23 дес. пашенной земли и 6,2 дес. всей освоенной земли (с покосами и усадебными участками). В остальных губерниях размеры среднего надела были ниже: в Новгородской – 4,8 и 5,87 дес., в Олонецкой – 3,50 и 4,64 дес., в Санкт-Петербургской – 2,90 и 3,91 дес.⁴⁰⁷

3.3. Взаимоотношения помещиков и крестьян

Охарактеризовать дворянское сословие невозможно без учета взаимоотношений помещиков со своими крестьянами. Данное направление в изучении крепостного права долгое время занимало одно из ключевых мест в отечественной историографии, однако на современном этапе плюрализм мнений по этому вопросу позволяет раскрыть данный аспект жизни и деятельности дворянства более объективно.

Исследователи расходятся по вопросу об уровне эксплуатации крестьянства в России со стороны помещиков. Так, Б. Н. Миронов пишет, что европеизация побуждала дворянство увеличивать свои доходы, необходимые для ведения роскошной жизни через усиление эксплуатации крепостных⁴⁰⁸. По мнению Ю. А. Тихонова, в первой четверти XVIII в. казна изымала большую часть прибавочного продукта помещичьих крестьян. А высота

⁴⁰⁶ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. С. 132.

⁴⁰⁷ Кабузан В. М. Изменение в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. С. 20.

⁴⁰⁸ Миронов Б. Н. Время величия // Родина. 2001. № 9. С. 35–38.

государственного обложения не позволяла помещикам резко увеличивать владельческие повинности⁴⁰⁹.

Взаимоотношения помещиков и крепостных характеризуют инструкции и наказы дворян своим управляющим. Повышение доходности вотчинного хозяйства путем изыскания новых источников прибыли было одной из главных задач середины XVIII в. В последней четверти XVIII в. в инструкциях так же уделяется внимание увеличению доходности хозяйства, но на первый план выходит упорядочение хозяйства, посредством распространения товарных культур, агрономических мероприятий⁴¹⁰.

На личную жизнь крестьян помещик смотрел, прежде всего, с точки зрения хозяйственной выгоды. При желании создать семью крепостному разрешалось брать в жены девушку как из казенных деревень, так и из своих. Но запрещалось выдавать своих крестьянок за претендентов, не являвшихся крепостными этого же дворянина. Для увеличения народонаселения владений господина принуждали своих крепостных к ранним бракам. Дворяне стремились извлечь экономическую выгоду из всех аспектов жизни и деятельности крестьян. Некоторые помещики в инструкциях своим управляющим отмечали, что в рекруты крестьян следует отдавать по очереди: «Того, кому *следует* [курсив наш. – Е. Г.] идти». Но предусматривалась и возможность другого варианта: если крестьянин имел необходимую сумму, он мог выставить вместо себя другого рекрута⁴¹¹.

Следующим после приказчика звеном в управлении имением являлся староста. В отличие от управляющего, который назначался хозяином имения, староста избирался самими крестьянами. В случае спора крепостные должны

⁴⁰⁹ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII – начале XVIII в. С. 305.

⁴¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. С. 132–137.

⁴¹¹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

были обращаться именно к старосте, который решал дело в присутствии других членов мира.

Эксплуататорское рвение помещика не всегда успевало за ростом денежных доходов в крестьянском хозяйстве. Зачастую для увеличения дохода помещики искали дополнительные возможности изъять деньги у своих крепостных. Так, помещик И. Х. Дероп брал оброк с умерших и взятых в рекруты⁴¹². Естественно, что такие поборы ложились дополнительным бременем на крестьян и приводили к возмущениям. Увеличение предельно-допустимых норм эксплуатации делало невозможным простое воспроизводство, что проявлялось в неповиновении крестьян помещику. По мнению Д. И. Раскина, возникновение нового экономического уклада, развитие торговли и промысловых занятий среди крестьян – все это придавало новое содержание целям социального противостояния: требование свободы передвижения, права занятия торговлей и промыслами. Изменение общественного сознания крепостных сыграло значительную роль в их взаимоотношениях с помещиком. Крестьянский протест приобретает массовый и оборонительный характер. Отмечены побеги в Прибалтику, Речь Посполитую, на Юг и в Поволжье. Происходили побеги и в вотчины крупных феодалов, предоставлявших беглым льготы⁴¹³.

В документах первой трети XVIII в., использованных Н. В. Козловой, упоминаются два случая бегства помещичьих крестьян, зарегистрированных в Псковском и Торопецком уездах, за пределы империи⁴¹⁴. Подобные примеры приводит и Д. И. Раскин⁴¹⁵. Ревизские описания XVIII в. фиксируют неоднократные факты бегства крепостных. Так, из ревизских сказок 1762 г.

⁴¹² ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁴¹³ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 212–221.

⁴¹⁴ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. С. 41–71.

⁴¹⁵ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт. С. 213–221.

вотчины премьер-майора Л. И. Симанского (Псковского уезда) известно о трех случаях бегства его крестьян⁴¹⁶. А Л. А. Травин в своих записках вспоминает, что, попав в тяжелое положение в связи с крестьянским волнением 1765 г. в Велейской вотчине графа С. П. Ягужинского, «пришед в отчаяние, полагал намерение спастись бегством в Польшу». К счастью обстоятельства разрешились для него благополучно⁴¹⁷.

Данные источников позволяют вскрыть противоречия и между самими дворянами по вопросу о беглых крепостных. Помещик Р. О. Пушкин скрыл бежавших крестьян опочечкого воеводы И. Бочкина. Пострадавший воевода подал челобитную в канцелярию Псковской провинции. На допросе Р. О. Пушкин все отрицал, аргументируя тем, что не имел мотива для данного деяния⁴¹⁸. Д. Ланской обвинял помещика Е. Григорьева в укрывательстве принадлежащего ему крестьянина⁴¹⁹. В укрывательстве обвиняли и старост дворцовых сел⁴²⁰. Н. В. Козлова отмечает, что причинами бегства в это время были сокращение крестьянского землепользования, рост владельческих повинностей, резкое усиление налогового гнета, исключительно тяжелые трудовые мобилизации и рекрутские наборы⁴²¹.

Контроль за предотвращением побегов крестьян возлагался на командный состав полков в пределах их расквартирования, а так же на священников в приходах⁴²². Проблема бегства крепостных тревожила в первую очередь самих помещиков, в связи с чем владельцы обращались за помощью к

⁴¹⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 863. Л. 864–870.

⁴¹⁷ Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина // Труды Псковского археологического общества. 1914. № 10. С. 38–131.

⁴¹⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 118. Л. 2–9.

⁴¹⁹ РГАДА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–11.

⁴²⁰ РГАДА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–9.

⁴²¹ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. С. 57.

⁴²² Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 33.

властям. В 1741 г. помещица М. Шатилова подала челобитную о возвращении ей беглой крестьянки Е. Савельевой с детьми⁴²³. Помимо дворян, которые были основной заинтересованной стороной в вопросе предотвращения побегов крепостных и возвращения беглых, меры для урегулирования ситуации также предпринимало и правительство. В указе Анны Иоанновны от 1734 г. крестьянам, бежавшим за границу, было обещано свободное возвращение и прощение. А переменявшим веру, предписывалось принести церковное покаяние. Кроме того, и помещики обязывались выдавать возвратившимся ссуды хлебом и лошадьми. Приграничной страже надлежало принимать всех беглых⁴²⁴.

Исследователи выделяют две формы неповиновения: пассивное и активное⁴²⁵. Пассивное неповиновение (мирная форма) представлено протестом (ослушание барина, его управляющего, отказ от работ, уплаты денежных взносов, непризнание себя собственностью помещика) и жалобой. 18 июля 1797 г. крестьяне д. Тарасово отказались признать себя во владении помещицы фон Дицевой. Они объявили, что останутся дворцовыми, и отказались впустить приехавшего управляющего, пригрозив ему расправой⁴²⁶. Подобное явление на Псковщине не было единичным. Еще 1744 г. крестьяне Велейской вотчины так же отказались признавать нового владельца⁴²⁷. Если помещик (или его управляющий) не мог справиться собственными силами, он обращался за помощью к местным властям, к которым могли воззвать и крестьяне, послав выбранных односельчан (например, для уточнения своей принадлежности владельцу).

⁴²³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 208.

⁴²⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–3.

⁴²⁵ Рындзюнский П. Г. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах I четверти XIX века // Из истории крестьянства XVI–XIX в. М., 1955. С. 75–89.

⁴²⁶ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–7.

⁴²⁷ Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина. С. 38–131.

Как правило, причины недовольства со стороны крепостных были достаточно объективны, поскольку помещик мог довести крестьян до крайней нужды, в результате чего они, например, отказывались ходить на барщину. Подобная ситуация произошла с крестьянами помещицы Чагиной 15 августа 1797 г. Дворяне стремились прекратить конфликт как можно скорее и любыми средствами (вплоть до подавления сопротивления воинскими командами)⁴²⁸.

Противостояние помещику выражалось и в жалобах крепостных на своего господина, что имело широкое распространение, несмотря на официальный запрет и угрозу наказанием плетью за подобный проступок с 1763 г. Как отмечает П. К. Алефиренко, крестьянские челобитные редко писались самими челобитчиками, которые для такого ответственного дела выбирались на общем сходе. Содержание челобитной определялось самими крестьянами, а писать мог дьячок под диктовку⁴²⁹. Имена ходоков, как правило, в документах не указывали. Число ходоков могло быть различным, в зависимости от дальности расстояния и статуса лица к которому они направлялись. Так, крестьяне дер. Тарасово в июле 1797 г. направили в Псков трех человек⁴³⁰, а крестьяне дер. Клин выбрали из своей среды восьмерых представителей для подачи жалобы императрице⁴³¹.

В челобитных для обоснованности действий в том или ином вопросе, а так же для подтверждения правомерности поступка нередко ссылались на законодательство, которое доходило до крепостных как в письменном виде, так и в форме устной традиции. Механизм подачи жалобы был следующий: при наличии определенной проблемы ее обсуждение выносили на общий сход, который часто собирался по случаю произошедшего конфликта. На нем решались конкретные вопросы: выбор ходоков, сбор денег для них. Затем

⁴²⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–7.

⁴²⁹ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50 гг. XVIII в. С. 115.

⁴³⁰ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–17.

⁴³¹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

принималось решение, куда будет направлена жалоба и шло составление челобитной. В случае подачи жалобы следовало разбирательство. Крестьяне помещицы фон Дицевой в июле 1797 г. собрали вскладчину со всех 300 человек по 3 копейки и послали трех крестьян в г. Псков для выяснения собственного статуса. В Пскове им подтвердили, что крестьяне действительно были пожалованы в мае 1797 г. «по указу Псковского губернского правления» (Ее Императорским Величеством в вечное потомственное пользование)⁴³².

Юридически запрещалось подавать жалобу на имя государя, однако возможность обращения к местным властям была, и по подобным заявлениям проходили разбирательства. Однако, факт того, что сами помещики, на которых жаловались крестьяне, если не являлись представителями местной власти, то были связаны с таковыми прочными узами экономического, родственного и прочего характера, предполагал определенную предвзятость со стороны властей в решении вопроса. Учитывая, что все документы носили гриф секретности, можно сделать вывод что дворянство, да и вся система в целом, опасалось широкой огласки подобных прецедентов. Примечательно, что, несмотря на запреты, поток ходяков не иссякал. Так, в жалобе крестьянина Никиты Кузьмина об изнурении крепостных тяжелой работой торопецким помещиком Шетневым в декабре 1797 г. указывалось, что барин заставляет крестьян работать по пять дней в неделю. Результатом стало «препоручение по высочайшему Его Императорского Величества повелению» от господина действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера князя А. Б. Куракина разведать о справедливости просьбы крестьянина, что было произведено торопецким предводителем дворянства И. А. Полибиным и двумя дворянами, избранными специально для этого дела. Результат расследования показал, что в итоге происходило в подобных ситуациях на местах. В ходе проведенного «добросовестными» дворянами разбирательства выяснилось, что все крестьяне помещика Шетнева (семейные пары) в течение недели ходят на

⁴³² ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5.

господскую работу только три дня в неделю. А холостые крестьяне и вдовы к господским работам вообще не были привлечены. Пять же дней никто и никогда не отработывал. Заключение комиссии было следующим: жалоба крестьянина – ложная. К тому же «добросовестные» дворяне установили, что сам Кузьмин, «будучи холостым, на господские работы за свое лицо не хаживал»⁴³³. Помещики не могли и не хотели обличать самих себя. Дворяне и местная администрация всячески старались вообще не допускать подобных жалоб. Так, в мае 1798 г. крестьяне помещицы Бахаревой отправили восемь ходоков сообщить, что их изнуряют тяжелыми поборами. Дальновидный порховский земский исправник Н. Ронов подал рапорт псковскому гражданскому губернатору Л. С. Алексееву об этом. Кроме того, Н. Ронов сумел догнать направившихся к царю крестьян. Прочитав царский указ, он успокоил их тем, что дело будет рассмотрено на местном уровне. При разбирательстве выяснилось, что сын помещицы А. Бахарева первоначально собрал по 5 руб. с души, через двадцать дней – еще по 5 руб. за подводы, затем – еще по 80 коп. с души. К тому же затребовал «десять мальчиков и пять девочек в дом госпожи для разного обучения». Именно его поступок при попустительстве хозяйки имения явился основанием для жалобы⁴³⁴.

Таким образом, причинами недовольства крестьян являлись: отсутствие стабильного обложения; слишком короткие сроки исполнения тех или иных повинностей без учета реальных возможностей хозяйства (например, формулировка могла быть следующей: «Прислать деньги тогда, когда будет нужно, без всяких отговорок»); перевод натуральных форм повинностей в денежные с постоянным увеличением последних; назначение управляющего, не пользующегося у крестьян расположением и доверием; необходимость отправки крестьянских детей в учение (особо остро это воспринималось

⁴³³ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–6.

⁴³⁴ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–5.

потому, что из семьи забирали рабочие руки). Все это в итоге выливалось в острое нежелание «быть помещичьими».

Требования, которые выдвигали крестьяне, были вполне умеренными и не выходили за рамки существующих феодально-крепостнических отношений. Как правило, они состояли в установлении четкой фиксированной ренты с учетом хозяйственных особенностей. Так, например, крестьяне помещика И. Х. Деропа в феврале 1798 г. просили у царя назначить с них «годовой оброк, который не отягощал бы»⁴³⁵, а так же «порядочного» управляющего⁴³⁶, поскольку последний мог разорять крепостных при полном неведении барина.

Будучи первоначально пассивным, в дальнейшем, при отсутствии ответной реакции на требования крестьян, неповиновение могло приобрести активные формы. Так, 25 июня 1797 г. островские крестьяне помещика Сумароцкого отказались выполнять полевые работы, а при попытке помещика привести их к порядку угрожали барину косами. Нормализовать ситуацию в данном случае удалось прочтением земским исправником царского указа (т. е., по существу, убеждением (хотя и на грани запугивания) крестьян).

Активное неповиновение имело следующие формы: неповиновение и противодействие властям (в случае если неповиновение помещику не прекращалось после приезда представителей местной власти, взбунтовавшиеся крестьяне могли угрожать косами и кольями приехавшим представителям власти); угрозы расправой и убийством. При этом некоторые варианты неповиновения могли сочетать в себе элементы сразу нескольких форм. О том, что подобные явления были делом губернского уровня, свидетельствуют постоянные рапорты о состоянии дел на местах с подробным отчетом о произошедшем, соблюдая секретность для предотвращения огласки событий. Активное неповиновение отличалось особой остротой, в связи с чем для умирения крепостных иногда требовалось и применение силы.

⁴³⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 8–17.

⁴³⁶ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. Д. 22. Л. 2.

Наибольшим упорством крестьянские волнения отличались там, где был повод считать незаконным принадлежность крестьян данному владельцу. Выступления крестьян в основном характеризовались довольно высокой степенью организованности, что являлось следствием использования привычных форм мирского самоуправления. Зачастую упорство крестьян поддерживалось уверенностью в правомерности своих действий. Крестьяне в ходе своих выступлений использовали подручные средства (косы и колья), которые могли нанести серьезный материальный и физический ущерб. При подавлении бунта помещики иногда могли обойтись и собственными силами. Так, исправник островской округи Елагин летом 1797 г. собрал 40 человек из тех крестьян, кто оставался верным барину, и благополучно усмирил недовольных⁴³⁷.

В случае недостаточности собственных сил для разрешения конфликта помещику приходилось обращаться к губернатору с просьбой о присылке военного отряда. Так, крестьяне помещицы фон Дицевой заняли такую твердую позицию, что их недовольство вылилось в открытое неповиновение властям. Для их усмирения псковский гражданский губернатор Л. С. Алексеев выделил конный отряд (9 человек) и определил выдать по 12 патронов каждому⁴³⁸. Но даже подобные меры не всегда приводили к быстрому результату. Летом 1783 г. в Тригорской вотчине помещика Вындомского произошло выступление крестьян, вызванное созданием в вотчине полотняной мануфактуры⁴³⁹ и переводом на нее в 1781–1782 гг. 50 крестьян ткачами, что лишало их возможности обрабатывать свою землю. К тому же все остальные крестьяне от 16 до 55 лет отрабатывали на мануфактуре два дня в неделю. Одновременно помещик увеличил в полтора раза денежный оброк и дополнительно ввел

⁴³⁷ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁴³⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 23. Л. 4–15.

⁴³⁹ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 26.

натуральный оброк, который состоял из поставки льна, пряжи, зерна, крупы и мяса. На крестьянском сходе 24 марта 1783 г. было решено послать ходоков с жалобой в Опочку и Петербург. Крестьяне прекратили все работы на помещика и отказались ему повиноваться. О масштабности события свидетельствует приезд губернатора, который пытался умиротворить крепостных, но лишь убедился в твердости их позиции. В апреле число взбунтовавшихся крестьян возросло до 700, что заставило отступить первую из посланных сюда воинских команд. Второму, более многочисленному отряду удалось усмирить крестьян. В ходе учиненной расправы были сожжены две деревни, а зачинщики арестованы; пятеро из них умерли во время следствия⁴⁴⁰ (вероятно, не выдержав применявшихся к ним пыток).

Подобные случаи активного неповиновения, произошедшие из-за устройства помещиком мануфактуры, фиксировались и ранее. Так, в 1765 г. крестьяне Велейской волости Опочецкого уезда по приезде фабричных мастеров из Москвы для устройства мануфактуры в имении «ужаснувшись пришли в отчаяние и оттого сильно возмутились»⁴⁴¹. Эти факты говорят об упорном сопротивлении крестьян помещичьим нововведениям в виде устройства вотчинных предприятий. Однако помещики не только жестоко подавляли подобные сопротивления с помощью властей, но и старались переориентировать крестьян на более качественную работу на этих мануфактурах. Генерал-майор П. И. Турчанинов, имевший в с. София Холмского уезда прядильную фабрику, организовал обучение своих крепостных прядильному делу. Он добился в ноябре 1785 г. от псковского генерал-губернатора Н. В. Репнина распоряжения о присылке в г. Псков для обучения прядильному делу купцов, мещан и казенных крестьян. Позже наместничество разрешило присылать для обучения и помещичьих крестьян. Обучение было бесплатным, занятия проводили присланные в Псков мастера.

⁴⁴⁰ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–9.

⁴⁴¹ Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина. С. 38–131.

Помещики активно откликнулись на нововведение, отправив на обучение до 6–7 человек своих крепостных. Так, помещик А. Окунев послал учиться одного мужчину и шесть женщин; помещик И. Мягков – двух мужчин и двух женщин; помещица Окунева – семь женщин. Всего за полгода было обучено 96 человек помещичьих крестьян⁴⁴².

Об обострении к концу XVIII в. противоречий между помещиками и крестьянами ярко свидетельствуют и убийства господ своими крепостными. В 1789 г. двумя выстрелами из леса был убит лейб-гвардии поручик П. Кожин. Его на дороге в Старую Руссу подстерегли собственные крестьяне⁴⁴³. Осенью 1798 г. две «девки» торопецкой помещицы Д. Потемкиной попытались убить хозяйку. Позднее Н. Федорова и А. Егорова признались в сговоре с целью удушить барыню «праздным» бельем во время сна. Они накинули постель на лицо помещицы, но та, проснувшись, закричала. Спасла ее прибежавшая на помощь дочь священника Наталья, которая ночевала в доме Потемкиной. Она и не дала заговорщицам «умертвить» барыню. Можно лишь предполагать, что толкнуло крепостных на совершение подобного шага, особенно если учитывать тот факт, что одна из преступниц была несовершеннолетней. Факт несовершеннолетия в данном случае послужил основой для смягчения наказания – ее высекли плетью на месте преступления. Вторую соучастницу, Н. Федорову, наказали плетью и отослали (согласно указу от 24 марта 1765 г.) в Иркутск, на суконную фабрику⁴⁴⁴.

Помещик, являясь «властью и судом» в имении, определял наказания для своих крепостных. Государство само вложило в руки барина право по своему усмотрению судить, наказывать крестьян, ссылая в Сибирь без суда и следствия, чем он активно пользовался. За мелкие нарушения помещик

⁴⁴² Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX в. С. 25.

⁴⁴³ Васильева Л. В. Имена Порховского уезда. С. 105.

⁴⁴⁴ ГАПО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6.

наказывал крестьян сразу же и без расследования. Крупные проступки, такие как подстрекательство и организация массовых протестов рассматривались особым образом. Как правило, в таких случаях зачинщиков наказывали плетьюми при собрании всех крестьян. Такое наказание преследовало сразу две цели: с одной стороны, виновные получали заслуженное возмездие, с другой – это служило предостерегающим примером для остальных. Однако, как показывает практика, подобная «профилактика» не оказывала сильного воздействия на крепостных, так как случаи проступков и наказаний были часты. Наказания варьировались: крестьянина могли содержать под стражей, а затем подвергнуть наказанию плетьюми как вне вотчины, так и в имении, при собрании всех крестьян.

Наказанием служило и само содержание под стражей; по истечении определенного срока провинившиеся могли быть отданы на поруки старосты с тем условием, что будет письменное заверение (расписка), и крестьянин должен быть представлен властям по требованию⁴⁴⁵. Еще одним видом наказания была ссылка. Крепостного могли сослать в Сибирь за любую провинность по воле владельца без выяснения обстоятельств. При пожизненной ссылке следовала формулировка «навечно»⁴⁴⁶. Однако по воле владельца крепостного могли вернуть обратно. В некоторых случаях при ссылке крепостного следовала пометка, что произведен зачет провинившегося в рекруты. В этом случае помещик решал сразу две задачи: наказывал виновного и одновременно снимал с себя одну единицу из рекрутского набора. Зачастую происходило соединение нескольких видов наказаний. Крестьянина могли содержать под стражей, наказать плетьюми, а уже затем отослать в острог. Не существовало четкой соразмерности между совершенным крестьянином проступком и следовавшим за этим наказанием, поскольку крепостного могли подвергнуть одинаковым санкциям как за пассивное неповиновение, так и за

⁴⁴⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁴⁴⁶ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 114. Л. 47.

активное (в том числе и попытку убийства). По сути, единственным критерием, определявшим, каково будет возмездие, была воля владельца.

Существовал еще один вид наказания – возложение материальных затрат карательных экспедиций на самих виновных крестьян. Суммы были значительные. Так, при подавлении восстания крестьян помещика Вындомского в сентябре 1783 г. с виновных полагалось взыскать 528 руб. 23 коп.⁴⁴⁷ О значительности суммы свидетельствует тот факт, что цена одной четверти ржи в 1780 г. в Псковской губернии составляла 2,5 руб.⁴⁴⁸ Подобные меры были инициативой государства, которое, с одной стороны, снимало с себя значительную часть расходов (так как крестьянские волнения во второй половине XVIII в. были часты), а с другой – сурово наказывало крестьян, поскольку выплата подобных сумм была едва ли не хуже наказания плетью.

Перечисленные выше виды наказаний были обычными для второй половины XVIII в., однако на практике все зависело от характера, а зачастую и фантазии помещика, которая в отдельных случаях проявлялась очень ярко. Так, в результате выступления крестьян против помещика Вындомского в отношении виновных было предписано «учинить публичное кнутом наказание, потом обоим им вырезать ноздри, проставляя на лбу, на щеках указанные знаки и послать в Наднепровскую линию в каторжную работу навечно». Несмотря на то, что верховенство решения принадлежало Сенату, это не спасало крестьян от произвола помещика. Вмешательство Сената в решение по делу о крестьянах помещика Вындомского состояло лишь в том, что в январе 1784 г. было предписано «крестьянам, которые палатою уголовного суда и правителем наместничества присуждены к наказанию кнутом, вместо сего учинить наказание плетью»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁷ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

⁴⁴⁸Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. С. 447.

⁴⁴⁹ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 114. Л. 47–113.

Таким образом, взаимоотношения помещиков и крепостных крестьян в Псковском крае в XVIII в. характеризуются в первую очередь наличием социального противостояния. При этом само крепостное право вместе с объективными факторами своего существования (сословной системой общества Российской империи и законодательным закреплением прав и обязанностей сторон) зачастую характеризовалось субъективными факторами, отражающими специфику мировосприятия помещиков – владельцев «живой собственности», и принадлежащих им крестьян, что могло влиять как отрицательно, так и положительно на сложный характер взаимоотношений в системе «барин – крепостной». Увеличение роли помещичьей перерабатывающей промышленности в конце XVIII в. в экономике Псковского края⁴⁵⁰ оказало влияние на взаимоотношения крепостных и владельцев, что выразилось в противодействии крестьян и их недовольстве организацией мануфактур дворянами, которые, в свою очередь, невзирая на это, всячески старались привить своим крепостным навыки работы на мануфактурном производстве.

Система управления помещьем, отношение помещика к своим крестьянам, восприятие своего положения крепостными, их бегство и формы сопротивления, система наказаний в Псковской земле в XVIII в., – все это в целом отражает общероссийские тенденции эпохи. Специфика региона проявляется в первую очередь в природно-климатических условиях, которые влияли как на сами сельскохозяйственные работы, так и на их замену другими видами производств. Зона рискованного земледелия Северо-Запада России заставляла напрягать все крестьянские ресурсы для получения прибавочного продукта в размере, сопоставимом с губерниями, обладающими гораздо более благоприятными природными и экономическими условиями, зачастую усиливая и без того изнурительную эксплуатацию со стороны помещика. Геополитическое положение региона влияло на маршрут бегства крепостных,

⁴⁵⁰ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

которые предпочитали скрыться за границами Российской империи в надежде избавиться от наказания и в целом крепостной зависимости.

Глава 4. Состав и социальный облик псковского дворянства

4.1. Состав псковского дворянства

Состав привилегированного сословия Псковщины отражен в «Родословной книге Псковской губернии», которая делилась на шесть частей в соответствии с характером приобретения дворянства. Личные дворяне не вносились в родословную книгу. Но «Жалованная грамота» давала право потомку личного дворянина, предки которого в трех поколениях имели чины, дающие право на личное дворянство, просить дворянства действительного. И уже при беспорочной службе деда и отца в течение 20 лет внук мог ходатайствовать о присвоении ему потомственного дворянства. Именно потомственные дворяне могли претендовать на внесение в одну из шести частей родословной книги. В 1-ю вносились дворянские роды, пожалованные монархом; во 2-ю – дворянские роды, приобретенные чинами по военной службе; в 3-ю – дворянские роды, приобретенные чинами по гражданской службе или получившие достоинство через пожалование ордена; в 4-ю – иностранное дворянство, признанное в своем достоинстве; в 5-ю – титулованные дворянские роды; в 6-ю – древние роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянству в течение 100 лет, предшествовавших изданию «Жалованной грамоты»⁴⁵¹. Анализ подачи прошений для записи в ту или иную часть позволяет выявить структуру и специфику дворянства губернии.

Дворянское депутатское собрание должно было отправлять копии родословной книги через губернское правление в Герольдию. Первая из известных родословных книг Псковской губернии была составлена в 1787 г. По данным Л. М. Савелова, в архиве департамента Герольдии за конец XVIII в., кроме вышеназванной, были представлены родословные книги Псковской

⁴⁵¹ Дворянские роды Российской империи. Кн. 1. С. 21.

губернии только за 1795–1797 гг., что свидетельствует о неаккуратности исполнения на Псковщине государственных предписаний. Справедливости ради, однако, стоит отметить, что, например, в Тверской губернии это положение указа совсем не выполнялось, так как ни копии книг, ни копии дел, созданных в процессе деятельности депутатского собрания в конце XVIII в. в правительственные учреждения не направлялись⁴⁵².

Запись в родословную книгу губернии гарантировала право активного участия в деятельности местного дворянского сообщества. Но ряд дворян, имеющих недвижимое имущество в губернии, не желали заниматься процессом внесения своих фамилий в местные родословные книги. И. В. Савицкий выделяет несколько причин подобной позиции. Во-первых, это финансовая сторона вопроса. Не только сама процедура подачи прошений и предоставления доказательств была хлопотной и затратной, но и в случае положительного решения также уплачивался сбор. Другой причиной было непроживание владельца в своем имении. Многие дворяне располагали владениями в разных губерниях, а сами находились на службе в столице. Как отмечает И. В. Савицкий, в дворянскую родословную книгу вносились не столько роды, сколько конкретные лица. Таким образом, представители одной семьи оказывались рассеяны по родословным книгам разных губерний, а каждый дворянин должен был заново доказывать свое дворянское достоинство, если желал попасть в родословную книгу⁴⁵³.

В конце XVIII в. дворяне Псковской губернии подавали прошения о внесении в 1–4 и 6-ю части родословной книги, при этом последняя часть была наиболее востребована – в нее желали внести свою фамилию 65 % (175 чел.) из числа тех дворян губернии, кто подал соответствующие прошение. Так,

⁴⁵² Быкова Л. А. Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787–1797 гг.: источники, история составления // Генеалогические исследования. М., 1993. С. 189–210.

⁴⁵³ Савицкий И. В. Ведение родословной книги в Олонецкой губернии 1791–1841 гг. С. 7.

например, 10 февраля 1789 г. последовало определение депутатского собрания о внесении Ивана Семеновича и Степана Мироновича Валугевых в 6-ю часть родословной книги губернии⁴⁵⁴. Отсутствие в Псковской губернии желающих занести себя в 5-ю часть объясняется тем, что у дворян, претендующих на запись в эту часть книги, владения находились, как правило, в нескольких губерниях. Для сравнения отметим, что, например, в Олонецкой губернии наибольшей популярностью пользовались 5-я и 6-я части⁴⁵⁵. Дворяне Тверской губернии для записи в 1-ю часть предоставляли дипломы на дворянское достоинство и гербы. Для 2-й и 3-й частей в качестве доказательств отправлялись послужные списки, патенты на чины, рескрипты на ордена и указы об отставке. При записи в 4-ю, 5-ю и 6-ю части подавали разнообразную документацию о службе и земельных владениях предков⁴⁵⁶. Те же тенденции наблюдаются и у псковских дворян, за тем исключением, что среди дворян Псковской губернии выделялась довольно значительная группа в количестве 32 чел. (11 % от числа заявителей), подававших прошение без указания части книги, в которую они хотели бы быть внесены. Они прикладывали к прошению все имеющиеся у них доказательства. За период 1789–1799 гг. было подано 126 прошений. Отметим, что в 1792 г. в Псковской губернии числился 942 помещика. Пик прошений приходится на 1792 г. (26 %) – последний год перед очередными выборами дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии⁴⁵⁷.

подавляющая часть прошений подавалась либо непосредственно соискателями, либо ближайшими родственниками по мужской линии: отец просил за своих детей, дядя за племянника. Подавались прошения и за родных

⁴⁵⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–53.

⁴⁵⁵ Савицкий И. В. Ведение родословной книги в Олонецкой губернии 1791–1841 гг. С. 5–7.

⁴⁵⁶ Быкова Л. А. Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787–1797 гг. С. 189–210.

⁴⁵⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–53.

братьев. Таким образом, ближайшая форма родства давала право подавать прошение на внесение в родословную книгу. Так, в доказательство благородного происхождения титулярного советника Г. П. Мякина наряду с самим просителем подавали прошения его родственники: великолукский помещик Петр Тимофеевич, поручик Андрей Тимофеевич, гвардии прапорщик Петр Матвеевич, гвардии поручик Никита Яковлевич и гвардии прапорщик Иван Мякинины⁴⁵⁸. Л. Т. Нагель подал прошение о внесении его вместе с сыном в 4-ю часть родословной книги губернии. Примечательно, что сделал он это, находясь в весьма почтенном возрасте – 81 год. В пяти случаях прошения за своих сыновей подавались матерями (вдовами). Например, 7 февраля 1799 г. состоялось определение по прошению П. Н. Волковой о внесении в родословную книгу ее сыновей⁴⁵⁹.

Сбор необходимых доказательств для внесения в родословную книгу предоставлялся самим дворянам. Несмотря на то, что существовал определенный набор типичных доказательств, каждый конкретный случай мог нести свою специфику, которая зависела скорее от личности самого дворянина и определялась набором тех документов, которые тот смог собрать. Как отмечает Л. М. Савелов, для записи в родословную книгу необходимо было иметь послужной список отца и свой, метрические свидетельства о рождении и браке. Однако данные источников свидетельствуют скорее о разнообразии, чем о стандартности набора документов, приводимых в качестве доказательств. Так, холмский помещик, действительный статский советник и председатель Санкт-Петербургской палаты гражданского суда, кавалер ордена Св. Владимира III степени И. Я. Яковлев предоставил в 1793 г. в депутатское собрание для внесения в родословную книгу своей фамилии прошение, копию с жалованной грамоты на дворянство и список рода⁴⁶⁰.

⁴⁵⁸ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1242. Л. 19–24.

⁴⁵⁹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 634. Л. 3.

⁴⁶⁰ Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. С. 169.

У торопецкого помещика С. В. Скворцова были прошение и копии жалованной грамоты, указа военной коллегии и патента, родословной, пожалований чинов, а так же герб. Для записи в родословную книгу дворяне предоставляли свидетельства уездного суда, копии с указа об отставке дворянина, родословные росписи, копии с резолюций собрания. Уведомления о внесении в родословную книгу иногда содержат указание на отношение из полка, где служит дворянин, рапорт уездного предводителя дворянства и отношение губернского предводителя в полк⁴⁶¹.

Непременным условием подачи документов было наличие среди доказательств свидетельств нескольких дворян, происхождение которых не ставилось под сомнение. В случае прошения о внесении в родословную книгу себя с детьми дворянин прикладывал и копию указа об отставке с военной службы. Также могли прикладывать и формулярный список, где указывалась дата рождения, происхождение, чин и владения отца. Псковские дворяне при подаче прошений на имя предводителя дворянства предоставляли свидетельства других дворян о своем благородном происхождении⁴⁶². Однако Т. Б. Калабин считает, что такая форма подтверждения дворянства давала простор для самозванства⁴⁶³.

Желающие быть записанными в родословную книгу губернии, или подтвердить дворянское происхождение новым дипломом, сверх представленных доказательств и справок, взятых из разрядного архива, должны были предоставить известия от родственников с подтверждением действительности родства. Так же указывались города, в которых служили и имели владения предки. В том случае, если Герольдия требовала от дворянского депутатского собрания обоснования, почему дворянин был внесен

⁴⁶¹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 891. Л. 1–76.

⁴⁶² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1242. Л. 1–24.

⁴⁶³ Калабин Т. Б. Система подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства в России в XVIII–XIX вв. и родословные книги // Опыты по источниковедению. СПб., 1997. С. 21–28.

в родословную книгу, дворянам приходилось повторно предоставлять доказательства о принадлежности той или иной персоны к дворянскому сословию⁴⁶⁴. Так, при доказательстве своего происхождения дворянин И. И. Агапов предоставил в Псковское дворянское депутатское собрание копию аттестата за 1763 г., свидетельство, уже выданное ему депутатским собранием, указ об отставке 1767 г., и патент на свое имя, датируемый 1764 г.⁴⁶⁵

Зачастую при подаче прошения дворяне ссылались на ст. 84 «Жалованной грамоты». В качестве доказательства на дворянство прикладывалась пожалованная от императрицы грамота (но чаще – ее копия). Иногда в прошении могла содержаться просьба о получении соответствующей грамоты от депутатского собрания в качестве доказательства записи в родословную книгу. Копии прилагаемых документов заверял губернский секретарь⁴⁶⁶. Рассмотрение доказательств проходило в дворянском собрании. При единогласном признании доказательств или согласии 2/3 собравшихся выносился положительный вердикт. Просителя вносили в родословную книгу и выдавали соответствующую грамоту с подписями и заверением печатью собрания. Так же решался вопрос о денежном взносе просителя, который устанавливался в пределах 200 руб. Таким образом, если доказательства признавались подлинными и достаточными, собранием принималось решение о внесении заявителя в требуемую часть родословной книги. Но далеко не всегда все заканчивалось быстро и благополучно. Так, предводитель дворянства мог потребовать от помещика разъяснения о его службе (где, когда и в каких чинах он служил, когда отставлен от службы и т. д.). Отношение к показателям древности рода менялось в лучшую сторону, когда дворянин, их представивший, пользовался определенным влиянием.

⁴⁶⁴ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. С. 221.

⁴⁶⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1258а. Л. 18.

⁴⁶⁶ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 891. Л. 3.

Причиной долговременности рассмотрения дела была транспортировка документов через почту. Из депутатского собрания через Псковское губернское правление помещику приходило извещение о необходимости предоставления доказательств. Дворянин сам мог пересылать доказательства почтой, о чем он указывал в прошении. Однако при пересылке бумаги могли быть утеряны, как, например, это случилось с титулярным советником Г. П. Мякининым⁴⁶⁷. В подобных затруднительных случаях родственники дворянина по мужской линии могли писать прошения в губернское правление с просьбой за помещика. Но и такая усиленная атака родни не обязательно обещала удачный исход. Случалось, что дела оставались без рассмотрения⁴⁶⁸. По мнению Л. М. Савелова, часто отказ в подобных прошениях об утверждении дворянского достоинства, где дворянство видится несомненным, происходил из-за избыточного формализма и равнодушия департаментских чиновников⁴⁶⁹.

Таким образом, рассмотрение дел о внесении в родословную книгу, в которую стремились записать свои фамилии дворяне, позволяет выявить способы приобретения дворянства представителями благородного сословия Псковщины, а именно: пожалование, выслуга чинами по военной и гражданской службе, а так же наличие иностранного дворянства.

Сведения о возрастном и гендерном составе псковского дворянства во второй четверти XVIII в. дают списки дворян, составленные по присланным в провинцию императорским указам. Всего за 1728 г. из столицы поступило четыре указа, в соответствии с которыми в провинциальной канцелярии было составлено четыре именных реестра⁴⁷⁰. Согласно этим спискам, в провинции вместо службы должны были заплатить окладной сбор 176 дворян: 123 помещика, 24 вдовы, 27 недорослей и 2 «девки». Для успешной реализации

⁴⁶⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1242. Л. 7.

⁴⁶⁸ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁴⁶⁹ Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. С. 175.

⁴⁷⁰ В 1710 г. было определено переписать дворян, и негодных к службе обложить денежным окладом (Полное собрание законов Российской империи. Т.4. С. 479).

поставленной задачи указами предписывалось организовать сыск помещиков и уплату окладных денег в канцелярию. В пригороды и засады к воеводе и управителям посылались составленные провинциальной канцелярией именные реестры⁴⁷¹.

Сохранились данные о числе и составе дворян в Порховском уезде. На 1784 г. там проживало 135 дворян – 109 мужчин и 26 женщин. Следует отметить, что 116 мужчин и 21 женщина благородного сословия этих мест отсутствовали в уезде. Такие же показатели сохранялись и в 1789 г.⁴⁷² Значительное превышение доли мужского населения над женским в среде дворянства Псковского края прослеживается и по ревизским описаниям последней четверти XVIII в., которые, в свою очередь, позволяют представить процессы, происходившие в составе помещиков Псковщины на примере Новоржевского и Опочецкого уездов. По возрастному и половому признакам в Новоржевском уезде на 1795 г. помещики мужчины составляли 84 %, что на 4 % меньше по сравнению с 1782 г., жены и вдовы – 14 %, что на 4 % больше данных IV ревизии⁴⁷³. Девицы, как и в 1782 г., составляли 2 % (приложение 2, таблица 1).

В Опочечком уезде градация владельцев по указанным признакам в 1795 г. была следующая: помещики мужчины составляли 65 %, жены и вдовы – 28 %, а девицы, как и недоросли, представлены 4 %, что соответствует показателям 1782 г.⁴⁷⁴ (приложение 2, таблица 2).

Таким образом, на 1795 г. владельцы в Новоржевском уезде могут быть распределены следующим образом: 84 % помещиков были лицами мужского пола и 16 % – женского⁴⁷⁵ (приложение 2, таблица 3). В Опочецком уезде 74 %

⁴⁷¹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–44.

⁴⁷² Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок», 1887 г. № 33. С. 418–421.

⁴⁷³ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–391.

⁴⁷⁴ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598.

⁴⁷⁵ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–391.

владельцев составляли мужчины пола и 26 % – женщины. При этом владельцев-мужчин в процентном соотношении стало больше⁴⁷⁶ (приложение 2, таблица 4). В двух уездах – Опочецком и Новоржевском – в 1795 г. насчитывалось 78 % помещиков-мужчин и 22 % – женщин, что практически соответствует данным 1782 г. (приложение 2, таблица 5).

Сведения о возрастном и чиновном составе дворянства Псковской губернии в конце XVIII в. представлены в списке дворян 1792 г. Из 942 дворян возраст указан для 88 %. Самым пожилым (89 лет) был прапорщик К. С. Арбузов, а самым юным (15 лет) – унтер-офицер В. П. Палибин⁴⁷⁷; оба являлись представители Холмского уезда (приложение 2, таблица 6).

В 4-й графе списка 1792 г. содержатся данные личного характера: информация о службе, должности и местонахождении, состоянии здоровья. О штабс-капитане Н. Е. Аничкове 27-ми лет отмечено, что он содержится в уголовной палате под судом, о майоре С. И. Мартвянове 45-ти лет – то, что он находится «в помешательстве ума». Для части дворян имеются пометки: «в службе», «вне уезда», «в отлучке», а иногда – и конкретные указания на их местонахождение (например, «в Санкт-Петербурге»).

На основе списка 1792 г. представляется возможным изучить чиновный состав псковских дворян в конце XVIII в., а так же уточнить сведения списка 1777 г. Из статских чинов на 1792 г. зафиксированы: канцлер (Псковский уезд), 5 действительных тайных советников (2 в Псковском уезде и по одному в Островском, Новоржевском и Великолукском уездах), 4 действительных статских советника (два в Великолукском и по одному в Новоржевском и Холмском уездах). Среди статских чинов самой многочисленной является группа надворных советников: их в губернии насчитывалось 62 человека (приложение 2, таблица 7).

⁴⁷⁶ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598.

⁴⁷⁷ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–26.

Воинские чины в 1792 г. представлены генералом от инфантерии (Порховский уезд), пятью генерал-лейтенантами (два в Островском и три – в Псковском уездах), 22 генерал-майорами (11 в Островском, четыре в Опочецком, три в Торопецком, два в Псковском и по одному в Холмском и Порховском уездах). Самой многочисленной группой были прапорщики. Их в губернии насчитывалось 115 (представители этого чина есть в каждом уезде, за исключением Порховского)⁴⁷⁸ (приложение 2, таблица 8).

Так, генерал от инфантерии А. А. Беклешов после окончания сухопутного шляхетского кадетского корпуса был оставлен «для воспитания юношества». Затем он продолжил службу на флоте, участвовал в Чесменском сражении, далее сенатор, входил в свиту Павла I⁴⁷⁹. Средний возраст для воинских чинов: генерал от инфантерии – 70 лет; генерал-лейтенант – 47 лет; генерал-майор – 58 лет. Для 80 % указанных чинов средний возраст составляет около 50 лет (приложение 2, таблица 9). Для статских чинов: канцлер – 70 лет; действительный тайный советник – 61 год; действительный статский советник – 48 лет. Средний возраст для статских чинов, как и для воинских, составляет около 50 лет⁴⁸⁰ (приложение 2, таблица 10). Можно констатировать, что представители высших воинских и статских чинов в губернии были малочисленны и имели преклонный возраст. А многочисленность и молодой возрастной состав низших чинов объясняется тем, что они только начинали продвигаться по служебной лестнице. Наиболее распространенным офицерским чином был самый низкий из них – чин прапорщика. Значительное число дворян с гражданскими чинами были коллежскими асессорами и надворными советниками. Именно коллежский асессор (VIII класс по «Табели о рангах») был первым статским чином, дававшим право на потомственное дворянство, а надворный советник – следующим за ним по старшинству.

⁴⁷⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–26.

⁴⁷⁹ Псковский биографический словарь. С. 40.

⁴⁸⁰ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–26.

Отметим, что, несмотря на отмену обязательной службы, многие представители псковского дворянства продолжали служить.

Родовой состав псковского дворянства в XVIII в. отличался устойчивостью и, несмотря на появление новых и исчезновение некоторых дворянских фамилий, представлен в основном старинными дворянскими родами с более чем столетней историей. Так, например, знаменитый дворянский род Симанских, представители которого, как отмечено в Общем гербовнике родов Всероссийской империи, «многие Российскому Престолу служили разные дворянские службы и жалованы были...»⁴⁸¹, прослеживается для территории Псковской губернии на всем протяжении XVIII в. То же можно сказать и об Алексеевых, Бороздиных, Валуевых, Голенищевых-Кутузовых, Дубровских, Елагиных, Назимовых и многих других, которых насчитывается более 70 (приложение 2, таблица 11). Значимость этих родов велика не только для губернии, поскольку именно представители таких династий давали пополнение в местные органы управления, самоуправления и суда, но и для всей России, так как среди представителей этих фамилий были и достаточно весомые фигуры своего столетия.

4.2. Социальный облик псковского дворянства

Социальный облик – это комплекс характеристик дворянства как одного из социальных слоев общества, отражающий свойственные данному сословию черты жизни и деятельности в структуре провинциального общества. Одним из основных направлений деятельности дворян была военная служба.

Из переписных книг 1710–1711 гг. известно, что в это время И. Коновницын (27 лет) служил в чине поручика, а помещик Р. Чиркин (30 лет) – в драгунском полку «в офицерах». К. Г. Кауров 30 лет был на службе

⁴⁸¹ Общий гербовник родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 3. СПб., 1992. С. 91–92.

великого государя в Олонецком полку «в драгунех»⁴⁸². В этом же полку «в поручиках» служил П. И. Дубровский⁴⁸³. Свою историю Олонецкий драгунский полк вел с 1707 г., и как отмечает А. В. Дмитриев, наряду с Луцким полком принимал активное участие в сражениях Северной войны (1700–1721 гг.). Олонецкий полк был переформирован из рейтарского, набранного в 1700 г. в Смоленске, а Луцкий драгунский полк образован в 1706 г.⁴⁸⁴ В Луцком полку под командованием князя Т. Н. Путятина служили такие представители псковского дворянства, как У. Я. Бороздин⁴⁸⁵, князь И. А. Шаховской. Последний в 1710 г. по указу великого государя был отпущен домой, в с. Самсониha, «на время»⁴⁸⁶. Князь Л. Шаховской начал сотенную службу в адъютантах у боярина и воеводы Б. П. Шереметева, затем у князя М. Г. Ромодановского, а в 1700 г. под Нарвой был в полку у боярина и воеводы князя И. Ю. Трубецкого. Далее он продолжил службу в полку у генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, П. М. Апраксина, и в 1701 г. снова оказался в полку Б. П. Шереметева, а в 1704 г. служил в «выборной роте» под началом полковника князя Т. Путятина⁴⁸⁷.

И. И. Нагин с 1700 г. служил в полку боярина и воеводы князя И. Ю. Трубецкого, затем у генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, далее он пребывал в полку князя Ю. Ф. Щербатого при Печерском монастыре, и снова на службе при Б. П. Шереметеве, затем – у И. Назимова, Я. Н. Римского-Корсакова и князя Т. Н. Путятина. В 1708 г. «за раны» был отпущен домой до выздоровления⁴⁸⁸. Можно отметить, что под командованием князя

⁴⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8506. Л. 1–806.

⁴⁸³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 268.

⁴⁸⁴ Дмитриев А. В. Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века. (1740-е годы) // Исторический ежегодник. 2009. С. 216–229.

⁴⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8180. Л. 340.

⁴⁸⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8506. Л. 1–806.

⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8508 Л. 571.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 716.

Т. Н. Путятин в начале XVIII в. побывали многие представители дворянских родов Псковщины.

В Киевском полку, который являлся одним из первых регулярных полковых формирований, созданных по указу Петра I накануне Северной войны в 1700 г., чьи участники сражались под Нарвой и Полтавой⁴⁸⁹, служил М. И. Лодыгин⁴⁹⁰.

В. В. Козодавлев в 1704 г. под Юрьевым был взят «у швецких людех в полон». И. И. Дубровский был в плену в течение 5 лет, затем продолжил службу и в 1710 г. «за старость и за увечье от службы отставлен»⁴⁹¹.

Убитых или умерших во время походов родственники стремились похоронить на фамильных кладбищах. 8 ноября 1719 г. Синод удовлетворил прошение Л. Яковлевой, жены подполковника кронштадтского драгунского полка С. М. Голенищева-Кутузова, о перевозе тела ее мужа, умершего во время марша из Киева в Петербург и похороненного, по случаю лета, в местечке Сребном в Малороссии, «в отечество», в Торопецкий уезд, чтобы похоронить на родовом кладбище⁴⁹².

Поскольку неременным условием сохранения поместного владения была служба, дворяне старались «передать» обязанность своей службы, а вместе с тем и возможность сохранить поместье, сыну. Так, И. Л. Афросимов за время службы побывал в двух Крымских походах в составе полка боярина А. С. Шеина, а в 1709 г. отставлен и «ныне у дела великого государя у переписи дворового числа», службу продолжил его сын Василий 18 лет⁴⁹³.

К. П. Бибилов для переписной книги представил следующие данные: «Служить мне в полку не велено, а облажен я денежным плотжом, плочу на год по 30 рублей, жена у меня Аксиныя Тихонова дочь 40 лет, детей у меня

⁴⁸⁹ Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. М., 2012. С. 5–13.

⁴⁹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 197.

⁴⁹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8180. Л. 161–511.

⁴⁹² Летопись земли Псковской: годы и события. С. 217–224.

⁴⁹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 64–331.

2 сына Аврам 22 лет, а служит драгунскую службу в новоприборном полку в Великом Новгороде, другой сын Герасим 18 лет, холостые»⁴⁹⁴. Василий (45 лет) и Емила (27 лет) Ивановичи Голенищевы-Кутузовы в 1710 г. служили офицерами в пехотном полку в Нарве. Другой их брат Артемий (23 года) «поехал в Великий Новгород для сыску беглых крестьян». В Великий Новгород для «сыску беглых своих людей и крестьян» отправился так же и И. П. Голенищев-Кутузов (54 года), а вместо него «велено служить с поместья ево и вотчины сыну ево Алексею Голенищеву-Кутузову». Ф. П. Непейцын в 1704 г. во Пскове «по розбору генерал фельтмаршала и ковалера Бориса Петровича Шереметева за старостью от полковые службы отставлен», продолжил службу в полку князя Т. Путятина его сын Михаил в возрасте 15 лет⁴⁹⁵.

Большая часть дворян после окончания службы возвращалась в свои владения. Так, Л. И. Дубровский в 1704 г. «от полковой службы отставлен и определен на оброки платит деньги по окладу на год»⁴⁹⁶. Ф. Г. Карамышев начал служить сотенную службу в полку боярина князя И. А. Хованского, а в 1702 г. по рассмотрению Б. П. Шереметева от полковой службы отставлен «за службы и за старость и за болезнь и определен на деньги платит на каждой год по 90 рублей». В 1705 г. помещик вместе с женою переехал в д. Зелихово Луцкого (Великолукского) уезда⁴⁹⁷.

В XVIII в. беспокойно было дворянам не только на службе, но и в своих поместьях, где так же приходилось встречаться с опасностью, получать ранения и даже преждевременно уходить из жизни. Так, помещика К. Ф. Беклемишева в 1709 г. «воры и разбойники били и мукою всякою мучили и огнем жгли и замучили до смерти»⁴⁹⁸. Д. Ф. Зубатой так же не избежал встречи с лихими

⁴⁹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8399. Л. 76.

⁴⁹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8180. Л. 116–196.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 260–368.

⁴⁹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 64 – 331.

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8180. Л. 347.

людьми. В 1709 г. «воры и разбойники дом ево розарили и разграбили и все животы и ...побрали и после того розарения он погнался за теми ворами и разбойниками в погоню и как тех воров в дороге догнал и те воры из мушкета его правою ногу обранили»⁴⁹⁹. В 1745 г. И. К. Горяиновым была подана челобитная в Псковскую провинциальную канцелярию, где описывался факт разбойного нападения на его угодья М. А. Окунева. Помещик Окунев со своими крепостными «крестьянских жен и детей их мучили били неведома за что и пожитки их крестьянские как хлеб так и скот и деньги и прочее все без остатку грабили». После погрома крестьян дер. Марьина, часть крепостных была угнана во владения Окунева, где их «держал на работы более месяца». Ссылаясь на 10-ю главу Соборного уложения, И. К. Горяинов потребовал наказать обидчиков: бить кнутом, взыскать с них вдвое против разоренного и отдать на поруки⁵⁰⁰.

12 октября 1770 г. в письме к губернатору Сиверсу Екатерина II поручила принять меры по жалобе жены отставного коллежского секретаря Ф. Рдицкого Анны на юнкера В. Бороздина, который в «небытность мужа» неоднократно приезжал в с. Сахарово Пусторжевского уезда и «многие ей сделал обиды и разорения», о чем от нее и ее мужа в Заволодскую воеводскую канцелярию и Псковскую провинциальную канцелярию были поданы явочные челобитные⁵⁰¹.

Дворяне занимались должности в органах управления, суда и прочих структурах на местном уровне. Г. И. Монастырев, проживавший в с. Богдановское Пусторжевского уезда, во время «швецкой войны был во всех зимних и летних походах у разных камендиров служил в отъютантах». Был определен «к делам к оберкоменданту Пскова и Нарвы ближнему кравчему Кирилу Алесеевичу Нарышкину во Псковской гранизун». В 1710–1711 гг.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 142.

⁵⁰⁰ Постников А. Б. Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI–XVIII веков. С. 712.

⁵⁰¹ Летопись земли Псковской: годы и события. С. 232.

М. И. Сумороков в Пусторжевском уезде был «по указу погранишных дел судьбою» и платил оброк. М. А. Дубровский «послан в 3 пригорода в Остров в Вышегород в Красное и тех пригородов в уезды для переписи дворового числа»⁵⁰².

Дворяне продолжали служить и после того, как служба приобрела добровольный характер. Сопоставление списка 1792 г. и сведений Адрес-календарей 1764–1794 гг. позволило выделить около 200 имен с указанием годов их службы (приложение 3, таблица 1). Так, из псковских дворян в Адрес-календаре за 1796 г. упомянут Г. Г. Кушелев, из чего можно сделать вывод, что служил он в 1795 г. Граф, адмирал, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, в 1774 г. он был произведен в лейтенанты. В 1786 г. он перевел и издал «Военный мореплаватель, или собрание разных на войне употребляемых судов с показанием, каким образом военные флоты должны быть устроенными для сражения», затем и свои труды: «Рассуждение о морских сигналах» и «Устав военно-морской службы». При вступлении Павла I на престол был назначен императором своим адъютантом, произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Александра Невского. В 1798 г. произведен в вице-адмиралы, а затем и адмиралы. В 1799 г. возведен в графское достоинство. Другой представитель дворян Кушелевых, Егор Андреевич, служил в 1789–1795 гг. Генерал-лейтенант, сенатор, он был комендантом г. Москвы. М. М. Философов в Адрес-календарях упоминается в 1764–1770 гг. Он начал военную службу в чине унтер-офицера, участвовал в Семилетней войне. П. И. Шаховской упомянут в 1785, 1788–1790 и 1794–1795 гг. Князь, тайный советник, он был зачислен на службу в Рижский карабинерный полк унтер-офицером. В 1777 г. произведен в вахмистры, семь лет служил аудитором, год штык-юнкером артиллерии. В 1786 г. произведен в подпоручики и с этим чином определен в Сухопутный кадетский корпус. В 1791 г. получил чин

⁵⁰² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8180. Л. 219–575.

поручика. В 1795 г. назначен в Оренбургский драгунский полк секунд-майором, в 1796 г. – камер-юнкером ко двору Екатерины II⁵⁰³.

Таким образом, основная часть сознательной жизни и деятельности представителей псковского дворянства проходила на службе, и только после отставки появлялась возможность заниматься своим имением, а так же участвовать как в деятельности дворянских сословных органов, так и местных органов власти и суда, а возможно, и посвятить себя науке. Так, М. М. Философов занимал должность военного губернатора с декабря 1797 по март 1798 гг. Боевой генерал, он знал не только военное искусство, но и математику, владел несколькими языками и неоднократно выполнял дипломатические поручения⁵⁰⁴. Ему принадлежит перевод с французского языка «Инструкции или военного наставления Фридриха короля Прусского его генералитету» и прочие сочинения в стихах и прозе. Вступление его в должность совпало с волнениями крестьян в одном из уездов. М. М. Философов отказался от «присылки» военного отряда из Петербурга. Без помощи из столицы за десять дней прекратил волнения и наказал зачинщиков. Выйдя в отставку, он поселился в своей новоржевской вотчине и занялся хозяйством⁵⁰⁵.

Управление губернией сосредотачивалось в наместническом губернском правлении, где главной фигурой был гражданский губернатор. Эту должность в 1798–1800 гг. занимал Н. А. Беклешов, тайный советник, сенатор. В 1756 г. он был определен кадетом в Сухопутный шляхетский корпус, в 1764 г. назначен при этом корпусе адъютантом, а в 1768 г. перешел в армию с чином капитана. Участвовал в русско-турецкой войне, уволен со службы с чином секунд-майора в 1770 г. и при открытии Псковского наместничества был избран заседателем в верхнем земском суде. В 1780 г. – прокурор с чином коллежского асессора, в

⁵⁰³ Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). С. 2–829; Псковский биографический словарь. С. 266–498.

⁵⁰⁴ Симакина Г. А. Философовы // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 218–227.

⁵⁰⁵ Псковские губернаторы. История власти в лицах. Псков, 2005. С. 31.

1783 г. – советник в наместническом правлении, затем председатель псковского верхнего земского суда, в 1794 г. – председатель палаты гражданского суда, а в 1795 г. назначен вице-губернатором⁵⁰⁶.

Деятельность дворян в органах сословного самоуправления так же была значима. Во главе дворянского собрания, как уездного, так и губернского, стоял предводитель. Собрания обсуждали все сословные дела и вопросы, предложенные властями. Губернское собрание имело возможность делать представления губернатору и министру внутренних дел. Запрещалось только обсуждать вопросы государственного устройства. Важной функцией губернского дворянского собрания были выборы сословных дворянских органов. Первые выборы предводителей, судей и заседателей по уездам состоялись в декабре 1777 г.⁵⁰⁷ Благодаря опубликованному списку, сохранились сведения об участвовавших в выборах и избранных дворянах (приложение 3, таблицы 2–6). Выборы в органы самоуправления и суда должны были происходить каждые три года по баллам. 10 заседателей и двое председателей верхнего земского суда так же выбирались дворянами тех уездов, которые составляли «подсудимое» ведомство. Губернатор подтверждал дворянский выбор в случае отсутствия за избранными «явного порока». Таким же образом избирались уездный (или окружной) судья, земский исправник (или капитан), заседатели уездного суда и дворянские заседатели нижнего земского и совестного судов. В случае смерти или выбывания по другим причинам выбранных лиц их замещение происходило до окончания трехлетнего срока с утверждения наместнического правления⁵⁰⁸. Дворянин, не имеющий возможности прибыть в собрание, должен был, если он не состоит в службе, уведомить об этом своего уездного предводителя письменно с объяснением

⁵⁰⁶ Псковский биографический словарь. С. 40–41.

⁵⁰⁷ Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллатировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. С. 1–36.

⁵⁰⁸ Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 384–391.

причин. В случае непринятия объяснений от дворянина, по решению 2/3 голосов собрания виновному выносилось в первый раз – замечание, во второй – денежное взыскание не выше 75 руб., а в третий его могли временно исключить из собрания⁵⁰⁹.

Законодательством были установлены только основные моменты процедуры. Поэтому на откуп местным властям отдавалась их подготовка и организация выборов. Выборы в Псковской губернии в конце XVIII в. проходили в соответствии с порядком, установленным псковским генерал-губернатором князем Н. В. Репниным⁵¹⁰ (назначен в июле 1781 г.). При открытии заседания раз и навсегда устанавливался порядок размещения дворян в собрании согласно должностям. Только по итогам баллотирования дворянин меньшего чина, но с большим количеством шаров имел преимущества. После приведения собравшихся дворян губернским предводителем к присяге зачитывались соответствующие случаю статьи из «Учреждений». В первую очередь избирали губернского предводителя, затем судей, начиная с нижних, а затем заседателей совестного и верхнего земского судов. При выборах нового губернского предводителя должен был председательствовать прежний. В случае избрания одного дворянина сразу в двух уездах он мог выбрать, какую должность занять. Избранных судей к присяге приводил губернский предводитель в присутствии наместника. После выбора депутатов дворянское общество посылало губернского и уездных предводителей с несколькими почетными членами к наместнику для получения письменного приказания о роспуске собрания, которое затем зачитывалось всем собравшимся дворянам. Согласно «Докладным пунктам», наместник не должен был присутствовать в собрании при выборе, оставляя дворянам «полную волю»⁵¹¹.

⁵⁰⁹ Порай-Кошиц И. А. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. С. 21.

⁵¹⁰ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 169–184.

⁵¹¹ Порай-Кошиц И. А. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. С. 23–25.

Подготовка к выборам начиналась заранее. По распоряжению губернатора губернский предводитель оповещал дворян о новых выборах. Для этого в газетах «Ведомости» Петербурга и Москвы публиковались объявления о сроках выборов, предназначенные для дворян, находившихся за пределами наместничества. Явку находящихся в наместничестве дворян обеспечивали их уездные предводители. Накануне выборов в г. Псков съезжались уездные предводители дворянства. Они должны были иметь при себе списки всех проживающих в уезде дворян, с указанием их возраста, службы, чинов и звания, а так же количества д.м.п. по последней ревизии. По прибытии уездные предводители должны были явиться к губернскому предводителю, подать ему записки обо всех съехавшихся дворянах и получить инструкции для проведения выборов. В соответствии с установленным «обрядом выборов» правила проведения, как и предложения о завершении выборов, должны были быть зачитаны общему дворянскому собранию.

Функционирование органов дворянского самоуправления можно проследить на примере выборов в органы самоуправления и суда в Псковской губернии, которые прошли 17–24 декабря 1789 г. В ходе них были избраны: губернский и уездные предводители дворянства, заседатели совестного суда (в губернский г. Псков), заседатели верхнего земского суда, «уездного судьи заседателей», земский исправник, заседатели нижнего земского суда⁵¹². 23 июля губернатор Х. Л. Зуев⁵¹³ в письме к губернскому предводителю дворянства М. Д. Чихачеву распорядился оповестить дворян о новых выборах. Уездные предводители дворянства должны были приехать в Псков к 5 декабря. Остальное дворянство должно было явиться к 7 декабря 1789 г. Однако выборы по причине распутицы были отложены до 17 числа⁵¹⁴.

⁵¹² ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 157–184.

⁵¹³ Харитон Лукич Зуев – действительный статский советник. С 1782 по 1786 гг. – псковский вице-губернатор, с сентября 1788 г. по февраль 1797 г. – губернатор (см.: Псковский биографический словарь. С. 189).

⁵¹⁴ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 169.

Дворяне во главе с губернским предводителем по обычаю отправлялись в Троицкий собор для «молитв Всевышнему о Его святом благословении на начинающееся дело». Там же губернский предводитель должен был привести всех к присяге. В первый день выборов с утра приезжающих к корпусу присутственных мест предводителей встречали: на крыльце двое присяжных, в сенях двое почестных, в прихожей двое почестных и штатной роты офицер, а в зале – «определенные чины», которые, доложив генерал-губернатору о прибытии губернского и уездных предводителей дворян, вводили последних в приемную комнату, где так же находился губернский прокурор. При этом для генерал-губернатора было особое кресло, а для губернского прокурора – стул. Напротив места правителя ставили кресло для губернского предводителя, а рядом, но чуть позади – стулья для уездных предводителей.

В зале для общего собрания дворянского общества «в первом месте» находилось кресло для губернского предводителя, а по левую сторону – стол, покрытый бархатом, рядом с которым – стул для дворянского секретаря. Напротив губернского предводителя располагались стулья «полуциркулем» для уездных предводителей, позади них два ряда стульев для «первейших чинами господ дворян», а для прочих лавки покрытые сукном.

В этот день после обеда происходил выбор уездных предводителей. Для этого в специально отведенном для уездных собраний зале находились столы, покрытые алым сукном. На столах должны были находиться по одному экземпляру «Учреждений для управления губерниями», дворянские списки для фиксации баллов по уездам с указанием присутствующих и отсутствующих дворян, тарелки с шарами и ящики для баллотирования. В «большем месте» размещалось кресло губернского предводителя и напротив него один ряд стульев для бывших судей и для «генералитетского и штабского чина», а за ними ряды «скамей для прочих дворян», покрытые зеленым сукном. На выборах 1789 г. были избраны предводителями уездов: Псковского – А. Б. Окунев, Островского – Д. И. Рокотов, Опочецкого – А. Н. Вындомский,

Новоржевского – М. И. Лихарев, Великолукского – Я. С. Тыртов, Торопецкого – А. Я. Юренев, Холмского – Н. Ф. Пуцин, Порховского – П. В. Мягков.

Данные о выборах 1789 г. позволили дополнить список уездных предводителей, составленный Н. И. Акуловым, относительно Порховского уезда, а так же уточнить начало деятельности предводителей Псковского уезда – А. Б. Окунева, Островского – Д. И. Рокотова, Опочецкого – А. Н. Вындомского, Новоржевского – М. И. Лихарева, Великолукского – Я. С. Тыртова, Торопецкого – А. Я. Юренева, Холмского – И. М. Беклешева⁵¹⁵ (приложение 3, таблица 7).

Утром второго дня избранные уездные предводители должны были быть представлены губернским предводителем генерал-губернатору. Их принимали двое присяжных и двое «почестных при одном офицере». После утверждения генерал-губернатором вновь избранных уездных предводителей они возвращались в общее собрание и приступали к выбору губернского предводителя и секретаря дворянства. Вновь выбранный губернский предводитель представлялся для утверждения генерал-губернатору. По итогам выборов 1789 г. губернским предводителем дворянства был избран М. Д. Чихачев. После утверждения он (вместе с генерал-губернатором) возвращался в собрание, где выбирали секретаря дворянства. Выбранный секретарь представлялся губернским предводителем генерал-губернатору «ко учреждению»⁵¹⁶.

На второй день выборов после обеда уездные предводители вместе с прочими дворянами собирались в общем зале собрания для выбора уездных заседателей и судей, а так же депутатов и кандидатов в верхний земский суд. В зале по обе стороны были поставлены по три стула для вновь избранных судей. По правую сторону от предводителя – два стула для выбранных в верхний

⁵¹⁵ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 157–210.

⁵¹⁶ М. Д. Чихачев был избран губернским предводителем в 1784 г. и переизбирался до 1796 г. включительно (ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 176–210).

земский суд кандидатов, а по левую – один для депутата. Выборы происходили в том же порядке, как и предводителей, с той лишь разницей, что перед каждым предводителем должен был быть список дворян с графами для вписывания баллов в каждый чин. Избранных уездных судей уездные предводители представляли губернскому, затем все вместе направлялись к генерал-губернатору. Порядок приема был аналогичен. На третий день выборов с утра все дворянство собиралось в общем зале собрания, где избирало «из кандидатов в заседатели в совестный суд». На четвертый день с утра губернский предводитель представлял генерал-губернатору выбранных в верхний земский суд и в совестный суд заседателей для их утверждения. Прием проводился в таком же порядке, как и в первый день. После утверждения все избранные собирались в большом зале, а затем под предводительством губернского предводителя шествовали в Троицкий собор для принесения присяги. Из собора они отправлялись в архиерейские покои для подписания присяжного листа. А после обеда, в 4 часа «пополудни», собравшись в общем зале собрания, выбирали депутатов. В качестве депутатов для составления дворянской родословной книги были избраны: от Псковского уезда – коллежский асессор М. А. Пальчиков, от Островского – прапорщик М. В. Неклюдов, от Опочецкого – секунд-майор А. И. Хвостов, от Новоржевского – подполковник П. С. Бороздин, от Великолукского – подполковник С. И. Пушин, от Торопецкого – секунд-майор Н. Е. Чириков, от Холмского – титулярный советник Н. С. Тыртов, от Порховского – секунд-майор Г. С. Ладыженский.

По завершению выборов 24 декабря 1789 г. дворянам было разрешено разъехаться по домам. Закон разрешал избранным уездным судьям заехать домой, если это было «по дороге к местам их должности». Губернский предводитель должен был ввести новых членов в совестный и верхний земские суды, а уездные предводители исполнить тоже в своих уездах в дворянских

судах, а в случае невозможности исполнения, эта процедура перекладывалась на городничих⁵¹⁷.

Изучение списка губернских предводителей второй половины XVIII в. показывает, что дворянский предводитель одного уезда в последующие годы мог занимать должность предводителя уже другого уезда (Д. И. Рокотов), а также существовала возможность совмещения должностей уездного и губернского предводителя (Л. Л. Мягков).

В начале царствования Александра I в уездах Псковской губернии проходили внеочередные выборы в уездный и нижний земский суды. На имя уездных предводителей из Псковского губернского правления (от 15 марта – для порховского; 19 апреля – для опочецкого; 22 апреля – для великолукского и торопецкого; 24 апреля 1801 г. – для островского) поступили соответствующие указы. Выборы имели чрезвычайный характер и проводились по специальному указу Сената. Срок полномочий выбранных лиц устанавливался до 1 января 1802 г. В Острове выборы проходили 1 и 2 июня, в Великих Луках – с 3 по 6 июня, а для Торопца был установлен только срок окончания – 5 июня 1801 г. Из-за поспешности выборов не все дворяне смогли принять в них участие. Всего на выборы от островской округи прибыло 28 человек⁵¹⁸, в то время как согласно списку дворян 1792 г. в Островском уезде был записан 51 дворянин⁵¹⁹.

Процедура выборов повторяла ключевые моменты установленного на этот случай порядка. Дворянство округи по повесткам своего предводителя собиралось в уездном центре, в доме, назначенном для баллотирования. Затем собравшиеся отправлялись в храм для принесения молитв (за здоровье государя и его семьи) и литургии. Нововведением стало начало второго дня выборов с хвалебной речи о дарованных по «Жалованной грамоте» милостях дворянству. В Острове ее произносил протоиерей Троицкого собора Андрей Львов, в

⁵¹⁷ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 176–212.

⁵¹⁸ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 483–490.

⁵¹⁹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–26.

Великих Луках – учитель местной гимназии. После молебна и присяги, в соответствии с установленным порядком, дворянство приступало к избранию своих представителей в уездный и нижний земский суды. Нововведением на данном этапе была отправка по почте письменного текста присяги с подписями дворян губернатору.

На второй день после обеда, перед началом баллотирования шарами, зачитывались соответствующие статьи «Жалованной грамоты» и «Учреждений». Известно, что в Великих Луках сами выборы продолжались в течение трех дней «со всевозможным наблюдением нравственных добродетелей и благопристойности». В Острове дворянство избрало своих представителей в уездный и нижний земский суды за один день. Помимо избрания заседателей в уездный и нижний земский суды, дворянское общество определяло двух кандидатов на случай замещения этих должностей. Однако это не всегда удавалось сделать. Так, в Островском уезде на должность второго и третьего заседателей нижнего земского суда кандидаты не были назначены «за неимением» таковых⁵²⁰.

По окончании выборов дворяне с разрешения уездного предводителя возвращались домой. Уездные предводители представляли губернатору ведомости о вновь избранных дворянах, списки присутствовавших и отсутствовавших, с указанием причин, а так же список дворян, участвовавших в выборах с указанием баллов для утверждения. В качестве причин неявки дворян на выборы уездные предводители чаще всего указывали на болезнь, службу и отсутствие в уезде. Меньше дворян не принимали участия из-за возраста: «за старостью» или, наоборот, «по несовершеннолетству». При этом возраст, с которого дворяне пишут о неспособности участвовать в выборах «за старостью» начинается с 50 лет, как это указал прапорщик А. Т. Подчерков – представитель Торопецкого уезда. Так же дворяне могли быть «освобождены» и «уволены от выборов». По окончании выборов журнал собрания вместе с

⁵²⁰ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 491–497.

подлинными списками выборов отправляли в дворянский архив с подписью дворянского секретаря. Дубликат отправляли в наместническое правление. Еще один дубликат – в верхний земский суд «для исполнения в случае нужды по законному порядку»⁵²¹.

Как и в процедуре выборов конца XVIII в., уездные предводители должны были представить губернскому предводителю списки прибывших дворян и получить от него обряд проведения выборов. Усиливающуюся роль гражданского губернатора в процессе выборов подчеркивает обращение к собравшимся дворянам, которое Я. И. Ламбздорф отправил губернскому предводителю М. Е. Рокотову для прочтения перед началом выборов 29 декабря 1801 г. В обращении губернатор разъяснял всю ответственность и важность избрания на должности людей наиболее для этого достойных. Губернатор письменно согласовывал с духовной консисторией возможность «отправить» молебен за здоровье четы государя. Для этого все дворянское общество собиралось в храме к 9 часам утра. К началу XIX в. из процедуры были исключены сборы дворянского общества заранее в доме губернского предводителя, откуда все шествовали в собор. На следующий день в 9 часов утра происходили выборы в уездные и нижние земские суды, в палату уголовного и гражданского судов заседателей, судей в совестный суд, а так же депутатов для составления дворянской родословной книги. При этом допускалась возможность баллотировать не только присутствующих, но и отсутствующих дворян. По большинству баллов определялись избранные на должности, а следующие по количеству баллов становились кандидатами «на случай их мест заступления». В этот же день после обеда («в 4 часа пополудни») все дворянство выбирало кандидатов в заседатели в палату гражданского и уголовного судов, судей и заседателей в совестный суд. Если кандидатами и заседателями были избраны те же дворяне, что и в уездные присутственные места, в этом случае дворяне тех уездов должны были заново

⁵²¹ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 483–536.

проголосовать, но уже в своих округах по тому же порядку. Результаты выборов представлялись губернатору⁵²².

Примечательно, что по ходу выборов гражданский губернатор Я. И. Ламбздорф предложил внести коррективы, касающиеся процедуры избрания совестного судьи. Так, губернатор посчитал нужным назначить для этого трех кандидатов, в случае отклонения этого предложения дворянами у него был и другой вариант: от каждого уезда, помимо трех кандидатов, еще по одному.

На третий день выборов в 9 часов утра все избранные дворяне собирались в собор для присяги, по окончании которой приглашались к обеденному столу. В должности всех избранных дворян вводили предводители, кроме выбранных в палаты заседателей и судей и заседателей в совестный суд, которые ожидали повеления от гражданского губернатора.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX вв. произошла трансформация порядка избрания дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии. Доминирующая позиция властей в отношении дворянского самоуправления выражалась не только в изменении процедуры выборов в сторону упрощения (отсутствие пышного церемониала), но и введения в среду выбирающих дворян «двух определенных от короны служащих чиновников». Все это свидетельствует о снижении независимости дворянского общества губернии от правительственных структур. Следует отметить, что псковские дворяне достаточно сознательно относились к выборам, в отличие, например от московских, явка которых в начале 1790-х гг., по данным А. И. Куприянова, достигла угрожающе низкого уровня⁵²³.

⁵²² ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 553–556.

⁵²³ Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 227–265.

Непременным фактором, характеризующим социальный облик псковского дворянства, являлось качество исполнения дворянами своих служебных обязанностей. Вторая половина 1780-х гг. была отмечена всплеском должностных злоупотреблений дворян, которые охватили ряд губерний. Екатерина II считала эти факты «болезнью роста» новых учреждений, которая со временем должна пройти. Однако ситуация все более усугублялась, что так же подтверждают данные о преступлениях по Псковской губернии. От того, как исполняли свои обязанности избранные представители дворянства, зависел не только порядок в доверенной им округе, но и функционирование административных структур на местах. Поэтому отношение дворян к выполнению своих служебных обязанностей показывает как восприятие ими существующей системы организации управления в губернии, так и уровень ответственности перед властями и обществом.

Не редки были отклонения избранных на должности кандидатур из-за сомнительных моментов в служебной практике. В связи с этим гражданский губернатор Х. Л. Зуев перед очередными выборами в 1793 г. потребовал от палаты уголовного суда сведения о тех дворянах, которые были осуждены по должностным преступлениям или находились под следствием. Со времени открытия Псковского наместничества до 1793 г. под следствием по должностным преступлениям в разное время находилось 26 человек⁵²⁴. В Псковской губернии, как и в целом по России, зарегистрированы не только нарушения отдельными лицами, но и несколькими служащими. В январе 1789 г. заседатель Г. Арбузов и земский исправник М. Измаилов вновь обвинялись во взятках, при этом последний так же был уличен в удержании взысканных с владельцев рекрутов окладных и штрафных денег. Оба умерли в ходе следствия. В октябре 1789 г. заседатель и секретарь Псковского уездного суда обвинялись в «преступлении должности» (они изменили показания свидетелей, полученные на допросе). В сентябре 1791 г. судья Торопецкого

⁵²⁴ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 217–222.

уездного суда Голостенков, заседатель Борисов и секретарь Кравцов обвинялись в том, что «сочинили и подписали без согласия» заседателя Долгова показания свидетелей. К тому же им вменялось в вину «непорядочное» хранение денег, т. е. растрата. В мае 1792 г. в краже казенной соли были уличены соляные приставы Великолукской округи прапорщики Лучанинов и Шенвальд⁵²⁵. Многочисленные хищения казенных денег заставили правительство в 1791 г. издать указ, который предписывал не только более внимательно относиться к должности казначея, но и следить за тем, чтобы в казначействе не накапливались значительные суммы⁵²⁶. Достаточно либеральный подход самой императрицы к должностным преступлениям дворян объясняет мягкость наказаний, что, в свою очередь, способствовало усугублению этой тенденции. Так, в 1786 г. казначей таможни Холмского уезда М. Лавров был прощен за растрату казенных денег по «всемилодивейшему манифесту» 1787 г. По этому же манифесту с заседателя нижнего земского суда И. Азарьева того же уезда был взят штраф за непринятие к рассмотрению жалобы холмского помещика И. Мельницкого, а так же за другие «непристойные поступки» совершенные им во время исполнения должности⁵²⁷.

Наиболее суровым наказанием за подобные преступления были отрешение и запрет занимать должность. В 1785 г. был отрешен от должности заседатель нижнего земского суда И. Воробьевский за «непорядочные и несогласные закону поступки». Этот же дворянин обвинялся во взятках, что, однако, не было доказано. В 1786 г. по указу Сената был отстранен от должности стряпчий Д. Зеленой из-за «несоблюдения» таковой. В декабре 1789 г. секретарь опочецкого уездного суда Д. Боравцов за пьянство и грубость

⁵²⁵ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 218–220.

⁵²⁶ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 476.

⁵²⁷ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 222.

при исполнении обязанностей был отрешен от дел с запретом занимать должность.

Достаточно распространенным преступлением среди дворян Псковской губернии было взяточничество. В этом обвинялись в 1786 г. дворянский заседатель опочецкой округи И. Наперстков, в 1792 г. судья порховской нижней расправы Н. Змиев. Следует отметить, что еще в декабре 1789 г. кандидатура последнего в качестве заседателя в земский суд была отклонена губернским предводителем дворянства из-за «невоздержанного и слабого состояния, чрез что и должность исправлял незначительно». В марте 1792 г. во взяточничестве уличили земского исправника Великолукской округи П. Клокочева. В июле обвинение в растрате казенных денег было предъявлено островскому уездному казначею Томину. Взятки не только активно брали, но и давали. В «даче разным людям» взятки в сентябре 1792 г. обвинялся секунд-майор А. Кармолин⁵²⁸.

Не менее распространенным было «преступление должности». Эта формулировка подразумевала достаточно широкий спектр должностных преступлений. Так, в 1786 г. в этом подозревался заседатель Псковского уездного суда Н. Янсов. В январе 1791 г. исправник Новоржевской округи так же был уличен в «упущении должности» и «непорядочных поступках». При этом обвиняемый не являлся в палату уголовного суда для следствия, из-за чего его пришлось вызывать через наместническое правление. В марте 1791 г. дворянский заседатель Торопецкого нижнего земского суда капитан А. Шетнев обвинялся в том, что при исполнении должностных обязанностей избил людей помещика Жеребцова. Свидетелем по этому делу проходил солдат торопецкой штрафной роты Утин. В январе 1792 г. земский исправник островской округи А. Дубровский обвинялся в «преступлении должности» и незаконных сборах с крестьян денег. В августе 1792 г. бывший губернский казначей Д. Харитонов был обвинен в «разных по должностям его злоупотреблениях», к числу

⁵²⁸ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л.185–221.

которых была отнесена отлучка в Санкт-Петербург. В сентябре 1792 г. заседателю псковского верхнего земского суда В. Вохину предъявили обвинение в «непослушании начальству и других закону противных поступках».

Взяточничество и «преступление должности» не только были самыми распространенными должностными преступлениями, но зачастую и сочетались. Некоторые должностные преступления проходили в палате уголовного суда под грифом «секретно», и даже в ведомости губернатору не разглашалась суть дела. Пики активности должностных преступлений приходятся на 1786, 1789 и 1792 гг. – последние годы перед выборами дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии⁵²⁹.

Таким образом, в последней четверти XVIII в. фиксируются следующие преступления дворян: неподчинение начальству, самовольная «отлучка» от исполнения должности, взяточничество, хищение казенных денег, пьянство, грубость, избиения своих и чужих крепостных, а так же незаконные сборы денег с крестьян. Большинство дворян Псковской губернии, в том числе исполнявших административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные функции, были мелкопоместными. Для них жалование за службу было основным источником дохода, что в свою очередь зачастую служило оправданием для злоупотреблений и взяточничества. Л. Ф. Писарькова считает, что распространению этих пороков способствовала и новая система организации управления, когда верховная власть взяла на себя функцию надзора, обеспечивая ее не посредством учреждений, а узкого круга лиц, наделенных особым доверием⁵³⁰.

Отношение дворян к своим обязанностям как на службе, так и в системе сословного самоуправления не всегда было прилежным. В рапорте от 21 января

⁵²⁹ ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 219–222.

⁵³⁰ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. С. 164–165.

1801 г. губернский предводитель М. Рокотов пишет в наместническое правление о своем неоднократном обращении к уездным предводителям, чтобы последние поспособствовали сбору депутатов в г. Псков для составления родословной книги, рассмотрения доказательств дворянского достоинства и представления в Герольдию фамилий для внесения в Гербовник. Однако депутаты в полном составе так и не прибыли. Уездные предводители не только не смогли объяснить причин отсутствия депутатов, но и не торопились решить проблему замены тех дворян, кто по состоянию здоровья не мог исполнять свои обязанности. Из этого рапорта можно сделать вывод не только об отсутствии должного рвения уездных предводителей при исполнении своих должностных обязанностей, но и о невозможности для губернского предводителя дворянства самостоятельно решить этот вопрос⁵³¹. О том, что проблема несвоевременного вступления в должность стояла достаточно остро свидетельствует тот факт, что в 1785 г. за «долговременную просрочку» был отрешен от должности прокурор нижней расправы Торопецкого уезда И. Адашев.

Одним из факторов, характеризующих социальный облик дворян, являлось геральдическое оформление принадлежности к сословию. Первые пожалования гербов происходили уже при Петре I. Оживление герботворчества пришлось на время Елизаветы Петровны. Но большинство русских дворянских гербов этого времени использовались их обладателями без высочайшего утверждения. К последнему же прибегали только в случае придания геральдического оформления пожалованию дворянства, титула либо иной подобной почести. Несмотря на то, что гербы дворяне получали в результате

⁵³¹ Губернский предводитель жаловался и на нехватку в депутатском собрании денег, как на канцелярские расходы, так и на жалование приказным и сторожам. Несмотря на то, что о сборе денег было вынесено решение дворянским собранием еще в 1786 г., помещики, которые должны были с каждой души отправить по 10 коп. на нужды собрания, в течение пяти лет этого не делали. К тому же великолукские помещики оспаривали это решение дворянского собрания и заявляли о своем согласии дать единовременно только по 2 коп. с ревизской души (ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 443–444).

пожалования, нетитулованные роды как и прежде пользовались гербами без утверждения. При этом отношение к представительской функции и правовому статусу этих гербов было вполне серьезным. Гербовый быт русского дворянства этого времени был сравнительно богатым, но не упорядоченным. Павел I учредил «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи», в котором были собраны и утверждены гербы дворян всей империи. Что касается процедуры занесения дворянских фамилий в Гербовник, то, как и в случае с внесением в родословную книгу, необходимо было написать прошение в губернское правление⁵³². Соискатель должен был предоставить копии с выписок из военной коллегии, родословные с гербами, копии с жалованных грамот с заверением уездных судов, указы Герольдии и рапорты о получении указов, копии с патентов на чин, указы об отставке. При необходимости делались запросы в Псковскую палату суда и расправу. В случае отсутствия каких-либо спорных моментов следовало определение депутатского собрания⁵³³.

В прошении дворянин мог указать на желание не только о внесении герба в Гербовник, но и о получении диплома с резолюцией. Так же мог прикладываться герб с описанием. Необходимым являлось и представление в Герольдию доказательств о дворянстве⁵³⁴. После получения указанного прошения с приложением доказательств на дворянство в копиях, засвидетельствованных уездным судом, и рассмотрения представленных документов выносилось решение. Так, поручик А. А. Чихачев для утверждения фамильного герба в январе 1800 г. направил в дворянское собрание доказательства «на дворянство», засвидетельствованные опочецким уездным судом. В качестве таковых он представил в губернское правление вместе с прошением копии жалованной грамоты, родословной и герба. Псковское

⁵³² Дворянские роды Российской империи. В 4 кн. Кн. 1. С. 7–21.

⁵³³ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 892. Л. 18; Д. 1122. Л. 30–63.

⁵³⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

дворянское депутатское собрание, рассмотрев прошение помещика, удовлетворило его. Необходимыми документами, предоставляемыми собранию в таких случаях, были: патенты на чины дворянам, которым присвоено дворянское достоинство; доказательства благородного происхождения отца и деда, сведения об их владениях; свидетельства 12 благородных дворян, в чьем происхождении нет сомнения; купчие и закладные на имение. В случае, когда собрание принимало положительное определение, таковое направлялось в Герольдию, и герб рода вносили в Гербовник⁵³⁵. Псковские дворяне (как и русские дворяне вообще) трепетно относились к своей сословной принадлежности. Это проявлялось как в стремлении быть записанными в родословную книгу губернии, так и в желании внести герб своего рода в Гербовник, получив тем самым неоспоримые доказательства дворянства – своего и своих потомков.

Так, герб дворян Неклюдовых был включен в третью часть «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи», утвержденную императором Павлом I 19 января 1799 г. В верхней части герба на одной стороне в золотом поле изображён одноглавый орел голубого цвета с короной, держащий в лапах меч и державу. На другой стороне – рука, облаченная в золотые латы, с саблей. В нижней части щита на серебряном поле – птица, стоящая на траве, держит во рту золотое кольцо⁵³⁶.

Непременной характерной чертой псковского дворянства является устройство жизни и быта помещичьих имений. Сведения такого рода за первую четверть XVIII в. единичны. В с. Анненском Великолукского уезда помещика Я. И. Лопухина в составе усадьбы было: «горница с комнатой, против нее горница белая, меж ними сени; 6 окончин стекольчатых больших, из них две попорчены. Хоромы новые неотделаны, в одной связи 12 перерубов, наверху

⁵³⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1122. Л. 2–8.

⁵³⁶ Левин Н. Ф. Дворяне Неклюдовы и их усадьбы // Дворянские усадьбы Псковской губернии. Псков, 2008. С. 71–82.

чердак, тесом обиты». Убранство усадьбы было представлено предметами благочестия (9 икон, крест), картинами, мебелью, которая состояла из простого деревянного шкафа, четырех столов (один круглый), старых ширм, так же в доме располагались два деревянных стула и две скамьи. Помещику принадлежала посуда (12 блюд, 12 тарелок, оловянная солонка, 2 хрустальных стакана, 2 стеклянные бутылки), 3 перины, 3 «взголовья», 3 подушки и 2 одеяла («одно пестретинное, другое боранье»). Среди хозяйственных построек усадьбы упоминаются «стойла, санник, конный двор, на нем 4 хлева, сарай, пустая избища ветхая; скотной двор, стрепеная изба, 4 хлева».

В с. Высоком в составе усадьбы было: «в одной связи 2 горницы, при них 2 коморки, одна с малою козенкою; в горницах и каморке 3 печи муравленные; в тех хоромах 8 оконниц стекольчатых больших; при хоромах сени, на сенях чердак, в сенях же чулан; горница черная с сенями, да к тем же сенями другая горница; светелка, в ней печь белая кирпичная, окончина стекольчатая попорченная; еще хором: 2 светелки в одной связи, в них печь муравленная, 3 окончины, стекольчатые большие». Имелись и хозяйственные постройки: «6 амбаров, конский двор: стойла, 7 хлевов, сарай, санник; скотный двор: 2 избы, 7 хлевов; изба где птиц кормят, мельница на р. Копанице с 1 жерновом»⁵³⁷.

В составе усадьбы помещика И. Б. Зеленого (с. Злобино Торопецкого уезда) был «двор помещиков приезжий: горница белая с козенкой и с сенями; в горнице печь белая; изба черная с сенями». Среди хозяйственных построек отмечены: 3 амбара (один с хлебом, 2 амбара «порозжи»), конюшня и «скотский двор» (3 хлева). В с. Трифановском Холмского уезда в составе усадьбы указаны: «В одной связи под одной кровлей 4 светлицы да черная горница, 2 коморки, 2 сеней, 2 чулана, 14 окончин стекольчатых, 5 печей с трубами, в том числе 1 муравленная гладкая, 1 – круглая цветная, 3 – кирпичная,

⁵³⁷ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. С. 374–376.

а 2 с одного лица муравленые». Среди хозяйственных построек находились: «Амбар порозжий и стойло в одной связи; амбар порозжий и ледник, на огороде 4 амбара, конский двор крытый: 6 хлевов, сарай; скотный двор крытый: 3 хлева гумно до половины крыто».

К. Л. Зеленому принадлежало с. Ратное Холмского уезда, где была «горница двойня с крыльцом и сенями, в сенях чулан, за горницей двойней позади горница черная, против черной горницы повалуша, промеж горницы и повалуши сени, мшаник, за мшаником ледник». Среди хозяйственных построек указаны: «3 амбара (один с хлебом, 2 амбара порозжи), конюшня, скотский двор: 3 хлева»⁵³⁸.

Таким образом, в помещичьем доме в первой четверти XVIII в. были 1–2 горницы, в том числе горницы-двойни. Горницы по способу отопления делились на белые и черные. В составе хором имелись светелки, которые всегда отапливались по белому. Перечислены печи белые, а также отделанные муравлеными (зелеными) или цветными изразцами. Структура строений помещичьих дворов, их убранство свидетельствуют о том, что в это время в провинциальных усадьбах сочетались традиции и новые веяния. Во всех барских дворах отмечены большие окна со стекольчатыми оконницами, кафельные печи, топимые по белому, хотя встречаются еще и черные горницы. Представлена покупная мебель (столы и стулья).

В середине XVIII в. усадьбы начинают преобразоваться: строятся новые дома и хозяйственные постройки, закладываются сады, но наибольшего расцвета усадебная жизнь набирает во второй половине столетия, когда после отмены обязательной службы владельцы получают возможность вернуться в родные владения и благоустроить их.

Так, Петровское (Опочецкого уезда) – родовое имение Ганнибалов, пожалованное Елизаветой Петровной в 1742 г. Абраму Петровичу, стало

⁵³⁸ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. С. 374–376.

центральной усадьбой⁵³⁹. В 1746 г. прислуга для вновь созданного имения была переведена из владений в Санкт-Петербургской губернии. В результате всего во вновь поселенной усадьбе числилось 27 душ крепостных. В 1746 г. строится еще одна барская усадьба – сельцо Ивановское. Но в 1755 г. дворовых из Ивановского перевели, а число крепостных в главной усадьбе выросло до 40 человек. Н. С. Новиков связывает это со строительными работами. В середине 1760-х гг. число дворовых сократилось почти вдвое. Некоторое затишье в строительстве, по мнению исследователя, могло возникнуть из-за того, что в 1762 г. Абрам Петрович был отправлен в отставку без материального содержания⁵⁴⁰.

Тем не менее, по проекту хозяина в Петровском был построен двухэтажный дом. Первый этаж, каменный, – поварня, второй этаж, бревенчатый, был по периметру обрамлен террасой. Этажи в доме между собой не сообщались и имели самостоятельные входы. Комната хозяев разделялась на мужскую и женскую половины кроватью с полубалдахином. На шерстяном покрывале ручного ткачества кавказской работы располагалась подушка в наволочке из кожи, украшенная аппликацией и шитьем. Левый угол северной стены комнаты занимал кабинетный шкаф-бюро немецкой работы, выполненный из дуба. Запрудив р. Кучанку, был образован пруд в виде рыбы, в голове которого насыпан остров-«глаз», где находилась беседка-ротонда⁵⁴¹.

Абрам Петрович стремился оставить каждому сыну по усадьбе: Ивану – Ивановское, Петру – Петровское, Иосифу – Генварское. В 1781 г. он скончался, и уже в 1782 г. наследство разделили⁵⁴². Владельцем Петровского стал Петр Абрамович. Его стараниями в усадьбе был выстроен большой деревянный барский дом на каменном цоколе, винокуренный завод и несколько

⁵³⁹ Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. С. 9–49.

⁵⁴⁰ Новиков Н. С. Псковские усадища Ганнибалов // Михайловская пушкиниана. Сельцо Михайловское, 2007. Вып. 44. С. 111–117.

⁵⁴¹ Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. С. 9–49.

⁵⁴² Новиков Н. С. Псковские усадища Ганнибалов. С. 111 – 117.

хозяйственных построек. Сюда перевезли семейные реликвии – подарки Петра I, библиотеку, коллекцию медалей отца и семейный архив. Из псковского дома перевели прислугу. Петровский парк стал образцом русской садово-парковой архитектуры XVIII в.: строгая планировка, аллеи и солнечные лужайки⁵⁴³. Таким образом, в этом продуманном до мелочей комплексе помещичьей усадьбы хозяину удалось сочетать не только хозяйственную смекалку и рационализм, но и реализовать индивидуальность творческой натуры.

Типичным примером барской усадьбы середины – второй половины XVIII в. было Воскресенское, планировка которого зафиксирована планом 1786 г. Центральная постройка («господский дом») размещалась непосредственно напротив подъездной аллеи и была отделена от нее свободным пространством «парадного» двора (курдонер). По сторонам от господского дома располагались два отдельно стоящих флигеля. Две постройки находились позади господского дома, а остальные строения размещены вдоль подъездной аллеи. К югу и северу от курдонера размещался парк, имевший регулярную планировку, а восточнее усадебных строений обозначено пространство, свободное от застройки⁵⁴⁴.

Археологические раскопки в центральной части усадьбы Воскресенское подтвердили достоверность плана 1786 г. Однако, как отмечает С. В. Белецкий, о полном совпадении схематического рисунка, помещенного на плане Псковской межевой конторы, и реальной застройки усадьбы говорить не приходится. Исследователь пришел к выводу, что в изображении усадебного парка на плане нарушен масштаб, а соотношение размеров господского дома и флигеля также не в полной мере соответствует картине, зафиксированной раскопками. Тем не менее, он считает, что вокруг центрального двора усадьбы

⁵⁴³ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 337.

⁵⁴⁴ Белецкий С. В. План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки // Михайловская пушкиниана. 2004. Вып. 31. С. 74–76.

действительно размещалось не менее пяти построек, причем две из них (флигели) были ориентированы на парковую зону усадьбы⁵⁴⁵.

К изучению плана 1786 г. так же обращался В. Г. Никифоров, который отмечает, что Воскресенское находилось почти в центре земельных владений Ганнибалов и соединялось дорогой с селцом Петровским. К северу от усадьбы находились конюшня, каретный и сенной сарай, а недалеко от западной границы земельных угодий располагались еще две постройки: возможно – коровники, поскольку вокруг были хорошие места под пастбище и сенные покосы. Сама усадьба представляла собою замкнутый двор, центром которого являлся господский дом. С северной стороны к ней примыкал ягодный сад, а с южной – плодовый⁵⁴⁶. К сожалению, Ганнибалы не смогли сохранить этот образец провинциальной усадебной культуры в руках своего рода. Двоюродный дед А. С. Пушкина (И. А. Ганнибал) был вынужден в 1790 г. заложить Воскресенское. К 1797 г. срок закладной истек и ему пришлось переехать в имение жены Анны Андреевны (урожденной Чихачевой) – Максаков Бор в Порховском уезде⁵⁴⁷.

Изучением истории усадьбы Михайловское занимался Н. С. Новиков, который пришел к выводу, что свое начало будущая усадьба ведет от д. Зуево, где в 1740 г. было всего два двора. Но по исповедным росписям 1768–1770 гг. эта деревня уже не значится, поскольку всех ее жителей перевели в соседние деревни, а на этом месте основали усадище Устье. Вновь созданное усадище с господским домом расположилось в низовьях р. Сороти. Оно просуществовало три года и было переименовано в «усадище Генварское». В церковных книгах Генварское упоминается до 1781 г. К тому времени там проживал один дворовый. После смерти А. П. Ганнибала его сын Иосиф, который наследовал

⁵⁴⁵ Белецкий С. В. План 1786 г. и результаты археологических раскопок // Михайловская пушкиниана. 2004. Вып. 31. С. 87–89.

⁵⁴⁶ Никифоров В. Г. План селца Воскресенского // Михайловская пушкиниана. 2001. Вып. 17. С. 249–256.

⁵⁴⁷ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 194–272.

эти земли, выбрал новое место для усадьбы на высоком берегу р. Сороти и дал ему название – Михайловское. И уже в ревизских сказках 1782 г. есть упоминание о «новопоселенном селце» Михайловское, принадлежащее И. А. Ганнибалу. Как отмечает Н. С. Новиков, первыми дворовыми Михайловского были переведенные крепостные из Санкт-Петербургской губернии, а так же коренные жители псковской вотчины⁵⁴⁸. 12 лет усадьбой управляли приказчики и поверенные, и только в 1794 г. в селце поселился на постоянное жительство его хозяин. Количество дворовых в этом владении постепенно увеличивалось и к концу XVIII в. достигло 42 души⁵⁴⁹.

По соседству с землями Ганнибалов находилось с. Тригорское, а ранее Егорьевское, или Георгиевское, основанное в 1767 г. Как отмечает Н. С. Новиков, сам владелец (М. Д. Вындомский) в усадьбе не проживал, и в последующие три года здесь упоминаются только дворовые. В 1770 г. в качестве владелицы вотчины указана Е. Ф. Вындомская. В 1773 г. хозяином значится А. М. Вындомский. По церковным записям до 1780 г. там фиксируются дворовые в количестве от 3 до 11 с детьми. В 1781 г. их число составляет уже 30 душ. В последующие годы число крепостных увеличивается, что связано со строительством полотняной фабрики. Опытных специалистов и мастеровых набирали со стороны, в дополнение к крепостным вотчины. В 1782 г. в усадьбе зафиксировано уже 46 крепостных. Анализируя объем заказов, Н. С. Новиков пришел к выводу, что винокурня у А. М. Вындомского была не одна. Сам владелец фигурирует в числе прихожан местного храма только в 1792 г. В этом же году появляется и название – Тригорское. К концу XVIII столетия в Тригорском значится только сам хозяин и 109 человек

⁵⁴⁸ Новиков Н. С. Деревня Зуево, что ныне селцо Михайловское // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 9–12.

⁵⁴⁹ Новиков Н. С. «Услыште глас страждущего от неправд...» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 30–34.

обслуги⁵⁵⁰. Александр Максимович стал основателем культурных традиций поместья, где благодаря его стараниям появилась библиотека и коллекция живописи⁵⁵¹.

Основываясь на данных межевого плана 1784 г., О. В. Емелина пришла к выводу, что на момент составления плана Тригорское представляло собой уже сложившийся усадебный комплекс, в центре которого располагалось каре, включающее в себя господский дом и служебные постройки, гостевые флигели, дома для прислуги, кухни, кладовые. Зафиксированные размеры усадебного дома достаточно небольшие (14×14 м в плане). Строительство осуществлялось М. Д. Вындомским после переезда в усадьбу. От усадьбы шла дорога к винокуренному заводу, прочие постройки хозяйственного и служебного назначения были отнесены достаточно далеко от центрального ядра усадьбы, но, тем не менее, располагались в виду главного дома. На плане полотняная фабрика расположена с южной стороны, от усадьбы ее отделяет лишь деревянный забор. К северо-западу от усадьбы располагался винокуренный завод. На его территории находились четыре здания, обнесенных забором, и два небольших за пределами, но практически рядом с заводом⁵⁵².

Л. М. Николаева отмечает, что сад в Тригорском занимал открытое пространство и являлся переходной зоной между парком и хозяйственными строениями усадьбы⁵⁵³.

Знаменитый русский ученый А. Т. Болотов оставил воспоминания об организации помещичьего быта в усадьбе Апанькино своего зятя, помещика В. С. Неклюдова (Островский уезд). В 1762 г. в этом владении было завершено

⁵⁵⁰ Новиков Н. С. «...Русский барин – и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 83–90.

⁵⁵¹ Псковский биографический словарь. С. 104.

⁵⁵² Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории // Михайловская пушкиниана. 2000. Вып. 6. С. 13–19.

⁵⁵³ Николаева Л. М. О плодовом саде в Тригорском // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 62. С. 14–23.

строительство нового двухэтажного дома с колоннами, фасад которого выходил на зеленый зал парка. В парке располагались березовая, липовая и кленовые аллеи. В усадебный комплекс так же входили два пруда и оранжерея с витражами, конюшня, людская, кладовые, небольшой молокозавод, яблоневый, грушевый, сливовый и вишневый сады. По воспоминаниям Андрея Тимофеевича, «как у всех псковских помещиков обыкновение есть строить и располагать хоромы особым образом и так, чтоб всегда было две половины: одна жилая, а другая для гостей через сени, порожняя, и всегда чистая и прибранная, то расположены были хоромы и у зятя моего точно таким же образом». Действительно тема гостей, встреч, приездов и совместного времяпрепровождения в условиях достаточно спокойной, если не сказать скучной, с точки зрения столичного обывателя того времени, жизни в провинциальной усадьбе была достаточно значима для хозяина имения. Именно для таких приездов украшались внутренние и внешние помещения усадьбы, готовились угощения и отводились специальные покои. Помимо усадьбы, у зятя А. Т. Болотова имелся еще и каменный дом в г. Пскове⁵⁵⁴.

Многие усадьбы заметно преображаются после того, как их владелец получает возможность постоянно проживать в своем имении. Так, генерал-аншеф, участник войны с Пруссией, командовавший русской артиллерией в Семилетней войне К. Б. Бороздин, выйдя в отставку, поселился в 1764 г. в своем имении Ладино, располагавшемся в Новоржевском уезде. Там он возвел каменный дом с мезонином и прочие усадебные постройки, а так же церковь Вознесения в стиле позднего барокко, разбил парк с аллеями, беседками и прудами, посадил фруктовый сад⁵⁵⁵.

⁵⁵⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. Т. 1.

⁵⁵⁵ Логинов И. Последний владелец Богдановского // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 228–235.

Несмотря на то, что расцвет усадебной культуры исследователи, как правило, относят к XIX в., среди усадебных комплексов второй половины XVIII в. были непревзойденные по своему великолепию строения с уникальными парковыми зонами. Таким стало владение С. М. Валусева – с. Жеребцово (Островского уезда), где в 1764 г. был возведен усадебный дворец – кирпичный двухэтажный дом в стиле классицизма, главный фасад которого украшали портики коринфского ордена со сложными фронтонами в завершении. От главного фасада к р. Великой спускалась широкая лестница, обе стороны которой украшали мраморные сфинксы. В северо-западном углу дома располагалась домовая церковь во имя Богоявления Господня. Над входом в церковь были устроены хоры для певчих. На втором этаже дома находился бальный зал, украшенный изразцовыми печами, китайской мозаикой, четырьмя каменными колоннами и зеркалами. Потолки в доме украсили росписью (цветами, лентами, амурами) и лепниной с позолотой. Двери комнат декорировали художественной лепкой. В парке, окружавшем дом, аллеи были украшены мраморными статуями и искусственным озером. Напротив бокового фасада здания 12 елей образовывали символические часы, 13-е дерево росло в центре⁵⁵⁶. Такой сложный по своему замыслу и дорогой по финансовому воплощению проект усадьбы XVIII в. смотрелся бы вполне достойно даже в одном ряду со строениями подобного рода, предназначенными для царствующих особ того времени...

Помимо великолепных парков и необычных способов обустройства убранства домов, которые в итоге могли превращаться в настоящие шедевры творческой мысли, важным аспектом жизни дворянского имения были те мелочи, которые и составляли повседневный быт провинциального помещика. Для второй половины XVIII в. сохранилось уникальное описание утвари, посуды и прочего имущества с. Щиглицы (Псковского уезда), которое вела А. П. Пальчикова с 1777 г. Так, в первом сундуке хранились ткани, во втором –

⁵⁵⁶ Сурмина И. О., Усова Ю. В. Самые знаменитые династии России. М., 2002. С. 48.

серебряная утварь и посуда, в третьем – платье. Согласно реестру, посуды медной и оловянной 25 единиц было в амбарах, 42 – у поваров. В 1781 г. имеется запись, «что от емщика взято збруи конской и отдано Афонки на руки. А именно: Карета Валкавская – 1, Карета Масковская – 1, каляска дарожная пакойва – 1, каляска палавинчатая – 1, дрожакъ – 2, телега с кибиткою – 1, телег калесы кованы – 3, зимнего ходу: сани болшия городовыя – 1, сани средния городовыя – 1, санки малинкия галубыя – 1, санки красинкия – 1, вазок – 1, чухонския санки – 1 старыя, валкавскай кареты шоръ с уздами – 6»⁵⁵⁷.

Как правило, усадьба на протяжении длительного времени была местом проживания владельцев. Однако встречаются и исключения. Так, усадьба княжеского рода Львовых первоначально была устроена в д. Вехно, но затем местом проживания владельцев стала бывшая пустошь – с. Алтун, где в 1769 г. строится Спасо-Преображенская церковь⁵⁵⁸. Не всегда усадьбу удавалось сохранить после смерти владельца в распоряжении рода. Например, усадьбу Палибино с домом простой архитектуры, где поселилась вдова И. И. Михельсона Шарлотта Ивановна, перевели за долги в опеку. Имение Корытово Псковского уезда – родовую вотчину Д. А. Ланского – вдова Дмитрия Артемьевича после смерти их сына Александра поделила между своими дочерьми Е. Д. Брылкиной и В. Д. Машневой. В 1779 г. Е. Д. Брылкина заложила их с мужем имение в заемный банк за 23 тысячи рублей. Ей не удалось выкупить имение, и оно было приобретено купцом С. С. Горожанским⁵⁵⁹. Сельцо Полосы с соседними деревнями в первой половине XVIII в. принадлежало дворянам Брянцовым. После смерти секунд-майора С. Х. Брянцова в 1778 г. оно переходит к его дочери Анне, которая была женой поручика С. Г. Карамышева. В 1796 г. его владельцем становится лейб-

⁵⁵⁷ Постников А. Б. Древлехранилище Псковского музея. С. 705.

⁵⁵⁸ Пахоменкова М. М. Дворянский род Львовых // Псков. 2007. № 26. С. 25–32.

⁵⁵⁹ Макеенко Л. Н. Сельцо Корытово и его владельцы // Псков. 1998. № 8. С. 69–71.

гвардии прапорщик Д. С. Карамышев. Ему же переходят и деревни Заборовье, Вошкино, Устье и другие⁵⁶⁰.

Таким образом, дворянские усадьбы к концу XVIII в. заметно преобразуются не только количественно (увеличивается число построек, комнат), но и качественно, поскольку к хозяйственно-бытовому назначению прибавляется культурно-эстетическое, а порой и производственное. Усадьба становится показателем состоятельности владельца, отражением его вкуса, привычек, предпринимательских качеств, а так же приверженности определенному культурно-художественному стилю.

Достаточно важным делом представителей привилегированного сословия губернии было попечение не только о светском устройстве своей усадьбы, но и духовной составляющей своих владений. В XVIII в. многие дворяне становятся заказчиками строительства храмов. Так, в 1713 г. в с. Полоное была построена каменная церковь Спаса Нерукотворного. Храм был бесприходный и обслуживал исключительно нужды имения Корсаковых⁵⁶¹. В 1727 г. в дер. Дуброво помещик Лихарев строит каменную церковь во имя Рождества Богородицы и Николая Чудотворца. В 1736 г. А. Г. Ланской сооружает в с. Посадниково каменную церковь во имя Казанской иконы Божией Матери с двумя престолами и колокольной. В конце 70-х гг. XVIII в. Посадниково переходит от полковника С. А. Ланского к его брату капитану Дмитрию, а после смерти последнего к супруге Ульяне Яковлевне. Их старший сын Александр Дмитриевич в 1780-х гг. закладывает в имении церковь Святого Николая Чудотворца. На средства помещицы Е. Крекшиной в 1764 г. в с. Береза была построена каменная церковь, освященная во имя Архистратига Михаила. 1782 г. В. А. Лопухин недалеко от усадьбы Красный Бор построил церковь

⁵⁶⁰ Карамышев О. М. Сельцо Полосы и его обитатели // Краеведческие чтения. Порхов: материалы научной конференции. Псков, 2007. С. 17–27.

⁵⁶¹ Моисеев С. В. Полоное в XVIII в. по архивным документам // Краеведческие чтения. Материалы X научной конференции. Порхов, 2008. С. 174–180.

святителя Николая⁵⁶². В 1791 г. А. С. Корсаков в имении Александрово строит каменную церковь в виде изящной ротонды во имя Всемилоственного Спаса⁵⁶³. По заказу Д. Н. Философова в 1793 г. недалеко от его усадьбы в с. Богдановское была сооружена каменная церковь⁵⁶⁴. В 1796 г. в поместье Горомулино была построена Вознесенская церковь, где в мраморных саркофагах похоронены владельцы имения. В своем владении Бельское Устье полковник А. О. Кожин возвел кирпичную церковь⁵⁶⁵.

О христианских ценностях помещиков Псковской губернии свидетельствуют не только их дела, направленные на решение текущих вопросов организации жизни и быта, но и мысли «о вечном». Так, порховский дворянин Митрофан Афанасьевич Лавров в своем завещании распоряжается передать двух крепостных Благовещенскому монастырю Никандровой пустыни для того, чтобы его после смерти вечно поминали и записали в монастырский синодик⁵⁶⁶. Представители привилегированного сословия Псковщины занимались благотворительностью, что так же было отражением мировоззренческих установок христианского сознания. А. М. Щербинин в 40-х гг. XVIII в. содержал богадельню в г. Пскове⁵⁶⁷.

Некоторые из псковских дворян получили прекрасное образование, занимались научной и педагогической деятельностью. В. Е. Ададуров известен как ученый и государственный деятель. Он родился в 1709 г., учился в гимназии и университете при Академии наук, в последующем был переводчиком и преподавателем. С 1744 г. преподавал русский язык великой

⁵⁶² Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 156–267.

⁵⁶³ Васильева Л. В. Имена Порховского уезда. С. 9–26.

⁵⁶⁴ Логинов И. Последний владелец Богдановского. С. 228–235.

⁵⁶⁵ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 250–262.

⁵⁶⁶ Завещание Порховского дворянина Митрофана Лаврова // Труды Псковского археологического общества за 1907–1908 гг. С. 114–115.

⁵⁶⁷ Постников А. Б. Благотворительные учреждения Пскова в XVI–XVIII вв. // Псков. 2000. № 12. С. 57–88.

княгине Екатерине Алексеевне, в царствование которой он занимал высокие посты в государственном управлении. Род Ададуриных (Адодуриные, Ододуриные) известен с XV в., когда среди новгородских помещиков числились Иван и Салтык Ододуриные. Герб Ададуриных внесен в Общий гербовник⁵⁶⁸.

М. М. Философов преподавал математику и военное искусство будущему императору Павлу I. Х. П. Лаптев, владелец с. Покарево Великолукского уезда, в 1715 г. поступил в Морскую академию. Участвовал в составлении «Генеральной карты сибирским и камчатским берегам». В 1763 г. был назначен главным интендантом Балтийского флота⁵⁶⁹.

Ф. А. Клокачев в 13 лет стал учеником Академии морской гвардии в Санкт-Петербурге и уже в 15 лет совершил плавание из Конштадта в Архангельск. В 1751 г. он служил мичманом на Балтийском море. Участвовал в Семилетней войне с Пруссией, в русско-турецкой войне. За проявленную храбрость в Чесменском сражении был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени, а позднее и третьей степени. Командовал эскадрами на Балтике и Азовской флотилией⁵⁷⁰.

Драматург и писатель Я. Б. Княжнин родился в 1742 г. в Пскове, где жил и учился до 15 лет. В Петербурге он окончил гимназию при Академии наук и в 22 года стал адъютантом при дежурных адъютантах императрицы. После лишения дворянского звания по обвинению в растрате казенных денег он был уволен со службы в 1773 г., но в 1778 г. прощен, благодаря чему смог поступить в качестве секретаря на службу к И. И. Бецкому, главному попечителю просветительских и воспитательных учреждений. Перу Я. Б. Княжниного принадлежит «Несчастье от кареты», «Дидона» и «Вадим Новгородский». По мнению Л. А. Казаковой, его литературная деятельность

⁵⁶⁸ Хоруженко О. И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. С. 345–346.

⁵⁶⁹ Псковский биографический словарь. С. 271–474.

⁵⁷⁰ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. С. 162.

была «одним из наиболее ярких проявлений русского просветительского классицизма»⁵⁷¹.

Таким образом, представители дворянства Псковской губернии в своей служебной, общественной, культурной и хозяйственно-бытовой деятельности не только активно формировали социокультурную среду своего сословия, но и влияли на представителей других общественных групп, создавая в умах современников и потомков облик провинциального русского дворянства XVIII в. В кругу высшего сословия «рядом с мощным потоком усваиваемых европейских новаций устойчиво сохранялось поле традиционных представлений и форм жизни. Его оплотом и источником были православная религиозность, а так же старые формы быта и культуры»⁵⁷². Бурные реалии XVIII в., особенно первая половина столетия, безусловно, отразились на укладе жизни и экономическом благополучии представителей дворянства. Однако, несмотря на трансформацию социокультурного порядка, в сознании псковского дворянства продолжают оставаться духовные доминанты, которые транслируются из поколения в поколение и являют собой «духовные скрепы» общества. Близость к столице и приближенность к высшим кругам государственной власти позволили псковским дворянам не быть оторванным в своей провинции от тенденций и веяний эпохи. В тоже время они не были чужды культуре и быту земли, где жили их предки.

⁵⁷¹ Казакова Л. А. Яков Борисович Княжнин // Псковский край в литературе. Псков. 2003. С. 90–94.

⁵⁷² Агеева О. Г. Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Российская история. 2014. № 1. С. 54–74.

Заключение

Псковское дворянство, несмотря на свое провинциальное положение, было органичной частью привилегированного сословия в структуре общества Российской империи XVIII в. В бытовой и культурной сферах жизнедеятельности дворянства наиболее ярко отразились новейшие веяния эпохи, которые были, не только приняты на вооружение «прогрессивными» псковскими помещиками, но и в значительной степени переработаны под влиянием личных вкусов и пристрастий. Наиболее ярко индивидуальные особенности личности помещика проявлялись в обустройстве усадебного быта, результатом чего становились передовые способы организации хозяйства, в том числе посредством устройства вотчинных предприятий, как это было реализовано сразу несколькими помещиками Порховского уезда, среди которых были и женщины. Уникальные жилые и парковые зоны дворянского поместья, становятся настоящими шедеврами своего времени, как, например, усадебный комплекс с. Жеребцово (Островского уезда).

Проникновению модных элементов в среду псковского дворянства способствовала близость столицы – Санкт-Петербурга и пребывание там многих представителей привилегированного сословия Псковской губернии, в том числе на государственной службе. С отменой обязательности последней связан расцвет помещичьих усадеб региона.

Устройство самих «дворянских гнезд» на протяжении XVIII в. подверглось серьезной трансформации: от достаточно простого бытового уклада в начале столетия с белыми и черными горницами до богатых домов с парками регулярной планировки и затейливыми причудами по европейской моде в конце века, что было вызвано не только изменениями в законодательстве, но и с повышением уровня благосостояния псковских дворян, о чем свидетельствует рост числа помещичьих крестьян и снижение доли мелкопоместных дворян в системе дворянской стратификации Псковской губернии. Следует отметить, что и состоятельным, и достаточно скромным

владениям была присуща одна общая черта – строительство храмов на средства и по заказу помещиков. О духовном псковские дворяне заботились одинаково ревностно вне зависимости от уровня достатка. А наличие христианских ценностей в системе дворянского мировоззрения отражают и мысли о судьбе своей бессмертной души, забота о которой выражалась как в благотворительности, так и в обеспечении будущего поминовения.

К своим крепостным, которые были главным источником экономического благосостояния, как и к прочей собственности, помещики относились достаточно рачительно, что, однако, не исключало отдельных случаев злоупотреблений и самодурства. Фамильные земли, как правило, старались сохранять в руках дворянской семьи. Об этом свидетельствует и наличие владельческих комплексов – владений, которые, сохраняясь территориально, наследуются в рамках одного рода. На протяжении XVIII в. идет активное хозяйственное освоение территорий, находящихся в дворянской собственности. Это выражалось в появлении деревень и сел на месте бывших пустошей. Рост владений псковских помещиков происходил за счет государственных пожалований, покупки, наследования и т.п. Картографирование дворянских владений региона впервые позволило представить их пространственное распределение, как в рамках всей Псковской губернии, так и более детально для Псковского уезда.

Стратификация псковского дворянства на протяжении XVIII в. не претерпела серьезных изменений. Значительную часть в структуре помещиков Псковщины составляли мелкопоместные владельцы, в чьей собственности находилось менее половины от общего числа помещичьих крестьян, а большинством ревизских душ владели средние и крупные собственники. Следует отметить, что показатель соотношения мелких помещиков к средним и крупными владельцам ниже, чем в целом по стране, что подтверждает достаточно благополучное экономическое положение псковского дворянства.

Расширение возможностей повышения доходности дворянских владений посредством организации вотчинных мануфактур, зачастую встречало протест

в крестьянской среде и приводило к неповиновению крепостных, с чем помещики не всегда справлялись самостоятельно. Вмешательство властей посредством присылки военных отрядов дополнительным бременем ложилось на плечи взбунтовавшихся крестьян, что уже само по себе было достаточно серьезным финансовым наказанием. В случаях конфликтов между помещиками и их крепостными, проявлялась высокая степень сплоченности дворянской корпорации Псковской губернии, в первую очередь в решении вопросов, связанных с расследованием подобных явлений.

Дворяне Псковщины в основном были представителями древних династий, чью родословную можно было проследить со времен Московской Руси. Родовой состав на протяжении XVIII в. в целом стабилен, хотя и происходит появление новых и исчезновение старых фамилий, на что повлияли политические события этого времени, а так же мельчание владений, следствием чего становился их обмен или продажа. Родовой состав дворянства и источники приобретения дворянского достоинства нашли отражение в родословной книге губернии, запись в которую наряду с внесением герба в Гербовник имела важное значение для представителей привилегированного сословия Псковского края. Отсутствие четко фиксируемого набора типичных документов при доказательстве дворянства свидетельствует об отсутствии определенных стандартов и правил при решении данного вопроса на местах, поскольку нормативно-правовое обеспечение этого процесса ограничивалось законодательной базой общегосударственного уровня.

Активное участие дворян в системе сословного самоуправления губернии в 70-е гг. XVIII в. и, в то же время, пренебрежение своими обязанностями, широко распространенное среди избранных представителей привилегированного сословия в органы самоуправления и суда, в конце столетия стало отражением трансформации порядка избрания в эти структуры в сторону сокращения дворянской вольности и увеличения надзора властей над дворянскими институтами.

Комплекс сохранившихся документов, большая часть которых была введена в научный оборот впервые, позволил реконструировать процедуру избрания дворян в органы самоуправления и суда Псковской губернии, а так же церемониал, сопровождавший этот процесс, который в 70-е гг. был пышным и продумывался организаторами в мельчайших деталях. Конец столетия наряду с упрощением организационных моментов, сопровождавших выборы дворян в органы самоуправления и суда, был отмечен всплеском дворянских преступлений должности, среди которых были: взяточничество, хищение казенных денег, неподчинение начальству и самовольная «отлучка» от исполнения должности.

Пики должностных преступлений приходились на последние годы перед очередными выборами. Подобные явления в среде псковского дворянства выявляют проблемы как социально-экономического, так и морально-нравственного характера, свойственные не только провинциальному обществу, но и характерные для всей страны.

Несмотря на отмену обязательности службы, чин продолжал оставаться важным критерием социальной идентификации его обладателя, что проявлялось, в частности, даже в рассадке участников дворянского собрания. Представители высших статских и воинских чинов в губернии были малочисленны и имели преклонный возраст. Средний возраст как для статских, так и для воинских чинов составлял 50 лет. Многочисленность и молодой возрастной состав низших чинов объясняется началом служебной лестницы.

Таким образом, псковское дворянство XVIII в. представляет собой социокультурный феномен, специфические черты которого нашли отражение в служебной, общественной, культурной и хозяйственно-бытовой деятельности представителей этого сословия на протяжении всего изучаемого периода.

Источники

I. Опубликованные

1. Болотов, А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. В 3 т. Т. 1 / А. Т. Болотов. – М. : Терра, 1993. – 555 с.
2. Василёв, И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. / И. И. Василёв // Сборник трудов членов псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. – С. 18–23.
3. Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2; под ред. О. И. Чистякова, Т. Е. Новицкой. – М. : Юридическая литература, 2001. – 981 с.
4. Законодательство Петра I; под ред. Т. Е. Новицкой, А. А. Преображенского. – М. : Юридическая литература, 1997. – 878 с.
5. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века; под ред. К. В. Сивкова. – М. : Издательство АН СССР, 1951. – 375 с.
6. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Вып. 1–7. – М. : Наука, 1959–1969.
7. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 5, 6, 8–10, 12, 14–17, 20, 22. – СПб. : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
8. Постников, А. Б. Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI – XVIII веков / А. Б. Постников. – М. : ООО «БуксМАрт», 2013. – 976 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма; под ред. А. Г. Манькова. – М. : Юридическая литература, 1986. – 511 с.

10. Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма; под ред. Е. И. Индовой. – М. : Юридическая литература, 1987. – 527 с.

11. Сиверс, А. А. Состав торопецкого дворянства в начале XVIII столетия на основании современного документа / А. А. Сиверс // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. – Псков, 1897. – С. 213–219.

12. Софийский, Л. И. Записки Л. А. Травина / Л. И. Софийский // Труды Псковского археологического общества. – 1914. – № 10. – С. 38–131.

13. Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллатировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. – Псков, 1846. – 36 с.

II. Неопубликованные

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 440. Псковская провинциальная канцелярия.

Оп. 1. Д. 223, 266.

Ф. 1209. Поместный приказ.

Оп. 1. Д. 8179, 8180, 8181, 8399, 8506, 8508, 8509, 8510.

Ф. 1355. Экономические примечания к Генеральному межеванию.

Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

Ф. 1356. Губернские, уездные и городские карты, планы и атласы Генерального межевания.

Оп. 1. Д. 4654, 4711.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената.

Оп. 1. Д. 355, 395.

3. Государственный архив Псковской области (ГАПО):

Ф. 14. Псковский губернский землемер.

Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 26, 27, 36, 37, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 59, 62, 64, 65, 67, 68а, 69, 71, 76, 77, 86, 88, 89, 97, 98, 99, 105, 125, 137, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151, 179, 184, 190, 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 291, 296, 297, 298, 301, 304, 312, 317, 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348, 349, 350, 352, 354, 355а, 356, 357, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 436, 441, 452, 455.

Оп. 2. Д. 7а.

Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 19, 20, 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 53, 54, 57, 58, 59.

Оп. 4. Д. 3, 4, 5, 9, 14, 17, 20, 21, 22, 24.

Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора:

Оп. 1. Д. 3, 11, 22, 23, 25, 50, 51.

Ф. 22. Псковская провинциальная канцелярия:

Оп. 1. Д. 15, 64, 118, 160, 163, 208, 387, 504, 863, 955.

Ф. 38. Межевая контора Псковской губернии:

Оп. 1. Д. 6630.

Ф. 66. Псковское губернское правление:

Оп. 1. Д. 25.

Ф. 74. Псковское наместническое правление:

Оп. 1. 91, 92, 112, 114, 494, 504.

Ф. 105. Псковский совестный суд.

Оп. 2. Д. 142.

Ф. 110. Псковское губернское дворянское депутатское собрание:

Оп. 1. Д. 1, 22, 634, 891, 892, 1122, 1228, 1242, 1258а, 1343, 1366.

Оп. 2. Д. 1.

Ф. 366. Псковский губернский предводитель дворянства:

Оп. 2. Д. 1.

Литература

1. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
2. Агеева, О. Г. Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией / О. Г. Агеева // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 54–74.
3. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988 гг.). Справочник. Кн.1; сост. Т. Е. Герасименок. – Л. : Лениздат, 1988. – 411 с.
4. Азнабаев, Б. А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв.: землевладение, социальный состав, служба / Б. А. Азнабаев. – Уфа : БГУ, 1999. – 194 с.
5. Акулов, Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии / Н. И. Акулов // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. – Псков, 1917. – С. 149–155.
6. Алексеева, О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алексеева Оксана Алексеевна. – СПб., 2009. – 26 с.
7. Алефиренко, П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30 – 50 гг. XVIII в. / П. К. Алефиренко. – М. : АН СССР, 1958. – 293 с.
8. Ананьич, Б. В. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Б. В. Ананьич. – М. : ОЛМА-Пресс, 2006. – 734 с.
9. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с.
10. Анисимов, Е. В. Население и подати / Е. В. Анисимов // История крестьянства Северо-Запада России. – СПб., 1994. – С. 158–177.
11. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.

12. Антипова, Р. Н. Культурное наследие Философовых. (От пушкинских времен до «Мира искусства») / Р. Н. Антипова // Земля Псковская, древняя и современная. – Псков, 2009. – С. 124–135.
13. Аракчеев, В. А. «Право войны» русских помещиков и сюжет романа Дубровский / В. А. Аракчеев // Михайловская пушкиниана. – 2006. – Вып. 42. – С. 20–25.
14. Аракчеев, В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV – XVII веках / В. А. Аракчеев. – Псков : Псковская областная типография, 2004. – 352 с.
15. Аракчеев, В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. / В. А. Аракчеев // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. – СПб., 1999. – С. 13–18.
16. Арсентьев, Н. Б. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования / Н. Б. Арсентьев, А. И. Егупова // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. – М., 1996. – С. 214–229.
17. Афанасьев, Ю. И. К истории рода Коновницыных / Ю. И. Афанасьев // Псков. – 2012. – № 36. – С. 50–58.
18. Бабич, М. В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России второй половины XVIII в. в русской дореволюционной и современной буржуазной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бабич Марина Виленовна. – М., 1990. – 27 с.
19. Байбурова, Р. М. Старинная русская усадьба XVIII в. / Р. М. Байбурова // Наука и жизнь. – 1993. – № 8. – С. 82–86.
20. Белецкий, С. В. План 1786 г. и результаты археологических раскопок / С. В. Белецкий // Михайловская пушкиниана. – 2004. – Вып. 31. – С. 87–89.
21. Белецкий, С. В. План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки / С. В. Белецкий // Михайловская пушкиниана. – 2004. – Вып. 31. – С. 74–76.

22. Белявский, М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли) / М. Т. Белявский. – М. : Издательство МГУ, 1965. – 382 с.
23. Беляев, И. Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И. Д. Беляев. – М. : Университетская типография, 1860. – 326 с.
24. Богословский, М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века / М. М. Богословский. – М. : Типография Е. В. Кожевникова и Е. А. Коломийцева, 1906. – 52 с.
25. Болховитинов, Е. А. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Ч. 4 / Е. А. Болховитинов. – Киев : Типография Киево-Печерской лавры, 1831. – 192 с.
26. Борисова, А. В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. В. Борисова. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 2000. – 40 с.
27. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Т. 19 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – 341 с.
28. Буганов, В. И. Петр Великий и его время / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1989. – 187 с.
29. Буганов, В. И. Российское дворянство / В. И. Буганов // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 29–42.
30. Быкова, Л. А. Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787–1797 гг.: источники, история составления / Л. А. Быкова // Генеалогические исследования. – М., 1993. – С. 189–210.
31. Василёв, И. И. Дела Псковской провинциальной канцелярии / И. И. Василёв. – Псков : Типография губернского правления, 1884. – 213 с.
32. Василёв, И. И. Опыт статистическо–географического словаря Псковского уезда Псковской губернии / И. И. Василёв. – Псков : Типография губернского правления, 1882. – 315 с.

33. Васильева, Л. В. Имена Порховского уезда: информационный справочник / Л. В. Васильева. – Псков : Псковский областной институт повышения квалификации работников образования, 2008. – 252 с.
34. Вдовина, Л. В. Повседневная жизнь дворянина в провинциальном городе второй половины XVIII – начала XIX вв. / Л. В. Вдовина // Особенности российского исторического процесса. – М., 2002. – С. 280–290.
35. Во славу России. Псковичи в истории российского флота; сост. В. В. Иванов, П. И. Дроздов. – Псков : Псковская областная типография, 2016. – 779 с.
36. Водарский, Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.: (Размеры и размещение) / Я. Е. Водарский. – М. : Наука, 1988. – 301 с.
37. Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. – М. : Наука, 1977. – 263 с.
38. Выскочков, Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни / Л. В. Выскочков // История крестьянства Северо-Запада России. – СПб., 1994. – С. 186–196.
39. Выскочков, Л. В. Процесс расслоения крестьян. Подати и повинности / Л. В. Выскочков // История крестьянства Северо-Запада России. – СПб., 1994. – С. 208–211.
40. Галицкий, В. М. К вопросу реконструкции портретной галереи Коновницыной / В. М. Галицкий // Псков. – 1999. – № 10 – С. 17–22.
41. Генеалогический вестник. Вып. 1–39. – СПб., 2001–2010.
42. Гернет, А. О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи / А. О. Гернет. – СПб. : Типография К. Л. Риккера, 1898. – 37 с.
43. Глаголева, О. Е. Дворяне «в штатском»: Провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы / О. Е. Глаголева, Н. К.

Фомин // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* – М., 2012. – С. 148–227.

44. Горская, Н. А. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII — второй половины XVIII в. / Н. А. Горская, Л. В. Милов // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* – Кишинев, 1966. – С. 173–192.

45. Горский, А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века (Опыт количественного анализа) / А. А. Горский // *История СССР.* – 1984. – № 6. – С. 117–122.

46. Готье, Ю. В. Очерк истории землевладения в России / Ю. В. Готье. – М. : ГПИБР, 2003. – 258 с.

47. Гудков, А. Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гудков Александр Георгиевич. – М., 2006. – 298 с.

48. *Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России*; сост. В. П. Старк. – СПб. : Искусство, 2000. – 239 с.

49. *Дворянские роды Псковской губернии*; сост. Е. Г. Киселева. – Псков : Логос, 2007. – 113 с.

50. *Дворянские роды Российской империи.* В 4 кн. СПб. : Ликоминвест, 1993–1998. – 1184 с.

51. *Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в.*; сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. – М. : Наука, 1989. – 181 с.

52. Дейч, Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX веков / Г. М. Дейч. – Псков : Издательство газеты «Псковская правда», 1957. – 87 с.

53. Ден, В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. В 2 т. Т. 1 / В. Э. Ден. – М. : Университетская типография, 1902. – 377 с.
54. Дмитриев, А. В. Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII в. / А. В. Дмитриев // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 102–111.
55. Дмитриев, А. В. Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века. (1740-е годы) / А. В. Дмитриев // Исторический ежегодник. – 2009. – С. 216–229.
56. Долгих, А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи / А. Н. Долгих // Российская история. – 2013. – № 3. – С. 74–84.
57. Драчук, В. С. Рассказывает геральдика / В. С. Драчук. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
58. Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории / О. В. Емелина // Михайловская пушкиниана. – 2000. – Вып. 6. – С. 13–19.
59. Еремян, В. В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.) / В. В. Еремян, М. В. Федоров. – М. : Новый Юрист, 1998. – 176 с.
60. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов. – М. : Московский государственный историко-архивный институт, 1965. – 418 с.
61. Жучков, К. Б. А. А. Яхонтов и Ганнибалы в 1813 г. / К. Б. Жучков // Псков. – 2013. – № 38. – С. 56–61.
62. Зайцева, Г. И. Социальная психология русского дворянства первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зайцева Галина Ивановна. – М., 2000. – 27 с.
63. Заозерская, Е. И. Помещик Жуков и его хозяйство / Е. И. Заозерская // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. – М., 1975. – С. 213–226.

64. Зудина, Л. С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зудина Людмила Степановна. – М., 1988. – 16 с.
65. Иванов, В. А. Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время / В. А. Иванов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X – XXI вв. Источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 2010. – С. 41–43.
66. Иванов, Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын / Е. П. Иванов. – Псков : Псковская областная типография, 2002. – 224 с.
67. Иванова, Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки / Л. В. Иванова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 784 с.
68. Иванова, Н. А. Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII – начала XX вв. / Н. А. Иванова // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России: Сборник статей. – М., 2001. – С. 176–201.
69. Иванова, Н. А. Сословное общество Российской империи: XVIII – начало XX века / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Новых хронограф, 2010. – 752 с.
70. Изюмов, Е. А. Их имена забыться не должны / Е. А. Изюмов. – Л. : Лениздат, 1989. – 157 с.
71. Иловайский, Д. И. История России. В 5 т. Т. 5 / Д. И. Иловайский. – М. : Типография И. Д. Сытина, 1905. – 663 с.
72. Индова, Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. / Е. И. Индова. – М. : Наука, 1964. – 352 с.
73. Индова, Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период / Е. И. Индова // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. – М., 1975. – С. 272–292.

74. Индова, Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых / Е. И. Индова. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1955. – 200 с.
75. История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма; ред. А. И. Копанев, Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов и др. – СПб. : Наука, 1994. – 330 с.
76. История СССР с древнейших времен до наших дней; под ред. Б. Н. Пономарева. – М. : Наука, 1967. Т. 3. – 747 с.
77. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1971. – 190 с.
78. Кабузан, В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х гг. XIX в. (численность, размещение, этнический состав) / В. М. Кабузан. – СПб. : Блиц, 2002. – 267 с.
79. Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй: статьи по философии и истории русской культуры. – М., 1989. – С. 171–255.
80. Казакова, Л. А. Яков Борисович Княжнин / Л. А. Казакова // Псковский край в литературе. – Псков, 2003. – С. 90–94.
81. Калабин, Т. Б. Система подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства в России в XVIII–XIX вв. и родословные книги / Т. Б. Калабин // Опыты по источниковедению. – СПб., 1997. – С. 21–28.
82. Каменский, А. Б. «Крещенная собственность» в законодательстве XVIII в. / А. Б. Каменский // Представления о собственности в Российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. – М., 1998. – С. 150–92.
83. Каменский, А. Б. Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. / А. Б. Каменский // Генеалогические исследования. – М., 1994. – С. 168–174.

84. Карамышев, О. М. Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Карамышев Олег Михайлович. – СПб., 1998. – 13 с.
85. Карамышев, О. М. Родовой состав псковского дворянства в XVIII – начале XIX вв. / О. М. Карамышев, А. А. Шумков // Дворянские роды Псковской губернии. – Псков, 2007. – С. 19–21.
86. Карамышев, О. М. Сельцо Полосы и его обитатели / О. М. Карамышев // Краеведческие чтения. Порхов: материалы научной конференции. – Псков, 2007. – С. 17–27.
87. Карамышев, О. М. Служилый род Московской Руси. Карамышевы. Кн. 1 / О. М. Карамышев. – СПб. : ЛЕМА, 2009. – 415 с.
88. Картавцов, И. М. Биографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Псковской губернии / И. М. Картавцов. – Псков : Типография губернского правления, 1916. – 29 с.
89. Киселев, М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста / М. А. Киселев // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 37–53.
90. Китанина Т. М. Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760–1780-х годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. – Калининград, 2016. – Вып. 22. – С. 80–92.
91. Клокман, Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. / Ю. Р. Клокман. – М. : Издательство АН СССР, 1960. – 223 с.
92. Ключевский, В. О. Сочинения. Т. 8 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 437 с.
93. Ковалева, Т. В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: вторая половина XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ковалева Татьяна Викторовна. – Курск, 2004. – 25 с.

94. Козлова, Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны / Н. В. Козлова. – М. : Издательство Московского университета, 1983. – 150 с.
95. Козмина, Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы / Л. В. Козмина. – М. : Советский писатель, 2003. – 200 с.
96. Коллманн, Н. Ш. Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего нового времени; пер. с англ. А. Б. Каменского / Н. Ш. Коллман. – М. : Древлехранилище, 2001. – 389 с.
97. Колотилова, С. И. Псковский край в XVIII в. / С. И. Колотилова // Псковский край в истории СССР. – Л., 1970. – С. 56–62.
98. Кондратеня, А. В. Родословная Л. А. Травина / А. В. Кондратеня // Материалы двенадцатых Псковских архивных чтений 2 ноября 2017 года. – Псков, 2018. – С. 86–92.
99. Королева, И. А. Смоленское дворянство в фамилиях и родословных (историко-культурологическое и лингвистическое описание) / И. А. Королева. – Смоленск : СмолГУ, 2007. – 178 с.
100. Корф, С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 – 1855 гг. / С. А. Корф. – СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1906. – 720 с.
101. Котляров, А. Н. Историография дворянства и ее место в развитии исторической науки в России (XVIII в.): учебное пособие / А. Н. Котляров. – Томск : Издательство Томского университета, 1990. – 164 с.
102. Котов, В. В. Холм на Ловати и его земля / В. В. Котов. – Псков : Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова, 2004. – 381 с.
103. Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. – М. : Книга по Требованию, 2012. – 209 с.
104. Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. – М., 2012. – С. 227–265.

105. Куприянов А. И. Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 гг. / А. И. Куприянов // Российская история. – 2015. – № 6. – С. 3–18.
106. Куприянов, А. И. Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX века: от сословной корпорации к институту гражданского общества? / А. И. Куприянов // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 30–41.
107. Левин, Н. Ф. Дворяне Неклюдовы и их усадьбы // Дворянские усадьбы Псковской губернии: (материалы II областной научно-практической конференции) / Государственный комитет Псковской области по культуре и туризму; ГУК «Псковская областная универсальная научная библиотека»; Администрация Локнянского района. – Псков, 2008. – С. 71–82.
108. Летопись земли Псковской: годы и события; сост. И. О. Колосова и др. – Псков : Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова, 2007. – 487 с.
109. Лисицина, О. И. Воспитание будущих «жен» и «матерей» в российской дворянской семье конца XVIII – первой половине XIX века / О. И. Лисицина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 3. – С. 15–34.
110. Литвак, Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: История и методика изучения источников / Б. Г. Литвак. – М. : Наука, 1989. – 252 с.
111. Логинов, И. Последний владелец Богдановского / И. Логинов // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» – М., 2006. – С. 228–235.
112. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 400 с.
113. Лукомский, В. К. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами / В. К. Лукомский, С. Н. Тройницкий. – СПб. : Издательство Вирд, 2004. – 191 с.

114. Лукомский, В. К. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов / В. К. Лукомский, Н. А. Типольт. – Пг. : Издание Императорского общества поощрения художеств, 1915. – 51 с.
115. Любимов, С. В. Князя Костровы / С. В. Любимов // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. – Псков, 1897. – С. 219–225.
116. Макеенко, Л. Н. России честь, надежда, щит: посвящается псковичам-героям Отечественной войны 1812 г. / Л. Н. Макеенко. – Псков : Псковская областная типография, 2012. – 151 с.
117. Макеенко, Л. Н. Род Голенищевых – Кутузовых / Л. Н. Макеенко // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» – М., 2006. – С. 108–111.
118. Макеенко, Л. Н. Сельцо Корытово и его владельцы / Л. Н. Макеенко // Псков. – 1998. – № 8. – С. 69–71.
119. Мальцева Т. Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине / Т. Ю. Мальцева. – М. : Русский путь, 1999. – 140 с.
120. Марасинова, Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) / Е. Н. Марасинова // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 21–33.
121. Марасинова, Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Марасинова Елена Нигметовна. – М., 2008. – 51 с.
122. Марасинова, Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. / Е. Н. Марасинова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 302 с.
123. Маркова, М. Т. Из истории псковского дворянства / М. Т. Маркова. – Псков : ПГПУ, 2008. – 172 с.
124. Маркова, М. Т. Основные направления деятельности Псковского дворянского депутатского собрания / М. Т. Маркова // Псков. – 2004. – № 20. – С. 74–79.

125. Масленникова, Н. Н. Землевладение на Псковской земле / Н. Н. Масленникова // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. – Л., 1989. – С. 97–106.
126. Масленникова, Н. Н. Землепользование на Псковской земле / Н. Н. Масленникова // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. – Л., 1989. – С. 154–160.
127. Масленникова, Н. Н. Псковская земля / Н. Н. Масленникова // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. – Л., 1978. – С. 87–112.
128. Материалы десятых Псковских архивных чтений 19 ноября 2015 года; сост. Н. И. Исакова. – Псков : ООО «Печатный двор “Стерх”», 2016. – 238 с.
129. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. : Текст, 1994. – 317 с.
130. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : Росспэн, 2001. – 576 с.
131. Милов, Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйство второй половины XVIII в.) / Л. В. Милов. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – 312 с.
132. Милов, Л. В. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. / Л. В. Милов // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. – Рига, 1961. – С. 99–101.
133. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I / П. Н. Милюков. – СПб. : Издание редакции журнала «Мир Божий», 1904. – 293 с.
134. Миронов, Б. Н. Время величия / Б. Н. Миронов // Родина. – 2001. – № 9. – С. 35–38.
135. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи,

гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дм. Буланин, 1999. – 548 с.

136. Михайлов, А. А. Белорусско-литовские и польские дворяне в родословной книге Псковской губернии / А. А. Михайлов, А. А. Шумков // Годнасьць. – 1994. – № 1(2). – С. 22–30.

137. Моисеев, С. В. Полоное в XVIII в. по архивным документам / С. В. Моисеев // Краеведческие чтения. Материалы X научной конференции. – Порхов, 2008. – С. 174–180.

138. Мордашев, А. И. Помещики и крестьяне Псковской губернии / А. И. Мордашев, В. П. Спасов // Псков. – 2004. – № 20. – С. 224–231.

139. Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок», 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. – Псков, 2005. С. 418–421.

140. Неупокоев, В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX вв. / В. И. Неупокоев. – М. : Наука, 1987. – 290 с.

141. Низовский, А. Ю. Самые знаменитые усадьбы России / А. Ю. Низовский. – М. : Вече, 2000. – 416 с.

142. Никифоров, В. Г. Из Михайловского в Тригорское / В. Г. Никифоров // Псков. – 2008. – № 28. – С. 122–126.

143. Никифоров, В. Г. К истории земельных владений порховских знакомых А. С. Пушкина Ладыженских (по геометрическим планам XVIII в.) / В. Г. Никифоров // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции, 25–26 сентября 2015 г. – Псков, 2016. – С. 134–145.

144. Никифоров, В. Г. План сельца Воскресенского / В. Г. Никифоров // Михайловская пушкиниана. – 2001. – Вып. 17. – С. 249–256.

145. Николаева, Л. М. О плодовом саде в Тригорском / Л. М. Николаева // Михайловская пушкиниана. – 2007. – Вып. 62. – С. 14–23.

146. Новиков, Н. С. «...Русский барин – и винокур, и хлебосол» / Н. С. Новиков // Михайловская пушкиниана. – 2007. – Вып. 44. – С. 83–90.

147. Новиков, Н. С. «Услыште глас страждущего от неправд...» / Н. С. Новиков // Михайловская пушкиниана. – 2007. – Вып. 44. – С. 30–34.
148. Новиков, Н. С. Деревня Зуево, что ныне сельцо Михайловское / Н. С. Новиков // Михайловская пушкиниана. – 2007. – Вып. 44. – С. 9–12.
149. Новиков, Н. С. Псковские усадьбы Ганнибалов / Н. С. Новиков // Михайловская пушкиниана. – 2007. – Вып. 44. – С. 111–117.
150. Носов, Б. В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-х гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Носов Борис Владимирович. – М., 1985. – 27 с.
151. Общий гербовник родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 3. СПб. : Библиотека «Звезды», 1992. – 150 с.
152. Овсянников, Ю. М. Картины русского быта / Ю. М. Овсянников. – М. : Аст-пресс, 2000. – 352 с.
153. Омельченко, О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России / О. А. Омельченко. – М. : Юрист, 1993. – 379 с.
154. Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII–XX вв.): очерки истории. – Псков : Филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2014. – 344 с.
155. Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII. Преобразования Петра I; под ред. Б. Д. Грекова и др. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. – 815 с.
156. Павленко, Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII – XVIII вв. / Н. И. Павленко // Вопросы генезиса капитализма в России. – Л., 1960. – С. 59–65.
157. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1990. – 591 с.
158. Павлов-Сильванский, Н. П. Государевы служилые люди: Люди кабальные / Н. П. Павлов-Сильванский. – М. : Крафт, 2000. – 288 с.

159. Панов, Н. А. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (материалы к истории г. Острова и его уезда) / Н. А. Панов. – Остров, 1913. – 418 с.
160. Пахоменкова, М. М. Дворянский род Львовых / М. М. Пахоменкова // Псков. – 2007. – № 26. – С. 25–32.
161. Пиотух, Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Пиотух Нина Валериевна. – М., 1999. – 184 с.
162. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. – М. : РОССПЭН, 2007. – 743 с.
163. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – Ростов : Феникс, 1997. – 576 с.
164. Платонова, Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX вв.: по материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Платонова Татьяна Валентиновна. – Саратов, 2002. – 213 с.
165. Порай-Кошиц, И. А. История русского дворянства от IX до конца XVIII века / И. А. Порай-Кошиц. – М. : Директ-Медиа, 2003. – 248 с.
166. Постников, А. Б. Благотворительные учреждения Пскова в XVI–XVIII вв. / А. Б. Постников // Псков. – 2000. – № 12. – С. 57–88.
167. Правящая элита Русского государства в IX – начале XVIII в.: очерки истории; под ред. А. П. Павлова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 548 с.
168. Преображенский, А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII – начала XIX в. / А. А. Преображенский // Вопросы истории. – 1977. – № 5. – С. 66–62.
169. Проскурякова, Г. В. Вольшовская старина: О родине – Псковском крае: из воспоминаний / Г. В. Проскурякова. – СПб. : СРП «Павел» ВОГ, 2008. – 189 с.

170. Псковская губерния и ее архив: история и современность: материалы науч.-практ. конф. 16 нояб. 2001 г.; сост. Т. В. Васютина, А. В. Филимонов. – Псков : Псковская областная типография, 2001. – 247 с.
171. Псковские губернаторы. История власти в лицах; сост. Е. Г. Киселева. – Псков: Стерх, 2005. – 79 с.
172. Псковский биографический словарь. – Псков : Псковский государственный педагогический институт, 2002. – 529 с.
173. Псковское наместничество. По материалам архива Псковского губернатора собрал Д. Лазарев. – Псков : Типография губернского правления, 1887. – 38 с.
174. Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2 / А. Н. Радищев. – М.; Л. : Издательство АН СССР, 1941. – 432 с.
175. Раев, М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи / М. Раев. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 304 с.
176. Развитие русского права во второй половине XVII–XVIII вв.; под ред. Е. А. Скрипилева. – М.: Наука, 1992. – 312 с.
177. Раскин, Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт / Д. И. Раскин // История крестьянства Северо-Запада России. – СПб., 1994. – С. 212–221.
178. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в.; под ред. А. Б. Каменского. – М. : РОСПЭН, 2016. – 432 с.
179. Рикман, В. Ю. Дворянское законодательство Российской империи / В. Ю. Рикман. – М. : ГЕРОЛЬДИЯ, 1992. – 118 с.
180. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы / Н. Г. Розов. – Великие Луки : Издательство Сергея Маркелова, 2011. – 385 с.
181. Романович-Славатинский, А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права / А. В. Романович-Славатинский. – СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1870. – 594 с.

182. Рубинштейн, Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк / Н. Л. Рубинштейн. – М. : Госполитиздат, 1957. – 495 с.
183. Рындзюнский, П. Г. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах I четверти XIX века / П. Г. Рындзюнский // Из истории крестьянства XVI–XIX вв. – М., 1955. – С. 75–89.
184. Савелов, Л. М. Лекции по генеалогии / Л. М. Савелов. – М. : Археографический центр, 1994. – 270 с.
185. Савицкий, И. В. Ведение родословной книги в Олонецкой губернии 1791–1841 гг. / И. В. Савицкий. – Петрозаводск : Издательство ПГУ, 2001. – 141 с.
186. Сахаров, А. Н. Общие проблемы исторической науки. О новых подходах в российской историографической науке. 1990-е годы / А. Н. Сахаров // История и историки. – 2002. – № 1. – С. 15–21.
187. Седунов, А. В. Административно-полицейские власти г. Пскова и Псковской земли в XVIII в. / А. В. Седунов // Псков. – 2004. – № 20. – С. 104–109.
188. Семевский, В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2 т. Т. 2 / В. И. Семевский. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1901. – 643 с.
189. Семевский, В. И. Пожалования населённых имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России / В. И. Семевский. – СПб. : Типография И. Н. Кушнеров и Ко, 1906. – 71 с.
190. Сивков, К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) / К. В. Сивков // Известия Тверского педагогического университета. – 1926. – Вып. 2. – С. 76–94.
191. Сизова, О. В. К вопросу об аграрном и промышленном предпринимательстве российских дворян в конце XVIII – первой половине XIX вв. / О. В. Сизова // Дискуссионные проблемы отечественной истории. – Арзамас, 1995. – С. 118–129.

192. Симакина, Г. А. Философовы / Г. А. Симакина // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». – М., 2006. – С. 218–227.
193. Сливинская, В. И. История села Залесье / В. И. Сливинская // Не прервется связь времен. – 2004. – Вып. 1. – С. 108–111.
194. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен (1762–1765). Кн. 8 / С. М. Соловьев. – М. : АСТ, 2005. – 434 с.
195. Софийский, Л. И. Г. Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.) / Л. И. Софийский. – Псков : Псковская областная типография, 2004. – 211 с.
196. Старинные усадьбы Бежаницкого района и их владельцы; под ред. Г. А. Микрюкова. – Великие Луки : Великолукская городская типография, 2004. – 26 с.
197. Степанов, В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1794) / В. П. Степанов. – СПб. : Академический проект, 2003. – 832 с.
198. Сурмина, И. О. Самые знаменитые династии России / И. О. Сурмина, Ю. В. Усова. – М. : Вече, 2002. – 480 с.
199. Тимофеев, В. Д. В борьбе за голос благородного дворянина: электоральные практики в России на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. / В. Д. Тимофеев // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 4 (16). – С. 45–57.
200. Тимошенкова, З. А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVI – начала XVIII века / З. А. Тимошенкова. – Псков : ПГПИ, 1999. – 260 с.
201. Тихонов, Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII – XVIII вв.: сосуществование и противостояние / Ю. Н. Тихонов. – СПб. : Летний сад, 2005. – 448 с.
202. Тихонов, Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. / Ю. А. Тихонов. – М. : Наука, 1974. – 334 с.

203. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. / С. М. Троицкий – М. : Наука, 1974. – 396 с.
204. Узенева, Ю. Н. К вопросу о хозяйственной жизни Тригорского в 1850-е гг. / Ю. Н. Узенева // Псков. – 2015. – № 42. – С. 118–120.
205. Узенева, Ю. Н. Основные статьи доходов и расходов в Тригорском в 1850-е гг. / Ю. Н. Узенева // Михайловская пушкиниана. – 2015. – Вып. 64. – С. 223–227.
206. Фаизова, И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии / И. В. Фаизова. – М. : Наука, 1999. – 222 с.
207. Хоруженко, О. И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. / О. И. Хоруженко. – М. : Квадрига, 2013. – 410 с.
208. Хоруженко, О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России / О. И. Хоруженко. – М. : Наука, 1999. – 419 с.
209. Худушина, И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.) / И. Ф. Худушина. – М. : ИФ РАН, 1995. – 232 с.
210. Черненко, Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. / Д. А. Черненко. – Вологда : Древности Севера, 2008. – 224 с.
211. Черненко, Д. А. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII – XVIII вв. / Д. А. Черненко, А. Л. Грязнов // Особенности российского исторического процесса. – М., 2009. – С. 204–219.
212. Черников, С. В. Правящая элита России 1700 – 1762 гг.: влияние демографических факторов на развитие родовой собственности / С. В. Черников // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: – Брянск, 2018. – С. 58–60.

213. Чечулин, Н. Д. Русское провинциальное общество второй половины XVIII в. / Н. Д. Чечулин. – СПб., 1889. – 115 с.
214. Чижова, В. В. Выборы от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тверской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чижова Вера Владимировна. – Тверь, 2001. – 25 с.
215. Шватченко, О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I / О. А. Шватченко. – М. : ИРИ, 2002. – 392 с.
216. Шепелев, Л. Е. Особенности образования новых служилых дворянских родов в XVIII – начале XX вв. / Л. Е. Шепелев // Генеалогические исследования. – М., 1994. – С. 69–75.
217. Шепелев, Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX вв. / Л. Е. Шепелев. – СПб : «Искусство – СПб», 1999. – 479 с.
218. Шепукова, Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. / Н. М. Шепукова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. – Вильнюс, 1964. – С. 402–419.
219. Шестаков, М. В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шестаков Максим Валерьевич. – Тамбов, 2006. – 365 с.
220. Шмидт, С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX вв. / С. О. Шмидт // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX вв. – М., 2002. – С. 35–49.
221. Щепетов, К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков: по материалам Шереметьевских вотчин / К. Н. Щепетов. – М. : Учпедгиз, 1963. – 100 с.
222. Юрчук, К. И. Помещичье промышленное предпринимательство в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / К. И. Юрчук. – Ярославль : ЯрГУ, 1992. – 105 с.

223. Юферова, С. В. Вольное Экономическое Общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юферова Светлана Владимировна. – М., 1993. – 24 с.

224. Яблочков, М. Т. История дворянского сословия в России / М. Т. Яблочков. – СПб. : Типография А. М. Котомина, 1876. – 680 с.

225. Ясман, З. Д. Попытки введения улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах второй половины XVIII в. / З. Д. Ясман // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1965. – С. 246–255.

Приложение 1

Таблица 1

Структура владений дворян в Псковском и Пусторжевском уездах в 1737 г.

д.м.п. на владение	помещиков	%	у них д.м.п.	%	в среднем д.м.п. на владельца
1 – 20	1032	67,7	9364	22,9	9
21 – 100	432	28,35	18600	45,4	43
101 – 500	58	3,81	9833	24,0	167
501 – 1000	1	0,07	624	1,5	624
1000 – 2000	1	0,07	2526	6,2	2526
Всего	1524	100	40947	100	27

Источник: Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

Таблица 2

Структура владений дворян в Великолукском уезде в 1737 г.

д.м.п. на владение	помещиков	%	у них д.м.п.	%	в среднем д.м.п. на владельца
1 – 20	479	54,4	3716	8,3	8
21 – 100	286	32,5	13088	29,2	46
101 – 500	108	11,9	20915	46,7	194
501 – 1000	4	0,5	2478	5,5	620
1000 – 2000	4	0,5	4634	10,3	1159
Всего	881	100	44831	100	51

Источник: Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

Таблица 3

Состав сковских помещиков в начале XVIII в.

Помещики	И.О.	Уезд	Селение		Примечания
			Тип	Название	
Агарковы	Федор	Торопецкий	сельцо	Фишово	
	Елисеевич Иван Елисеевич	Торопецкий	сельцо	Максимовское	
Алексеевы	Василий Иванович	Островский	сельцо	Воросово	
Апраксины	Петр Матвеевич	Опочецкий	деревня	Натокина	
Апрелевы	Михаил Антонович	Пусторжевский	сельцо	Скоряново	
Афросимовы	Василий Ермолаевич	Пусторжевский	деревня сельцо	Крем Богаткино	
Бедринские	Семен Филиппович	Опочецкий	деревня	Белшино	3 двора крестьянских 1 двор вдова
	Дарья Афанасьевна	Опочецкий Пусторжевский Псковский	деревня деревня сельцо	Гаврильцова Матюшкино Остеницы	
Беклемишевы	Марфа Ивановна	Пусторжевский	сельцо	Заход	
Беклешовы	Богдан Иванович	Островский	сельцо	Федосьино	
		Островский	сельцо	Степашино	
		Островский	сельцо	Халкогино	
		Островский	сельцо	Старино	
		Островский	сельцо	Зувщина	
		Островский	деревня	Бородино	
		Островский	деревня	Жеговская	
Бешенцовы	Афанасий Семенович	Псковский Опочецкий	сельцо сельцо	Рачава Давытково	«а в том сельце двор помещицкой и дворовые люди на месечине», бывшая пустошь отдал полусельцо в приданное за сестру
	Григорий	Пусторжевский	деревня	Зайцово	

	Иванович Моисей Егупович	Псковский Псковский Пусторжевский	полусельцо деревня деревня	Росилово Горкина Романово	«досталась по мене» от Ф. П. Непенина 5 дворов
Бибиковы	Федор Васильевич Константин Петрович	Пусторжевский	сельцо	Малаково	проживал в вотчинном сельце Рожнове Великолукского у. вновь поселенное
		Пусторжевский	сельцо	Мокрое	
	Дмитрий Константинович	Пусторжевский	полусельцо	Золотухино	
	Иван Васильевич	Великолукский	сельцо	Андрошково	
Бороздины	Богдан Петрович	Пусторжевский	сельцо деревня	Слигино Клюки	
Бочкины	Иван Васильевич	Опочецкий Опочецкий Опочецкий	сельцо сельцо полусельцо	Сорочиево Королихино Клемешки	был «двор помещиков» где жил «старинной дворовой человек на месячине»
Брылкины	Марья Михайловна	Островский	сельцо	Рожново	вдова, проживала вместе с матерью П. Ногиной 5 дворов
	Пасковья Василий Сидорович	Островский Опочецкий	деревня деревня	Брянцова гора Леоново	
Бухвостовы	Марк Иванович	Пусторжевский	сельцо	Сехино	передал Воину Флоровичу в совладении с братом Артемьем
	Семен Борисович	Пусторжевский	сельцо	Горбочи	
	Сидор Моисеевич	Пусторжевский	сельцо	Долосцо	
	Степан Михайлович	Островский Островский Опочецкий	деревня деревня сельцо сельцо	Омельяново Шутихино Слинково Тарасово	
Валуевы	Мирон	Псковский	сельцо	Андрейково	

	Иванович				
Великопольские	Федора	Островский	сельцо	Подтополье	вдова
Вельяминовы	Андрей Алексеевич	Псковский Псковский	сельцо сельцо	Сколько Харузино	
Веригины	Яков Яковлевич	Торопецкий	сельцо	Семивье	
Глазовы	Кузьма Борисович Петр Иванович	Островский Опочецкий	сельцо сельцо	Леявино Иназино	бывшая деревня, где он жил вместе с братом Северьяном
Голенищевы- Кутозовы	Семен Михайлович	Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Островский Островский	сельцо сельцо сельцо сельцо деревня деревня	Чистая Ямище Резаново Наумовская Зеркалово Соловятина гора	так же был двор в Торопце 4 двора (бывшая деревня) 3 двора бывшее сельцо
	Матвей Иванович	Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий	деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня полсельца деревня деревня деревня деревня деревня деревня	Корбехина Альховкин Ветрово Черногубова Аристов Мордилова Босорыгиной Нароево Конищева Перемилово Старково Зубакинская Жеребцово Ступино Старково Семеновская Костнова Гритковская Микулино	крестьян перевел к себе в в Торопецкой у. из других владений бывшая пустошь
	Алексей Иванович	Островский Островский Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий	деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня	Старково Семеновская Костнова Гритковская Микулино	над р. Торопою
	Юрий Иванович	Торопецкий	сельцо	Микулино	бывшая деревня над р. Торопою

	Василий Иванович Федор Павлович	Торопецкий	деревня	Зубакинская	в совладении с Федором Васильевичем
		Торопецкий	деревня	Альховкина	
		Торопецкий	сельцо	Ереминское	
		Торопецкий	сельцо	Толстоухово	
		Торопецкий	деревня	Дехтеревск	
		Торопецкий	пустошь	Мшениц	
		Торопецкий	деревня	Моржево	
		Торопецкий	деревня	Агафонатова	
		Торопецкий	деревня	Анелыхина	
		Торопецкий	деревня	Миртошина	
	Иван Павлович Никита Савинович	Торопецкий	деревня	Церковищи	
		Торопецкий	сельцо	Васюково	
		Торопецкий	деревня	Боброво	
		Торопецкий	деревня	Скработнева	
	Федор Васильевич	Торопецкий	деревня	Петрушино	
Торопецкий		сельцо	Полишино		
Торопецкий		деревня	Полдемова		
Иван Володимирович Иван Федорович Иван Степанович Михаил Васильевич Кирьяк Феоктистович	Торопецкий	деревня	Левшино	бывшая пустошь двор	
	Торопецкий	деревня	Зыковская		
	Торопецкий	деревня	Сидоровская		
	Торопецкий	деревня	Анишино		
	Торопецкий	деревня	Филипова		
	Торопецкий	деревня	Фишова		
	Торопецкий	сельцо	Манушкино		
	Торопецкий	сельцо	Ополинское	6 дворов в совладении с Яковом где «живут из месечины дворовые люди в особых избах для утеснения»	
	Торопецкий	сельцо	Кобелево		
	Торопецкий	сельцо	Цылово		

	Федор Иванович Парасковья Афонасьевна	Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	деревня деревня деревня деревня сельцо деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня деревня	Зыковская Корзова Федорково Кошковская Федоровское Малафева Мысково Лутово Трухново Сысоево Савостьяново Беликово Конопелкино Глазатой Слобода	новопоселенная на пустоши, где «двор крестьянской переведен» из дер. Пещивицы 2 двора
Горяиновы	Кирилл Михайлович Федор Михайлович		деревня полдеревни	Лосковская Стефаново	
Давыдовы	Емельян Поликарпович Ульян Евдокимович	Островский Островский	деревня деревня	Брякушино Панюгино	в совладении с братом Иваном в совладении с братом Яковом
Деденевы	Иван Лукич	Опочецкий	сельцо	Пятково	
Долгоруковы	Алексея Васильевича	Торопецкий Торопецкий Торопецкий	деревня деревня деревня	Ермолинская Черногузова Захарова	
Дубровские	Митрофан Исаевич Иван Исаевич	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	сельцо сельцо сельцо деревня деревня	Афоносково Иванково Новое Гришино Теремец	у озера Исаева на р. Исаевке «приезжей двор помещика» в совладении с братом Степаном Тимофеевичем

	Матвей Агафонович Леонтий Иванович Петр Иванович	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	полдеревни сельцо сельцо полсельца	Косарово Федково Кебино Брылева	проживал он в сельце Бораново в совладении с братьями Давыдом и Яковом
	Иван Тимофеевич Агафон Исаевич Василий Агафонович Иван Иванович	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Островский Островский Пусторжевский	деревня сельцо сельцо сельцо сельцо деревня сельцо сельцо деревня сельцо	Лехново Макушово Долгое Турово Зенково Судерева Гритково Добродубское Савино Царево Рублево Боброво	бывшая пустошь на р. Нутрой
Елагины	Фома Ульянович Василий Григорьевич	Опочецкий Пусторжевский	деревня сельцо	Горючкова Кривицы	досталась ему в приданное за женой
Еремевы	Семен Дмитриевич	Псковский Островский Островский	деревня сельцо деревня	Сизикова Козьяново Мишково	
Ефросимовы	Иван Васильевич Григорий Борисович	Пусторжевский Пусторжевский Островский	сельцо сельцо деревня	Чюнево Минино Детково	бывшая деревня
Забелины	Федор Филимонович	Островский Островский Островский	сельцо деревня деревня	Трубаново Орлово Медветково	бывшая пустошь
Зубатые	Иван Ермилевич	Опочецкий	пустошь	Игнатьево	где «поселен у него себе двор во дворе он Иван 13, у его отец Ермил 65 вдов, брат Василей 9, сестра Матрена 11, 3 работницы девки»

	Дмитрий Филиппович	Опочецкий Пусторжевский	сельцо сельцо	Лоповица Заречье	
Карамышевы	Антоний Федорович Федор Герасимович	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	сельцо деревня сельцо сельцо	Суслово Васильево Луг Филково	в совладении с Иваном Федоровичем
Карауловы	Андрей Иванович	Пусторжевский	сельцо	Данилово	
Карповские	Матвеей Федорович Иван Захарьевич Михаил Захарьевич Киприян Потапович Иван Степанович	Псковский Опочецкий Опочецкий Опочецкий Псковский Пусторжевский	сельцо сельцо сельцо деревня сельцо деревня	Петряшино Амшениково Воторопино Мышино Кушейкино Перхово	бывшая пустошь в совладении с Михаилом Захарьевичем в совладении с Иваном Захарьевичем
Кауровы	Иван Григорьевич Кузьма Григорьевич	Псковский Псковский	сельцо сельцо	Пески Жезло	
Квашнины- Самарины	Иван Иванович	Островский	сельцо	Гнилки	
Княжнины	Иван Стафеевич Андрей Панфилович Богдан Степан Сергеевич Нестор Никитич Лаврентий	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Островский	сельцо сельцо деревня сельцо сельцо деревня сельцо деревня	Мышково Вешелово Калинино Шелутково Ракулино Рогово Машатино Емельяново	в совладении с Сергеем и Стахеем в совладении с М. А. Апрелевым

	Миронович				
Кожевниковы	Иван Иванович	Псковский Опочецкий	сельцо усадище	Поречье Телятниково	
Козляниновы	Мина Федорович Гаврила Наумович	Островский Опочецкий	сельцо деревня	Тетерино Будаево	
Козодавлевы	Василий Васильевич	Опочецкий Опочецкий Опочецкий Опочецкий Опочецкий Опочецкий	сельцо деревня деревня деревня деревня деревня полусельцо	Ступино Подельно Отаиха Васково Подъельно Окунево Клемешино	
Кокошкины	Иван Михайлович Аграфена	Островский Пусторжевский	деревня сельцо	Семенкино Кривосенце	
Коновницыны	Иван Иванович	Псковский Островский	село сельцо	Негть Климово	на р. Ладе
Корсаковы	Иван Гаврилович	Пусторжевский	сельцо	Яковлевское	жил в Порховском у.
Кустовы	Силуян и Феоктист	пригород Изборск	усадище	Петровское	совладение
Кутузовы	Александр Васильевич Федор Иванович Марья Кириловна	Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий	сельцо сельцо деревня деревня деревня	Рогачево Городок Евсеевская Заборье Бриткова	бывшая деревня вдове 4-я доля
Кушелевы	Леонтий Михайлович Сергей Никитич Глеб Андреевич	Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий	деревня сельцо деревня сельцо	Рогова Прошково Кузмино Торопцой	бывшая пустошь в совладении с братом Егором

Ладыгины	Игнатий Андрей Матвеевич	Опочецкий Опочецкий	сельцо деревня	Климонтово Большое Кочаново	в совладении с Федором
Ланские	Артемий Григорьевич	Пусторжевский	сельцо	Великополье	
Лихаревы	Митрофан Федорович	Порховский	сельцо	Заполье	
Лодыженские	Гаврила Никифорович	Псковский Псковский	деревня деревня	Замошье Симанково	
Ломаковы	Тимофей Захарьевич Прокофий Ефремович	Опочецкий Опочецкий Опочецкий	сельцо сельцо деревня	Рясино Слакино Смедеево	2 двора
Лутохины	Иван Григорьевич	Пусторжевский	деревня	Верхняя Болотница	
Львовы	Лазарь Афанасьевич	Пусторжевский	сельцо	Кликуново	
Микулины	Семен Григорьевич	Пусторжевский	деревня	Боравицы	проживал в сельце Рышкино Луцкого у.
Монастыревы	Гаврила Иванович Дмитрий	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	сельцо деревня деревня	Богдановское Кохново Заполье	в совладении с братом Иваном 2 двора
Нагины	Иван Борисович Василий Борисович Прасковья Андрей Яковлевич Кузма Агафон Петрович Илья Яковлевич	Псковский Изборский Псковский Псковский Изборский Островский	деревня деревня сельцо деревня сельцо деревня деревня	Захново Волынец Осипово Сохи Патрушево Панево Погорье	3 двора в совладении с братом Василием досталась в 1705 как приданное за женой. двор пуст, вдова 1 двор, совладение

			село село	Медветково Тетерино	
Назимовы	Иван Иванович Игнатий Фомич Иван Афанасьевич	Псковский пригород Изборск Пусторжевский Псковский	село усадище село деревня	Жагово Подгорье Фомино Симаниха	проживал в селе, так же за ним «усадище у Николы в Устье в Подлинье» досталось по купчей от его тестя. проживал в Луцком уезде в «селе Борадине».
Нееловы	Александр	Псковский	село	Новоселки	
Неклюдовы	Илья Иванович Матвей Иванович Марья Савва Лукич	Островский Островский Опочецкий Опочецкий Опочецкий Островский Островский	деревня деревня деревня усадище усадище село село	Прощелькино Ермолино Дорошево Волосово Оксеново Опанкино Завоудино	вдова
Непейцыны	Петр Андреевич Федор Петрович	Опочецкий Торопецкий	усадище село	Белево Хатилицы	
Нефьевы	Яков Богданович Алексей Ильич	Псковский Псковский	село село	Фомино Музенево	у него же в совладении с И. Назимовым была д. Устиново Пусторжевского у.
Окуневы	Афанасий Афанасьевич Алексей Афанасьевич Александр Афанасьевич Михаил	Псковский Псковский Псковский Псковский	село село село село	Шипачево Саково Дыхлово Быстерско	на р. Черехе на р. Черехе в совладении с Т. Д. Симанским и И. Т. Дубровским

	Иванович				
Полибины	Василий	Опочецкий	деревня	Хомутова	
Пороховы	Семен	Псковский	деревня	Урново	
Протопоповы	Аврам Иванович	Псковский	сельцо	Скрытниково	
Путятины	Тимофей Никитич	Пусторжевский	деревня сельцо	Лыцкова Никитинское	
Раздеришины	Ульян Сергеевич	Опочецкий	деревня	Тупицыно	в совладении с М. У. Елагиным
Рокотовы	Яким Прокофьевич Евстигней Львович Авдотья	Опочецкий	пустошь	Плешнево	построил крестьянский двор построил дворянский двор вдова, проживала вместе с детьми
		Опочецкий	деревня	Савино	
		Опочецкий	сельцо	Корешево	
Селины	Анна Борисовна	Пусторжевский	сельцо	Мосеево	вдова, 2 доли даны ей в прожиток
Сергеевы	Сергей Григорьевич	Пусторжевский	сельцо	Калистово	
Сनावидовы	Кирилл Богданович Антон Богданович	Опочецкий	сельцо	Ивановское	бывшая пустошь
		Опочецкий	сельцо	Ильино	а так же в разных губах 6 дворов крестьянских
Сумороковы	Михаил Иванович	Пусторжевский	деревня	Дейково	бывшая пустошь в совладении с Богданом
	Захарий Иванович Алексей Федорович	Пусторжевский	село	Гришино	
		Опочецкий	деревня	Марьино	
Сумороцкие	Родион Иванович Григорий Иванович Семен Андреевич	Пусторжевский	сельцо	Старожня	бывшая пустошь, в совладении с Семеном и Петром Андреевичами проживал с женой и сыном «крестьяне бежали за польской рубеж»
		Опочецкий	пустошь	Тиханово	
		Островский	пустошь	Гористица	
Сумороцкие		Островский	деревня	Гречирино	бывшая пустошь, в совладении с Семеном и Петром Андреевичами проживал с женой и сыном «крестьяне бежали за польской рубеж»
		Островский	сельцо	Артемово	
		Островский	сельцо	Молоствово	
		Островский	сельцо	Зеленино	
		Островский	сельцо	Иголкино	

	Иван Афанасьевич Василий Васильевич Михаил Васильевич	Опочецкий Опочецкий Островский Псковский	сельцо деревня деревня сельцо	Яркушево Михайлова Гора Пехово Беляево	
Сырохновы	Ефрем Петрович	Псковский	сельцо	Белохново	от роду 11 лет
Татищевы	Иван Никитич Степан Васильевич	Опочецкий Опочецкий	сельцо деревня	Копытово Копылова	бывшая деревня
Тимошевы	Иван Никитич	Островский	усадище	Марково	
Толстые	Василий Богданович	Псковский	сельцо	Стефаново	«отдал М. Овцыну в приданное за дочерью Анной»
Ушаковы	Иван Наумович Федор Максимович	Псковский Пусторжевский	сельцо деревня сельцо	Бобаево Шахматово Белавино	
Харламовы	Василий Григорьевич	Псковский	сельцо	Турья Гора	
Хвостовы	Степан Иванович	Опочецкий	деревня	Шутово	
Хотяинцовы	Иван Варфоломеевич	Опочецкий Опочецкий	деревня деревня	Дубинино Калитина	
Челищева	Михаил Фодеевич	Торопецкий	сельцо	Фотеевское	
Чиркины	Радион Осипович Алексей Григорьевич	Псковский Опочецком	сельцо сельцо	Загряжье Говядово	
Чихачевы	Иван Юрьевич Андрей Юрьевич	Пусторжевский Пусторжевский	сельцо сельцо	Еремино Пехнове	записаны дворовые люди

	Ларион Семенович Иван Федорович Данил Анкудинович Алуфер Ларионович	Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский	деревня деревня деревня сельцо сельцо сельцо	Попково Федков погост Церковища Орлово Стрежново Красное	проживал в сельце Кузнецово Торопецкого у. «дворовые месячные люди»
Шаховские	Лука Дмитриевич Тарас Иван Андреевич Никита Юфимьевич Андрей Иванович Иван Гаврилович Борис Гаврилович Осип Аверкиевич	Пусторжевский Псковский Пусторжевский Пусторжевский Пусторжевский Торопецкий Пусторжевский Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий Торопецкий	деревня сельцо деревня сельцо сельцо сельцо деревня сельцо сельцо пустошь деревня	Загяtkово Степаново Медведово Самсониха Журково Плуженицы Замошья Бусово Плахино Кокорево Артемовская Лопатино	7 дворов «новоприбылое» досталась в приданое за женой бывшая пустошь
Шишкины	Алексей Афанасий Давыдович Гаврила Алексеевич	Псковский Псковский Пусторжевский	сельцо сельцо деревня	Сенитково Подманатье Майково	недоросль
Шереметевы	Владимир Петрович	Островский	деревня	Кавлишово	
Шетневы	Семен	Торопецкий	деревня	Евсеевская	четвертая доля

	Петрович				
Шушеринь	Гаврила Григорьевич	Пусторжевский	деревня	Гаривица	
Щербинины	Алексей Михайлович	Опочецкий Опочецкий	сельцо деревня	Степановское Степановка	
Ярышкины	Кузьма Семенович	Пусторжевский Пусторжевский	сельцо сельцо	Пель Махново	в совладении с братом Михаилом

Источник: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179, 8180, 8181, 8399, 8506, 8508, 8509, 8510.

Таблица 4

Структура владений дворян в Псковской провинции в 1756 г.

д.м.п. на владение	помещиков	%	у них д.м.п.	%	в среднем д.м.п. на владельца
1 – 20	303	44	2742	4	9
21 – 100	235	34	11941	16	51
101 и более	155	22	58062	80	375
Всего	693	100	72745	100	105

Источник: Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящемся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.

Таблица 5

Владения дворян Псковского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
				пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Вешняков П.Н.	луг	без названия	265,9	5,1	227,9	31,4	—
Волкова М.А.	пустоши	Новова и др.	77,9	46,2	—	13,8	—
Волкова М.А.	деревня	Мецля	38,2	20,9	—	14,1	3,1
Кармолин П.А.	деревня	Снопово	217,5	62,6	137,1	14,1	0,2

Коведяев А.И.	деревня	Губино	6,1	5,4	—	0,7	—
Корсаков И.И.	деревня	Шквары	40,1	30,4	2,1	6,6	—
Опперман К.И.	деревни	Манцово и др.	1926,9	1092,6	50,1	146,4	—
Плещеев В.С.	деревня	Кикишево	124,4	43,1	61,1	15,1	1,3
Рябова А.А.	пустошь	Рыскина	53,9	28,8	20,1	4,4	—
Стакельберг И.К.	пустошь	Бехтерево	48,3	12,9	27,5	7,4	—
Стакельберг И.К.	пустошь	Суходолжина	23,3	16,3	2,8	3,7	—
Стакельберг И.К.	сельцо	Кашино	150,3	62,9	14,9	61,3	3,9
Шишкова А.Л.	деревня	Воробьево	19,4	—	—	19,4	—
Голенищевы- Кутузовы М. и С.	сельцо	Ершово (Ляболь)	56,3	46,9	—	4,3	1,4
Мартынова М.С. и Пахомов П.Н.	пустошь	Касихново	21,3	8,4	12,4	1,3	—
Тишиной А.М. и А.К. Трофимовой	деревня	Овчинкина	17,2	12,1	—	3,9	0,4

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 317, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 413, 426б, 432, 441; Оп. 3. Д. 47, 48.

Таблица 6

Владения дворян Порховского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Бибиков П.И.	пустошь	Маркова	69,7	1,4	59,8	7,1	—
Васильчикова К.Л.	деревня	Быстерская	132,9	66,9	60	—	2
Васильчикова К.Л.	сельцо	Рвы	4430,1	680,1	3490,8	180,1	19,1
Вельяшева А.А.	сельцо	Терепнино	143,5	125	4	10	2
Кожин А.О.	деревня	Тосницы	461,5	144,8	225,9	84,1	5,1
Крекшин И.И.	сельцо	Мелькицы	400,9	251,9	85	48	8
Ладыженский С.Н.	сельцо	Горы	245,4	188,3	21,5	29,1	2,2
Овцына Т.А.	сельцо	Покровское	453,4	50	340,9	12,6	0,5
Палмон П.В.	сельцо	Глездово	26,6	14,4	—	9,6	2,4

Путятин В.Е.	сельцо	Дубышни	1820,8	713	1025,8	48	10
Строганова Н.М.	пустошь	Федосова	95,8	—	54,8	40	—
Шубины В.В., А.В.	деревня	Дубья	419,6	326,5	70	15	3
Векшинские И.Ф., А.Ф. и Ф.С.	деревня	Балашута	335,6	235,3	53,3	37,3	2
Крекшин И.И. и Савинкова М.М.	деревня	Большое Заречье	682,1	150	421	100	4
Володимиров Е.И., Любимовы А. и Л., Кобелева Д. А.	сельцо	Струги	129,4	110,6	4	2,2	2
Деденевы А.В. и М.А., Балавенская К.О.	сельцо	Подборовье	335,6	60	150,6	10	3
Мордвинов М.И. и Балавенская Л.М.	деревня	Рапцы	320,4	217,1	26	50	6
Мордвиновы М.И. и Н.М., Лаврова В.Е.	деревня	Селище	470,7	224,4	194,2	40	4
Зиновьев П.П. и Бибилов П.И.	пустошь	Сменкова	76,3	15,3	41,8	18,2	—
Бороздин Н.М. и Храповицкая С.А.	деревня	Никонова	1151,3	489,5	635,6	18	3

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 321; 324, 326, 327, 331, 332, 335, 342, 343а, 344, 346, 348, 350, 352, 354, 355а, 356, Оп. 3. Д. 41, 42.

Таблица 7

Владения дворян Опочецкого уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Креницына Е.Д.	пустошь	Казюмина	13,8	5,6	0,3	4,7	—
Любимова Е.И.	сельцо	Аксеново	648,2	324,7	195,1	55,5	13,7
Свешников А.И.	деревня	Катова	105,3	39,6	61,1	1,6	1,6
Сумороцкий Я.Г.	сельцо	Ергушево	626,2	216,9	281,4	107,1	2,5
Расихин К.Н. и Клокачев А.Ф.	деревни	Лямонова и др.	7240,8	655,2	6124,1	45,4	38,4
Яхонтовых О.И., И.З., Ганнибал У.Е.	деревни	Бахирева и др.	1230,9	57,1	916,8	18,4	6,5

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 179, 184, 190; Оп. 3. Д. 19, 20; Оп. 4. Д. 14.

Таблица 8

Владения дворян Великолукского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Абрютин И.В.	селище	Ермолино	11,1	0,9	9,9	—	—
Абрютина А.М.	сельцо	Пузово	89,9	67,4	18,6	—	3
Алексеев Г.Н.	деревня	Воронцово	105,2	28,3	73,3	1,1	1,1
Борисова А.Б.	пустошь	Грихнова	21,5	—	21,3	—	—
Лавров П.С.	деревня	Гушино	198,1	176,2	—	18,7	1,2
Лавров П.С.	пустошь	Олухова	26,6	16,6	9,7	—	—
Нелединская А.А.	пустошь	Захарина	15,9	7,9	7,9	—	—
Нелединская А.П.	деревня	Вороново	64,3	45,6	12,1	3,1	2
Поздеев А.А.	пустошь	Кондахова	35,9	—	34,6	—	—
Саврасов И.Ф.	пустошь	Подберезье	26,7	5,7	20,4	—	—
Слепина Е.Е.	деревни	Леонова и др.	106,4	85,3	16,1	—	3
Смирнов М.П. и Креницын Н.С.	пустошь	Битиково	70,5	52,7	—	8,7	—
Сушкова Ф.И., Сушкова С.П. и Пуцин К.П.	сельцо	Макеево	193,5	71	100,3	5,8	1,5

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 27, 36, 37, 45, 46; Оп. 4. Д. 3, 4, 5.

Таблица 9

Владения дворян Островского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Беклешов С.А.	деревня	Урусова	142,8	64,5	50,1	25	4
Бороздин Н.С.	сенные покосы	без названия	18,3	0,9	8,9	7,9	—

Вохин С.П.	сельцо	Никоново	260,5	142,3	95,1	9	5,4
Дубровский А.Д.	сельцо	Рублево-Царево	1036,7	728,4	151,5	92,1	13
Изъединов М.А.	пустошь	Ишутина	623,9	22,8	560,9	36,2	—
Изъединов М.А.	деревни	Анкина и др.	731,3	109,6	555,6	59,4	2,1
Караулов П.П.	пустошь	Еремина	56,5	—	39	—	—
Куракин А.Б.	деревня	Сысоева	49,6	2,4	37,1	10,8	—
Куракин А.Б.	деревня	Климово	47,8	20	16,1	10	0,5
Лешнин А.С.	сельцо	Растратово	726,1	345,9	254,8	98,4	12,6
Лопухин П.И.	пустошь	Волкова	172,6	—	171,6	—	—
Лукомский Н.Я.	деревня	Морозова	370,2	67,2	214,6	16,1	2,2
Львов И.И.	пустошь	Токарева	21,4	—	19,5	1,9	—
Мусина-Юрьева М.П.	деревни	Кузнецова и др.	1756,1	902,4	740,8	75,3	21,1
Нагин Ф.С.	деревня	Острадава	50,9	39,5	7,2	3,1	1,1
Нагин С.И.	пустошь	Седельникова	70,2	10,1	7,5	51,6	—
Назимова Е.Л.	деревня	Дуплево	54,1	45,5	2	4,4	1
Назимова Е.Л.	пустошь	Овсянникова	33,3	5	27,3	0,5	—
Назимова Е.Л.	пустошь	Федосово	51,8	38,4	12,1	—	—
Неклюдов М.М.	деревня	Плещеева	539,2	134,5	369,9	29	2,4
Неклюдов М.М.	пустошь	Вырыпаева	58,3	52,2	—	2,4	—
Неклюдова А.П.	пустошь	Селище	30,1	19,3	—	—	—
Неклюдова П.М.	деревня	Жердино	820,1	150	576,4	72	3,3
Неклюдова Е.М.	пустошь	Орешина	23,5	2,5	19,5	1	—
Рахманов П.А.	деревня	Лучкина	132,3	84,5	28	17	1,1
Симанская К.Г.	деревня	Турчаниново	46,9	28,8	7,5	9,6	0,5
Симанский А.Л.	деревни	Феодоровская	378,7	306,2	45	21	1,5
Ширванова Л.К.	пустошь	Салохнова	152,6	1,9	143,9	5,6	—
Шишкова А.Л.	пустошь	Аливанова	37,6	—	29,4	6,5	—
Яхонтов Н.А.	деревня	Алексикова	730,9	70,8	220,1	85,5	2
Назимова М.С., Симанский Л.И.	пустошь	Ванева	67,1	14,7	51,2	1,1	—

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296, 297, 298, 301, 312; Оп. 3. Д. 26, 27, 34, 38, 39, 40; Оп. 4. Д. 17, 20, 24.

Таблица 10

Владения дворян Холмского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Крыжова И.А.	сельцо	Кузелкино	636,9	104,3	458,3	38,9	1
Манкошева Е.И.	деревни	Замошье и др.	2632,1	152,8	2057,5	13,8	3,2

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58, 59.

Таблица 11

Владения дворян Торопецкого уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Алексеев Г.Н.	деревня	Ветелки	81,1	18,8	41,9	17,9	0,5
Караулов П.П.	сельцо	Покровское	1214,1	206,9	739,1	9,3	4,2
Хмелев А.С.	сельцо	Воробьево	1568,9	852,4	645,8	83,7	15,5

Источник: ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53, 54, 57.

Таблица 12

Владения дворян Новоржевского уезда в последней четверти XVIII в. по межевым книгам и планам

владелец	дача		всего удобной и неудобной земли, дес.	из них, дес.			
	вид объекта	название		пашни	леса	сенного покоса	под поселением и огородами
Алексеев В.Г.	деревня	Сипова	220,4	133,6	62,5	17	3
Алексеев Г.Н.	пустошь	Сорокина	32,8	30,8	0,4	1	—
Байкова К.Г.	пустошь	Борискова	34,7	14	18,6	1	—
Бороздин М.К.	деревня	Осиноватицы	88,4	21,3	61,8	—	0,5
Бороздин М.К.	пустошь	Починка	14,9	10,4	2,2	2,3	—
Бороздина А.В.	пустошь	Большая Волкова	198,7	53,3	138,5	4,9	—
Брылкин Д.К.	полдеревни	Вараксина	97,7	58,9	30,2	6	1,2
Бухвостов Г.Е.	сельцо	Сехино	181,9	63,8	83,9	18,9	2,8
Буцковская Т.Н.	деревня	Минина	196,1	120,2	66	5	2,1
Голенищева-Кутузова Н.Б.	деревня	Воробьева	44,9	27,3	7,5	5,7	1,3
Голубова Е.В.	деревня	Доманкова	134,4	60	70,5	2	1

Жеребцова Е.Г.	пустошь	Высокая Гора	827,3	105,1	702,9	8,1	—
Злобин К.В.	пустошь	Махова	24,6	9	15	—	—
Злобин К.В.	деревня	Никитина	188,1	69,1	111,9	2	3,1
Креницын Н.С.	деревня	Тигочи	69,5	5	16,3	46,4	—
Кокошкин М.И.	деревня	Латкова и др.	632,3	243,5	282,3	42,3	4,7
Корсокова А.Г.	деревня деревня	Выдриа Коновалова	703,9	475,6	127	29,3	6,6
Лавров Ф.М.	отхожие сенные покосы	Сухово	3,4	1,2	1,9	0,6	—
Ланская М.В.	деревня пустошь	Вырина Балкина	141,3	—	35,5	57	44,5
Мартьянов С.А.	деревни	Сухарева, Тимошкина и др.	676,9	216	217,8	224,6	7
Мягков Л.Л.	деревня	Лаховой	239,2	70,3	163,3	—	—
Неклюдов В.М.	пустошь	Заречье и Заболотье	126,9	—	126,8	—	—
Неплюев Т.П.	деревня	Лахова	14,1	11,1			2,3
Урусова А.Н.	сельцо	Сумароково	168,5	112,8	5,5	41,4	4,5
Толстая М.Ф. и ведомства казенной палаты крестьян	отхожие сенные покосы	Заборье	14,2	—	8	6	—
Мартьянов И.А. и Мартьянов С.А.	деревня	Липовец	131,3	64,3	61	5	—
Бухвостов Н.Г. и Рокотова П.М.	деревня	Заолешье	47,1	30,9	16,2	—	—
Рокотова П.М. и Щербинин И.Г.	пустошь	Студенец	4,5	3,6	—	0,9	—
Неплюев Т.П. и Щаблыкин В.Б.	поверстный бор	<i>без названия</i>	37,6	10,6	25,6	—	—
Чихачев Н.М. и Раздеришина А.Б.	деревня	Бабина	136,6	48,9	71,3	10	1,5
Щербинин А.Ф., Яхонтов А.А.	отхожие сенные покосы	Манковские	11,3	—	—	11,1	—
Байкова Е.Е., Байкова М.В, Байков Я.А., Неелова А.Н.	сельцо	Новотроицкое	1726,9	708,1	883,5	41,3	23,7

Источник: ГАПО Ф. 14. Оп. 1. Д. 49, 51, 59, 62, 64, 65, 67, 68а, 69, 76, 77, 86, 88, 89, 97, 98, 99, 105, 125, 137, 140, 144, 145, 148, 149, 151; Оп. 2. Д. 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 9, 10, 14; Оп. 4. Д. 9.

Таблица 13

Структура владений дворян в Новоржевском уезде в 1782–1795 гг.

д.м.п. на владение	1782 г. IV ревизия				1795 г. V ревизия				динамика			
	помещиков	%	у них д.м.п	%	помещиков	%	у них д.м.п	%	помещиков	%	у них д.м.п	%
менее 10	3	6	20	0,6	3	6	18	0,4	0	0	–2	–0,2
от 10 до 100	37	78	1058	30	41	79	1395	30	4	1	337	0
100 и более	8	16	2446	69,4	8	15	3258	69,6	0	1	812	0,2
Всего	48	100	3524	100	52	100	4671	100	4	—	1147	—

Источник: ГАПО Ф. 74. Оп. 1. Д. 494.

Таблица 14

Структура владений дворян в Опочецком уезде в 1782–1795 гг.

д.м.п. на владение	1782 г. IV ревизия				1795 г. V ревизия				динамика			
	помещиков	%	у них д.м.п.	%	помещиков	%	у них д.м.п	%	помещиков	%	у них д.м.п	%
менее 10	29	41	145	4	36	43	153	5	7	2	8	1
от 10 до 100	34	8	995	31	41	48	1124	34	7	0	129	3
100 и более	8	11	2089	65	7	9	2060	61	–1	2	–29	–4
Всего	71	100	3229	100	84	100	3337	100	3	—	108	—

Источник: ГАПО Ф. 74. Оп. 1. Д. 504.

Таблица 15

Численность крепостных крестьян у отдельных дворянских родов в Псковском крае в 1782–1795 гг.

дворянские роды	уезды	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
		помещиков	у них д.м.п.	помещиков	у них д.м.п.	помещиков	у них д.м.п.
Голенищевы-Кутузовы	Опочецкий	2	356	3	370	1	14
Елагины		2	118	4	122	2	4
Затеплинские		9	89	12	112	3	23
Зубатовы		4	58	5	69	1	11
Иноземцевы		—	—	6	55	6	55
Чихачевы	Новоржевский	2	753	2	875	0	122
Борозды		3	298	2	299	–1	1
Яхонтовы		4	76	4	97	0	21
Бибиковы		3	50	3	65	0	15
Дубровины	Опочецкий и Новоржевский	6	110	6	92	0	–18
Всего		36	2226	50	2422	14	196

Источник: ГАПО Ф. 74. Оп. 1. Д. 504, 494.

Таблица 16

Число помещиков и их крепостных крестьян на Псковщине в XVIII в.

годы	уезды																провинция		губерния	
	Пусторжевский (Новоржевский)		Псковский		Великолукский		Опочецкий		Островский		Порховский		Торопе цкий		Холмский					
	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.	помещики	д.м.п.		
1700	в двух уездах 490 дворян																			
1719/21				6017													42.5 тыс	86.5 тыс		
1737	в двух уездах: 1524 дворян 40 947 д.м.п.				881	44831														
1744				8850													73.7 тыс	128.1 тыс		
1749			181																	
1756																693	72745			
1762/64		16523		10824				19411		16516							88164	183.9 тыс		
1777																1249		199052		
1781/84			275							135	33094							201672		
1792/95																	942	211516		

Источники: РГАДА Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193; ГАПО Ф. 20. Оп. 1. Д. 3; Ф. 22. Оп. 1. Д. 387, 955; Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23; Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок», 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 418–421; Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177; Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // Там же С. 186–196; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1977; Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII–первая половина XVIII в. М., 1989; Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х гг. XIX в. СПб., 2002; Псковское наместничество. Псков, 1887; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М., 1957.

Приложение 2

Карта 1

Таблица 1

Численность и гендерная структура дворянства Новоржевского уезда в 1782–1795 гг.

категории владельцев	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
	человек	%	человек	%	человек	%
помещики мужчины	42	88	44	84	2	4
жены и вдовы	5	10	7	14	2	4
девицы	1	2	1	2	0	0
Всего	48	100	52	100	4	-

Источник: ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494.

Таблица 2

Численность и гендерная структура дворянства Опочецкого уезда в 1782–1795 гг.

категории владельцев	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
	человек	%	человек	%	человек	%
помещики мужчины	46	65	54	65	8	0
жены и вдовы	19	27	24	27	5	0
девицы	3	4	3	4	0	0
недоросли	3	4	3	4	0	0
Всего	71	100	84	100	13	-

Источник: ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504.

Таблица 3

Численность и гендерная структура дворянства Новоржевского уезда в 1782–1795 гг.

пол владельца	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
	человек	%	человек	%	человек	%
мужской	42	88	44	84	2	—4
женский	6	12	8	16	2	4
Всего	48	100	52	100	4	—

Источник: ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494.

Таблица 4

Численность и гендерная структура дворянства Опочецкого уезда в 1782–1795 гг.

пол владельца	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
	человек	%	человек	%	человек	%
мужской	49	69	62	74	13	5
женский	22	31	22	26	0	–5
Всего	71	100	84	100	13	—

Источник: ГАПО Ф. 74. Оп. 1. Д. 504.

Таблица 5

Численность владельцев по двум уездам по половому признаку и их %% соотношение в 1782–1795 гг.

пол владельца	1782 г. IV ревизия		1795 г. V ревизия		динамика	
	человек	%	человек	%	человек	%
мужской	91	76	106	78	15	–2
женский	28	24	30	22	2	–2
Всего	119	100	136	100	17	—

Источник: ГАПО Ф. 74. Оп. 1. Д. 504, 494.

Таблица 6

Сведения о возрасте дворян по списку 1792 г.

уезды	дворян				
	всего	с указанием возраста	%	возраст не указан	%
Псковский	61	46	75,4	15	24,6
Островский	51	49	96,1	2	3,9
Опочецкий	79	78	98,7	1	1,3
Новоржевский	81	74	91,4	7	8,6
Великолукский	141	134	95,0	7	5,0
Торопецкий	221	141	63,8	80	36,2
Порховский	171	167	97,7	4	2,3
Холмский	137	136	99,3	1	0,7
Итого по губернии	942	825	87,6	117	12,4

Источник: ГАПО Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

Таблица 7

Распределение дворян Псковской губернии по статским чинам в последней четверти XVIII в.

Чины	Псковский		Островский		Опочецкий		Новоржевский		Великолукский		Торопецкий		Холмский		Порховский		Всего в губернии	
	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.
I. Канцлер	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
II. Действительный тайный советник	—	2	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	5
IV. Действительный статский советник	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	1	—	—	—	4
V. Статский советник	—	5	—	—	—	—	1	1	—	3	—	—	—	—	—	—	1	9
VI. Коллежский советник	—	2	—	7	1	—	2	—	—	2	—	2	—	1	1	3	4	17
VII. Надворный советник	—	9	—	11	—	3	2	3	3	6	—	4	—	15	1	5	6	62
VIII Коллежский асессор	4	5	—	11	—	10	5	4	2	8	—	2	—	4	3	2	14	46
IX. Титулярный советник	—	5	—	8	—	5	—	3	—	—	2	—	—	6	—	13	2	40
X. Коллежский секретарь	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	4
XI. Губернский секретарь	—	5	—	2	—	6	—	—	—	4	—	2	—	5	—	—	—	24
XII. Городовой секретарь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2

XIII. Губернский регистратор	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
XIV. Коллежский регистратор	—	4	—	3	—	3	—	—	—	—	—	30	—	—	—	—	—	40

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11; Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллатировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 8

Распределение дворян Псковской губернии по воинским чинам в последней четверти XVIII в.

Чины	Псковский		Островский		Опочецкий		Новоржевский		Великолукский		Торопецкий		Холмский		Порховский		Всего в губернии	
	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.	1777 г.	1792 г.
II. Генерал от инфантерии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
III. Генерал-лейтенант	—	3	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
IV. Генерал-майор	—	2	—	11	—	4	—	—	—	—	—	3	—	1	—	1	—	22
V. Бригадир	—	3	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	1	5
VI. Полковник	5	6	2	5	—	5	4	3	5	3	—	—	—	—	2	—	18	22
VII. Капитан	14	12	5	16	8	26	9	7	18	7	10	6	10	—	10	6	84	80
Подполковник	8	5	5	3	7	2	9	—	5	4	1	—	1	—	—	—	36	14
VIII. Майор	—	—	—	22	—	24	—	4	—	16	—	3	—	4	—	5	—	78
Штабс-капитан	—	9	—	5	—	9	—	—	—	2	—	—	—	4	—	—	—	29
Инженер-капитан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Штабс-ротмистр	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	2
Секунд-майор	10	20	7	—	7	—	18	5	17	—	1	—	5	—	16	—	81	25
Премьер-майор	5	3	3	—	3	—	9	1	5	—	10	—	3	—	6	—	44	4

Гвардии поручик	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Мичман	—	2	—	3	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
IX. Поручик	8	23	4	14	9	15	5	25	11	—	16	6	16	4	17	3	86	90
Флота капитан-лейтенант	—	9	1	4	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	2	1	22
Обер-провиантмейстер	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Гвардии подпоручик	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
X. Флота лейтенант	—	7	—	—	—	—	4	8	—	—	—	—	—	—	—	—	4	15
Унтер-офицер	—	15	—	2	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29
XII Гвардии прапорщик	—	9	—	3	—	—	—	4	—	2	—	—	—	—	—	6	—	24
XIII Подпоручик	5	23	—	11	8	8	3	13	3	10	7	10	8	—	10	4	44	79
XIV Прапорщик	5	34	5	14	21	10	7	27	8	7	12	9	9	14	11	—	78	115
Корнет	—	—	—	3	—	4	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11; Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллатировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 9

Средний возраст для воинских чинов в 1792 г.

Чины	Псковский	Островский	Опочецкий	Новоржевский	Великолукский	Торопецкий	Холмский	Порховский	В среднем по губернии
II Генерал от инфантерии	—	—	—	—	—	—	—	70	70
III Генерал-лейтенант	—	—	—	—	—	—	—	46,5	46,5
IV Генерал-майор	63	60	48,6	—	51	61	—	—	58,1
V Бригадир	—	—	—	58,2	—	49,7	—	—	53,2
VI Полковник	—	—	—	37,5	43	52,3	44,3	40,2	46,8

VII Капитан	—	39,8	32,5	55	44,1	51,3	38,3	45,1	41,6
Подполковник	—	—	—	45,5	42,5	—	—	36,7	41,9
Флота 2-го ранга капитан	—	—	—	—	55	—	42	—	48,5
VIII Майор	43,8	55	41,3	47	64	—	34	46,9	44,6
Штабс-капитан	29,5	—	—	31	29,8	28,7	—	28	29,4
Инженер-капитан	—	—	—	56	—	—	—	—	56
Штабс-ротмистр	—	—	—	—	—	—	—	26,5	26,5
Секунд-майор	—	—	—	—	—	63	38	—	45,5
Премьер-майор	—	—	—	—	—	—	70	—	70
Гвардии поручик	—	—	—	—	—	—	—	28	28
Мичман	—	—	—	—	27	22	—	44,8	39,7
IX Поручик	31,5	53,3	37,6	—	55	42,5	40,2	47,8	40,8
Флота капитан-лейтенант	—	30	—	—	—	—	33,7	43	37,2
Обер-провиантмейстер	—	—	—	—	—	—	36	—	36
Гвардии подпоручик	—	—	—	—	—	—	—	46	46
X Флота лейтенант	—	—	—	—	—	27	39	—	37,7
Унтер-офицер	—	—	—	—	—	38,7	36,8	—	37,8
XII Гвардии прапорщик	37,3	—	—	37	—	43	—	43,3	39,3
XIII Подпоручик	—	28,7	37,1	—	32	37	41,9	42,8	41,3
XIV Прапорщик	33,3	—	41	46,6	46	45,4	—	72	43,2
Корнет	—	—	—	—	39	—	30,1	—	33,4

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

Таблица 10

Средний возраст для статских чинов в 1792 г.

Чины	Псковский	Островский	Опочецкий	Новоржевский	Великолукский	Торопецкий	Холмский	Порховский	В среднем по губернии
I Канцлер	—	—	—	—	—	70	—	70	
Действительный тайный советник	69	—	—	—	—	66	53,5	76	61
IV Действительный статский советник	—	—	—	48	—	—	—	—	48
V Статский советник	—	—	—	54	—	41	40	—	45
VI Коллежский советник	64	61,3	54,5	56	—	—	—	62	53,5
VII Надворный советник	54,5	48,4	46	50	40,5	—	39,3	48,1	46,1
VIII Коллежский асессор	48,5	41,5	39	35	50,6	56	42,5	68	45
IX Титулярный советник	55	37	—	—	58	31	34,7	65	43,9
X Коллежский секретарь	32,5	—	—	—	—	—	—	—	32,5
XI Губернский секретарь	50,2	—	30,5	44	27	27	—	28	34,2
XII Городовой секретарь	—	—	33,5	—	—	—	—	—	33,5
XIII Губернский регистратор	—	—	—	—	32	—	—	—	32
XIV Коллежский регистратор	—	—	26,9	—	36,6	52	—	26	28,6

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

Таблица 11

Родовой состав псковского дворянства в XVIII в.

1707–1711 г.	1756 г.	1777 г.	1792 г.
Агарковы	<i>Абашевы</i> <i>Абрютины</i> Абуховы Агаревы Агеевы	<i>Абрютины</i>	<i>Абашевы</i> <i>Абрютины</i> Авчинниковы
		<i>Азарьевы</i>	<i>Азарьевы</i>
	Аклеснины	Алексины	Аклопковы
<i>Алексеевы</i>	<i>Алексеевы</i>	<i>Алексеевы</i>	<i>Алексеевы</i>
	Аленины <i>Аничковы</i>	<i>Аничковы</i>	Андреевы Аникиевы
<i>Апрелевы</i> <i>Арбузовы</i> <i>Афросимовы</i>	<i>Апрелевы</i> Апсентовы <i>Арбузовы</i> Аргамаковы <i>Афросимовы</i>	<i>Арбузовы</i>	<i>Арбузовы</i> <i>Афросимовы</i>
		<i>Ачкасовы</i>	<i>Ачкасовы</i>
	<i>Бабины</i>	<i>Бабины</i>	<i>Бабины</i>
	<i>Байковы</i>	<i>Байковы</i>	<i>Байковы</i> Балковы
	Базанины Бакадуровы Баклановские <i>Банковы</i> Барановы Барановские	Балавенские	<i>Банковы</i>
	Бачкановы	<i>Басковы</i>	<i>Басковы</i> Баслаковы
		Бахиревы	Башковы

<i>Бедринские</i> Беклемишевы Беклешевы Бешенцовы	<i>Бедринские</i> Беклешевы Белозеровы Белоусовы Бельский Берниковы Бешенцовы	Белянцовы	Беклешевы Беликовы Белозерцевы Бешенцовы
Бибиковы	Бибиковы	Бибиковы	Бибиковы
Болтины	Бобакины Боборыкин Богдановы <i>Болотниковы</i> Болтины	<i>Болотниковы</i>	<i>Болотниковы</i> Болтины
	<i>Борисовы</i>	<i>Борисовы</i>	<i>Борисовы</i>
Бороздины Бочкины	Бороздины Босовы	Бороздины	Бороздины Бортовы Бочаровы
	Бранцовы	Брелезены фон	
Брылкины	Брылкины	Брылкины	Брылкины
	Булновы	Бундовы	
		Бурцовы	
	Бутеневы	Бухаровы	
Бухвостовы	Бухвостовы Быковы Быстровы	Бухвостовы	Бухвостовы
Валуевы	Валуевы Варфоломеевы Ватцовы	Валуевы	Вавиловы Валуевы Васильевы Васюковы
Вельяминовы	<i>Великопольские</i> Вельямицевы Вельямовы	<i>Великопольские</i>	<i>Великопольские</i>
		<i>Вельяшевы</i>	<i>Вельяшевы</i>
Веригины		Веригины	Веревкины Верзины Веригины

	Винокуровы	Висковатовы	Висковатовы
		Висленевы	
Воины	Воины	Володимеровы	Воины Волковы Володины Воробьевские
	Вороновы	Вороновы	Вороновы
	Вохины Вындомские Высоцкий	Вохины	Вохины Вындомские
	Ганнибалы	Ганнибалы	Гегемейстеры Ганнибалы
Глазовы		Глазовы	Глазовы Глаубичи
Глотовы	Глотовы	Глотовы	
Голенищевы Голенищевы-Кутузовы	Голенищевы Голенищевы-Кутузовы	Голенищевы-Кутузовы	Голенищевы-Кутузовы
		Головачевы	
		Голохвастовы	Голохвастовы
		Голубцовы	Голубцовы
Горяиновы	Гордеевы Горловы Горяиновы	Горяиновы	Горбуновы Горожанские Горяиновы
	Давыдовы Двинятины	Двинятины	Давыдовы
Деденевы	Деденевы	Деденевы	Деденевы
		Денисовы Дикаревы	Денисовы Дероп Дмитриевы
			Добровольские
	Друковковы Дубровины	Дубровины	Дубровины
Дубровские	Дубровские	Дубровские	Дубровские
		Дураковские	Дураковские
		Дьяконовы	
		Дятковы	
		Егоневские	

<i>Елагины</i>	Екимовы <i>Елагины</i> Елеозарьевы Елецкие	<i>Елагины</i>	<i>Елагины</i>
Еремевы <i>Еремеевы</i>	<i>Еремеевы</i>	<i>Еремеевы</i>	<i>Еремеевы</i>
Ефросимовы		<i>Ершовы</i>	<i>Ершовы</i> Ефимовы
	Женовы	Ждановы	
	<i>Жеребцовы</i> Жернылски	<i>Жеребцовы</i>	<i>Жеребцовы</i>
		<i>Жуковы</i>	<i>Жуковы</i>
		Журавлевы	
<i>Забелины</i>	<i>Забелины</i> Замуленины	<i>Забелины</i>	<i>Забелины</i> Заднины
		Зарины	
	<i>Затеplinские</i>	<i>Затеplinские</i>	<i>Затеplinские</i>
		<i>Захаровы</i>	<i>Захаровы</i> Зверевы
<i>Зеленые</i>		<i>Зеленые</i>	<i>Зеленые</i>
	<i>Зиновьевы</i>	<i>Зиновьевы</i>	
		Змеевы	
<i>Зубатовы</i>	Зотовы <i>Зубатовы</i> Зыбины	<i>Зубатовы</i>	<i>Зубатовы</i> Зубровины Зыковы
	<i>Ивановы</i> Ивольвы	<i>Ивановы</i>	<i>Ивановы</i> Игнатьевы
<i>Измайловы</i>		<i>Измайловы</i>	<i>Измайловы</i>
	<i>Иноземцевы</i> Исаевы Исленевы	<i>Иноземцевы</i>	<i>Иноземцевы</i> Ишкины
	<i>Казанцовы</i> Казариновы	<i>Казанцовы</i>	Кавтыревы <i>Казанцовы</i>
<i>Калитины</i>		<i>Калитины</i>	<i>Калитины</i>
	Камаевы Кандауровы		
	<i>Карамышевы</i>	<i>Карамышевы</i>	<i>Карамышевы</i>

<i>Карауловы</i> <i>Кармолины</i> Карповские	<i>Карауловы</i> Карзовы Карновские	<i>Карауловы</i> <i>Кармолины</i>	<i>Карауловы</i> <i>Кармолины</i> Карниловы
		<i>Кастюрины</i>	<i>Кастюрины</i>
		Каудчины	
<i>Кауровы</i>	<i>Кауровы</i> Каханские	<i>Кауровы</i>	<i>Кауровы</i>
<i>Квашиныны</i>	<i>Квашиныны</i> <i>Квашиныны-Самарины</i>	<i>Квашиныны-Самарины</i>	
	Кибищевы	Кириловы	Кислинские
<i>Клепиковы</i>	<i>Клепиковы</i> <i>Клакачевы</i>	<i>Клакачевы</i>	<i>Клакачевы</i>
<i>Княжнины</i>	<i>Княжнины</i>	<i>Княжнины</i>	<i>Княжнины</i>
	<i>Ковалевские</i>	<i>Ковалевские</i>	<i>Ковалевские</i>
		<i>Коведяевы</i>	<i>Коведяевы</i>
<i>Козловы</i> <i>Козляиновы</i> <i>Козодавцевы</i> <i>Кожевниковы</i> <i>Кокошкины</i>	<i>Козляиновы</i> <i>Козодавцевы</i> <i>Кожевниковы</i> <i>Кокошкины</i>	<i>Кокошкины</i>	<i>Козловы</i> Козыревы
	Колобовы	Коляниновы	Колюбакины
	<i>Колюбакины</i>	<i>Колюбакины</i>	
<i>Коновницыны</i>	<i>Коновницыны</i> Копорские <i>Коптевы</i>	<i>Коптевы</i>	<i>Коптевы</i>
	<i>Корниловы</i> Короблевы	<i>Корниловы</i>	
<i>Корсаковы</i>	<i>Корсаковы</i>	<i>Корсаковы</i>	
	<i>Косицкие</i> Костомаровы Костровы <i>Котельниковы</i> Котляиновы	<i>Косицкие</i>	Коурчины
<i>Котельниковы</i>			
	<i>Красногородцевы</i> <i>Креницыны</i> Креншины <i>Кривоноговы</i>	<i>Креницыны</i>	<i>Красногородцевы</i> <i>Креницыны</i> <i>Кривоноговы</i>

	Кубасовы Кузьмины <i>Култашевы</i>	<i>Култашевы</i>	Кудрявцов Кузелины Кузнецовы Кулевские
Кустовы	<i>Куратовы</i> Куровы	<i>Куратовы</i>	
<i>Кутузовы</i> <i>Кушелевы</i>		<i>Кушелевы</i>	<i>Кутузовы</i> <i>Кушелевы</i>
Лавровские <i>Лавровы</i>	<i>Лавровы</i>	<i>Лавровы</i>	<i>Лавровы</i>
<i>Ладыгины</i> <i>Ладыженские</i>	<i>Ладыгины</i> <i>Ладыженские</i>	<i>Ладыженские</i>	<i>Ладыженские</i>
	<i>Лазаревы-Станицевы</i>	<i>Лазаревы-Станицевы</i>	
<i>Ламановы</i>		<i>Ламановы</i>	
	<i>Лаптевы</i>	<i>Лаптевы</i>	<i>Лаптевы</i> Ларионовы
	<i>Латышевы</i> Лебедевы	<i>Латышевы</i>	<i>Латышевы</i>
<i>Лихаревы</i>	<i>Лихаревы</i>	<i>Лихаревы</i>	<i>Лихаревы</i>
	<i>Лихачевы</i>	<i>Лихачевы</i>	<i>Лихачевы</i>
<i>Ломаковы</i> <i>Лонские</i> <i>Лопухины</i>	<i>Ломаковы</i> <i>Лонские</i> <i>Лопухины</i>	<i>Лопухины</i>	<i>Лобачевы</i> <i>Лопухины</i>
Лукомские		Луделины	
	<i>Лупандины</i>	<i>Лупандины</i>	<i>Лупандины</i>
<i>Лутохины</i>	<i>Лутохины</i> Лутонины	<i>Лутковские</i>	<i>Лутковские</i> Лучаниновы
<i>Львовы</i>	<i>Львовы</i>	<i>Львовы</i>	<i>Львовы</i>
		Люде (Лидо) фон	
	Маврины	<i>Макаровы</i>	<i>Макаровы</i>
	Манушинские Марковы	Матвеевы	Мардвиновы Масленицкие
Монастыревы	Машковы Машневы Мищерские <i>Микулины</i> Мусин-Пушкины	Матчины	Машины <i>Микулины</i> Мусоргские

	<i>Мяжковы</i>	<i>Мяжковы</i>	<i>Мяжковы</i>
	<i>Мякинины</i>	<i>Мякинины</i>	<i>Мякинины</i>
Нагины	Нагины	Нагины	Нагели Нагины
Назимовы	Назимовы	Назимовы	Назимовы
	<i>Наперстковы</i>	<i>Наперстковы</i>	<i>Наперстковы</i>
		Нартовы	
Нащокины	Нащокины	Нащокины	Нащокины Неведомские
Нееловы	Негоновские Нееловы	Нееловы	Нееловы
Неклюдовы	Неклюдовы	Неклюдовы	Неклюдовы
	<i>Нелединские</i>	<i>Нелединские</i>	<i>Нелединские</i> Нелидовы
		Немцовы	Немировы
		Немчиновы	
Непейцины	Неоновы Непейцины	Непейцины	Непейцины
Непенины	Непенины Неплюевы	Непенины	Непенины
	<i>Несвицкие</i>	<i>Несвицкие</i>	
		Нетекшины	
Нефедьевы Нефневы	Нефедовы Нечаевы	Нефедьевы	Нефедьевы
	<i>Низовцовы</i>	<i>Низовцовы</i>	<i>Низовцовы</i>
Нороватые	Никитины Новосильцевы Норбековы	Никулины	
		Обалевы	
		<i>Объедовы</i>	<i>Объедовы</i>
Окуневы	<i>Овцыны</i> Окуневы Орловы	<i>Овцыны</i>	Окуневы Остерманы
Палибины	Палибины <i>Пальчиковы</i>	Палибины	Павловы Палибины <i>Пальчиковы</i>
		<i>Пановы</i>	<i>Пановы</i>

	<i>Пантелеевы</i>	<i>Пантелеевы</i>	<i>Пантелеевы</i>
	<i>Пастуховские</i>	<i>Пастуховские</i>	<i>Пастуховские</i> <i>Пасынковы</i>
	Патрушевы	Пахомовы	
	Певцовы Пестинские <i>Пестовы</i>	<i>Пестовы</i>	<i>Пестовы</i>
	<i>Плещеевы</i> Плехановы	<i>Плещеевы</i>	<i>Плещеевы</i>
<i>Подчерковы</i>	Подошевниковы	<i>Подчерковы</i>	<i>Подчерковы</i>
		<i>Поздеевы</i>	<i>Поздеевы</i>
<i>Полибины</i> <i>Пороховы</i> <i>Протопоповы</i>	<i>Полибины</i> Помогаловы Поповы <i>Поспеловы</i> Приклоновы Проторнищевы Проушины Прошковы	Польские	Полековы <i>Полибины</i> Половцовы Полубояринов <i>Пороховы</i> <i>Поспеловы</i> Потаповы <i>Протопоповы</i>
Путятины	Пушкины <i>Пуцины</i>	<i>Пуцины</i>	Пустынниковы Пучковы Пушкаревы <i>Пуцины</i>
<i>Раздеришины</i>	Разумовские	<i>Раздеришины</i>	<i>Раздеришины</i>
		Расихины	
	<i>Ратмановы</i> Резновские Римские-Корсаковы	<i>Ратмановы</i>	<i>Ратмановы</i> Ремеры
<i>Рокотовы</i>	<i>Рокотовы</i>	<i>Рокотовы</i>	<i>Рокотовы</i>
	<i>Румянцовы</i> Русановы Рылковы	<i>Румянцовы</i>	
	<i>Рютневы</i>	<i>Рютневы</i>	<i>Рютневы</i>
	Савельевы	Саврасовы	Саваскеевы Савиновы Самсоновы Сафоновы

			Сафроновы
	<i>Сверчковы</i> <i>Светецкие</i>	Свербеевы	<i>Сверчковы</i>
	Свешинские	<i>Свешниковы</i>	<i>Свешниковы</i>
	<i>Свистуновы</i>	<i>Свистуновы</i> Себелевы	<i>Свистуновы</i> Селениновы
Селины Семеновы Сергеевы	<i>Селивановы</i>	<i>Селивановы</i>	<i>Селивановы</i> Семевские Семеновы
	Сиверцовы	Симановы	
Симанские	Симанские Сисоевы	Симанские	Симанские Ситниковы
	<i>Скворцовы</i>	<i>Скворцовы</i>	<i>Скворцовы</i>
	Скуратовы	Скобелыцины	
Сनावидовы <i>Собакины</i> Станицевы <i>Станкеевы</i>	Сновидовы <i>Собакины</i> <i>Станкеевы</i> Степановы	Сनावидовы(Сновидовы)	Сनावидовы Станицевы
	<i>Субботкины</i>	<i>Субботкины</i>	<i>Субботкины</i>
Сумороцкие <i>Сумороковы</i> <i>Сырохновы</i>	Сумороцкие <i>Сумороковы</i> <i>Сырохновы</i>	Сумороцкие	Сумороцкие Сурожевские Сушковы
<i>Татищевы</i>	<i>Татищевы</i> Тепловы Терские	<i>Татариновы</i>	<i>Татариновы</i> Темирязевы
	<i>Тимашевы</i> Титовы Тишины	<i>Тимашевы</i>	
Толстые	Толстые	Толстые	Толстые
		Торочковы	
		<i>Травины</i>	<i>Травины</i>
	Тренины <i>Третьяковы</i>	<i>Третьяковы</i>	<i>Третьяковы</i>
	<i>Трофимовы</i> Трошихины Труневы	<i>Трофимовы</i>	<i>Трофимовы</i>
Тулубьевы		Тулубьевы	Тулубьевы

			Турковские Турчаниновы
	<i>Тыртовы</i>	<i>Тыртовы</i>	<i>Тыртовы</i>
<i>Ушаковы</i>	Ульяновы <i>Ушаковы</i>	<i>Ушаковы</i>	Урусовы <i>Ушаковы</i>
		Федоровы	
	<i>Философовы</i>	Филимоновы	<i>Философовы</i> Фроловы
		Хазанцовы	
		Харины	
<i>Харламовы</i> <i>Хвостовы</i> <i>Хмелевы</i> <i>Хотяинцовы</i>	<i>Харламовы</i> <i>Хвостовы</i> <i>Хмелевы</i> <i>Хотяинцовы</i>	<i>Харлашовы</i> <i>Хмелевы</i>	<i>Харковы</i> <i>Хмелевы</i> Хомутинины Хотимские <i>Хотяинцовы</i>
		<i>Худяковы</i>	<i>Худяковы</i>
	<i>Чеглоковы</i>	<i>Чеглоковы</i>	<i>Чеглоковы</i>
<i>Челищевы</i>	<i>Челищевы</i> Ченины Чепкирины Чертовы	<i>Челищевы</i>	<i>Челищевы</i>
<i>Чиркины</i>	<i>Чиркины</i>	<i>Чириковы</i>	<i>Чириковы</i>
<i>Чихачевы</i>	<i>Чихачевы</i>	<i>Чихачевы</i>	<i>Чихачевы</i>
	Шаблоскины	Шаблыкины	
<i>Шамшевы</i> <i>Шатиловы</i>	Шалимовы Шалмановы Шарлавины <i>Шатиловы</i>	<i>Шамордины</i>	<i>Шамордины</i> <i>Шатиловы</i> Шацкие
<i>Шаховские</i>	<i>Шаховские</i>	<i>Шаховские</i>	<i>Шаховские</i>
Шереметевы Шестуновы		<i>Шелгуновы</i>	<i>Шелгуновы</i>
<i>Шетневы</i>		<i>Шетневы</i>	
<i>Шишкины</i>	<i>Шишкины</i> Шишковы	<i>Шишкины</i>	
		Шкарины	
<i>Щербинины</i>	<i>Шушарины</i> Щеголевы <i>Щербинины</i>	<i>Шушарины</i>	<i>Шушарины</i> Штакельберги <i>Щербинины</i>

		Юдицкие	
	<i>Юматовы</i>	<i>Юматовы</i>	
<i>Юшковы</i>	<i>ЮрENEвы</i> <i>Юсуповы</i> <i>Юшковы</i>	<i>ЮрENEвы</i>	<i>ЮрENEвы</i> <i>Юрьевы</i> <i>Юшкевичи</i>
Ярышкины	Ярышкины	<i>Языковы</i>	<i>Языковы</i> Ярышкины
	<i>Яхонтовы</i>	<i>Яхонтовы</i>	<i>Яхонтовы</i>

Примечание: курсивом выделены фамилии, которые фиксируются на протяжении полувека, **жирным курсивом** – на протяжении всего столетия.

Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179, 8180, 8181, 8399, 8506, 8508, 8509, 8510; ГАПО Ф. 20. Оп. 1. Д. 11; Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящихся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23; Сиверс А. А. Состав торопецкого дворянства в начале XVIII столетия на основании современного документа // Там же. С. 213–219; Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Приложение 3

Таблица 1

Список псковских дворян, упомянутых в Адрес-календарях в 1764–1794 гг.

Фамилия	С указанием имени и отчества	Без указания отчества	Годы службы
Абашевы	Иван Иванович		1777–79, 1783
Алексеевы	Иван Иванович Григорий Никитич Матвей Николаевич Николай Александрович	Михаил	1788–95 1779–83 1778–80 1764–65, 1767–68, 1770–74 1783–1784
Андреевы	Семен Андреевич		1788–90, 1793–94
Арбузовы	Иван Григорьевич	Василий	1764–74 1766–71, 1777–79, 1787, 1790–95
Афросимовы	Ефим Капитонович		1786, 1790–91
Беклешевы	Борис Степанович Иван Михайлович Николай Иванович Федор Михайлович	Алексей	1775 1786–88, 1792 1780–83, 1784–88, 1790–95 1783–84, 1787–88, 1790–91 1795
Бибиковы	Иван Петрович Илья Иванович Михаил Иванович	Василий	1792–94 1792–94 1792, 1794–95 1784–88, 1792–95
Болотниковы	Евграф Яковлевич Ефим Алексеевич Сергей Назарьевич Сосипатр Абрамович	Петр	1792–94 1777–79, 1783–85, 1788 1780–84 1774, 1785, 1795 1791, 1795
Болтины	Петр Егорович		1793–1795
Борисовы	Александр Иванович Василий Иванович Ефим Павлович Иван Антонович	Василий	1769, 1781–85, 1787–95 1772–75, 1780–87 1777–79, 1781–95 1778, 1780 1772–85

	Иван Григорьевич Никита Богданович Яков Афросимович	Михаил Петр	1780–82, 1788 1790–94, 1796 1790, 1795 1778–88, 1790–95 1776
Бороздины	Иван Корнильевич Петр Савич Петр Степанович		1779–91, 1795 1779–83, 1792–94 1779–82, 1784, 1786–93
Брылкины	Михаил Никитич		1780–91
Бухвостовы	Иван Николаевич Николай Григорьевич	Петр	1774–86 1792–94 1781–84, 1786–87, 1790–92
Васильевы	Дмитрий Михайлович		1792–94
Великопольские	Николай Львович		1790–1794
Вельяшевы	Егор Давыдович Карнилий Антонович		1790–95 1783–85
Веригины	Александр Федорович		1785
Висковатовы	Иван Гаврилович		1785, 1792
Вороновы	Павел Петрович Петр Михайлович		1794 1780–82
Вындомские	Александр Максимович		1788, 1790–91, 1795.
Ганнибалы	Осип Абрамович Петр Абрамович		1771, 1777–1780. 1771–82, 1795
Гегемейстеры	Андриан Андрианович		1785–86
Глазовы		Иван	1789–95
Голенищевы- Кутузовы	Александр Иванович Федор Яковлевич	Логин	1785–86, 1788–89, 1795 1793–95 1778, 1787–89
Голубцовы	Николай Николаевич		1777–79, 1787–89, 1793–94
Горбуновы	Александр Яковлевич		1782–90
Давыдовы	Иван Михайлович Федор иванович		1773–91 1783–85
Дубровские	Алексей Дмитриевич Василий Федорович		1791 1778–80, 1783–84, 1790–91, 1793–95
Елагины	Алексей Петрович	Иван	1777–78, 1780–82, 1786–88, 1790, 1794–95 1785–92 1777–82

	Михаил Андреевич	Петр	1776–80, 1783–85
Ершовы	Петр Иванович		1771–95
Жеребцовы	Александр Ильич Николай Иванович		1783, 1785–88 1783–86
Жуковы	Михаил Иванович		1765–69, 1777–79, 1782–88, 1790–91
Забелины		Иван	1781–82, 1788–90
Зеленые		Николай	1792–94
Зубатовы	Андрей Иванович Василий Сергеевич Иван Иванович Николай Иванович		1791, 1795 1782–92, 1794–95 1780–82 1790–95
Ивановы		Степан	1764–73, 1776, 1790–92
Игнатьевы		Матвей	1784–91
Ишкины	Григорий Иванович		1783–94
Карамышевы	Степан Григорьевич		1777–79, 1783–88, 1792
Карауловы	Александр Семенович Павел Петрович		1777–82 1795
Кауровы		Семен	1786–88, 1790–94
Кислинские	Алексей Степанович	Семен	1781–82, 1785, 1787–88 1764–67
Клокачевы	Андрей Алексеевич Петр Алексеевич		1787–88 1784–85, 1790–91
Княжнины	Федор Андреевич		1778, 1785, 1788
Ковалевские		Иван	1766–67, 1782–87, 1792–94
Коведяевы	Алексей Иванович Семен Игнатьевич		1783–85, 1790–91 1780–82, 1787–88, 1790, 1795
Козловы	Егор Семенович		1784–85
Колюбакины	Александр Федорович		1772–75, 1777–95
Коптевы	Яков Макарьевич		1777–84, 1786–94
Корниловы		Петр	1791–95
Креницыны	Сава Иванович		1780–82
Кузнецовы	Василий Васильевич		1775–80, 1782–95
Кулевские	Василий Максимович		1791–95
Кутузовы	Федор Львович		1795
Кушелевы	Григорий Григорьевич		1795

	Егор Андреевич	Иван	1789–95
	Сергей Андреевич		1772–74, 1777–88 1784–90, 1792, 1795
Лавровы	Иван Михайлович		1792–1795
Ладыженские	Михаил Осипович		1778, 1783
Лаптевы	Капитон Харитонович		1770–72, 1777–79, 1781–82
Лихаревы	Михаил Иванович	Ефим	1780, 1782–83, 1790–91 1777–79, 1785, 1790–91
Лихачевы	Петр Антонович		1783–95
Лобачевы	Василий Иванович		1772–78, 1781–95
Лупандины	Василий Петрович		1783–85, 1792–93
Львовы	Алексей Иванович Петр Степанович		1764–73 1791–94
Макаровы	Михаил Кондратьевич	Петр	1789–95 1784, 1788, 1791–92
Мусарские	Алексей Григорьевич		1786–88, 1790–91, 1795
Мягковы	Ларион Лазаревич		1780–85, 1787–88, 1792, 1794–95
Нагели	Людвиг Тимофеевич		1789–91
Назимовы	Петр Борисович		1780, 1782
Неведомские	Николай Александрович		1794–95
Нееловы	Евграф Савич Павел Семенович		1776–78, 1780–81, 1783–88 1788, 1791–92, 1794
Неклюдовы	Михаил Васильевич		1776–78, 1781–84, 1793–95
Нелединские	Андрей Захарьевич Борис Гаврилович		1783–86, 1795 1784–89
Нефедьевы	Иван Игнатьевич		1777–79, 1788
Низовцовы	Андрей Гаврилович		1792–95
Окуневы		Иван Петр	1777–78, 1786 1764, 1766, 1768, 1769
Остерманы	Иван Андреевич		1764–95
Павловы	Николай Андреянович		1789–95
Палибины	Апполон Алексеевич Иван Александрович		1777–79, 1783–95 1793
Пальчиковы	Николай Андреевич		1793
Пановы	Андрей Владимирович		1791, 1793–95
Подчерковы		Иван	1784–91, 95

Поздеевы	Алексей Алексеевич		1776–84, 1786–87, 1793
Полубояриновы	Аристарх Кузьмич		1788–95
Протопоповы		Петр	1764–70, 1772–79, 1781–95
Пушкаревы	Яков Данилович		1785–88, 1790–91, 1793–94
Пущины	Алексей Никитич Ефим Александрович Степан Иванович	Гаврила	1784–86, 1793 1781–83 1781–1786, 1790–91 1792, 1794
Раздеришины	Яков Алексеевич		1792–95
Рокотовы	Дмитрий Иванович		1780–85, 1790–91
Свешниковы	Алексей Иванович		1778–79, 1782–86, 1788–95
Свистуновы	Петр Семенович		1764–69, 1771–80
Скворцовы	Семен Васильевич Сергей Антонович		1780–82 1790–92
Станицевы	Алексей петрович		1787
Сумороцкие	Михаил Петрович Яков Герасимович	Петр	1776–81, 1784–90, 1792, 1795 1790–93 1792, 1795
Травины	Гаврила Леонтьевич		1783–93, 1795
Трофимовы	Иван Григорьевич Остафий Григорьевич		1795 1792–1795
Турчаниновы	Егор Иванович		1782–83
Тыртовы	Дмитрий Федорович		1781–1783
Урусовы	Дмитрий Юрьевич		1795
Философовы	Михаил Михайлович		1764–70
Хомутинины	Николай Иванович		1786–92
Хотинские	Ульян Терентьевич		1782, 1785–88, 1790–91, 1795
Челищевы	Александр Михайлович Иван Алексеевич Иван Львович	Яков	1783 1768–73, 1778–80 1795 1785, 1787, 1791–93
Чириковы	Иван Егорович Иван Иванович	Иван	1785–87 1793, 1795 1776–79, 1781–83, 1787–89
Чихачевы	Дмитрий Матвеевич Николай Матвеевич Николай Иванович		1792 1791–95 1795

	Николай Семенович Петр Яковлевич		1783–86, 1788 1783–85
Шатиловы	Василий Михайлович		1795
Шаховские	Иван Емельянович Михаил Емельянович Николай Емельянович Петр Иванович	Алексей	1764, 1776–82, 1787 1795 1788, 1790–91 1795 1785, 1788–90, 1794–95
Щербинины	Яков Иванович		1793
Юреневы	Алексей Яковлевич		1782, 1787, 1790–91
Языковы		Павел	1779
Яхонтовы	Николай Петрович		1794–95

Источники: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11; Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1794). СПб., 2003. С. 2–829.

Таблица 2

Состав уездной администрации Псковского наместничества, органов суда и самоуправления по выборам 1777 г.

Уезды	Городничий	Казначей	Уездный суд				Нижний земский суд			Нижняя расправа		
			судья	заседатели	секретарь	опека	исправник	заседатели	секретарь	судья	секретарь	стряпчий
Псковский	—	Людвиг Дитмар	Иван Лодыженский	Николай Иванов; Николай Назимов	Матвей Метведков	Предводитель Петр Степанович Валуев	Степан Вельяшев	Степан Карамышев; Петр Куров	Петр Кондратьев	Иван Денисов	Иван Нефедьев	Петр Забелин
Островский	Егор Моллер	Моисей Смиев	Михаил Беклешев	Иван Окунев; Петр Вохин	Кирил Евреин	Григорий Алексеевич Плещеев	Николай Бухвостов	Степан Нагин; Михаил Сумороцкий	Не указано	Тихон Чагин	Гавриил Травин	Федор Родичев

Опочецкий	Карл Бриммер	Андрей Сумороцкий	Акинфей Понтелеев	Ефим Сумороцкий; Алексей Окунев	Иван Третьяков	Матвей Евстигнеев ич Рокотов	Александр Байков	Алексей Свешников; Егор Затеplinский	Не указано	Не указано	Не указано	Гаврила Кадашевцо в
Новоржевский	Алексей Поздеев	Антон Абрютин	Михаил Елагин	Николай Голубцов; Иван Губатов	Иван Макер	Петр Алексеевич Яхонтов	Михаил Афросимо в	Илья Княжнин; Петр Елагин	Не указано	Не указано	Не указано	Федор Княжнин
Великолукский	Иван Кузьмич Луковской	Капитон Лаптев	Иван Назимов	Иван Борисов; Степан Лавров	Яков Маторкин	Алексей Герасимови ч Жеребцов	Михаил Абрютин	Иван Лавров; Николай Низовцов	Антон Кишнин	Гаврила Змеев	Сава Дербини н	Не указано
Торопецкий	Алексей Макаров	Александр Свистунов		Яков Голенищев- Кутузов; Александр Караулов	Василий Иванов	Иван Тимофееви ч Голенищев- Кутузов	Иван Нефедьев	Иван Абашев; Ефим Болотников	Не указано	Не указано	Не указано	Лука Ковалев
Холмский	Федор Сумороцкий	Петр Шилмен		Михаил Жуков; Апполон Полибин	Марк Козьмин	Никита Иванович Коведяев	Алексей Калитин	Иван Арбузов; Ефим Лихачев	Не указано	Не указано	Не указано	Иван Федоров
Порховский	Иван Эггер	Евграф Неелов		Богдан Селиванов; Степан Лодыженский	Малафей Гуляев	Егор Алексеевич Деденев	Петр Мяхкой	Никита Змиев; Василий Немцов	Терентий Везовитино в	Христоф ор Беллинг сгаузен	Григори й Грудаше вский	Петр Полонской

Источник: Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 3.

Состав администрации Псковского наместничества по выборам 1777 г.

наместническое правление					приказ общественного призрения			верхняя расправа				земле мер	коменд ант
								департаменты		прокурор			
								1-й			2-й		
намест ник	советник и	прокуро р	стряпчий	секретарь	правите ль	заседатели	секрета рь	председате ль	секретарь	председате ль			
Я.Е. Си верс	Н.А. Аще рин; О.А. Ган нибал	И.Я. Ба йков	И. Матве ев; Я. Дьяко нов	Е. Свисту нов	Х. Нолк ен	Г.К. Бороз дин; Н.А. Бекле шов	И. Евте нев	К.И. Фохт	М. Казачинск ой	А. Клокаче в	Л. Ламан ов	И. Буг данов	Томас фон Диц

Источник: Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 4

Состав суда Псковского наместничества по выборам 1777 г.

Суды						
Совестный	Верхний земский					
	1-й департамент		2-й департамент		секретарь	прокурор
заседатели	председатель	заседатели	председатель	заседатели		
П. И. Пахомов; О. П. Ушаков	А. Д. Симанов	В. С. Плещеев; А. И. Лавин; Г. К. Бороздин; А. С. Валуев; Н. М. Нащокин	И. А. Золотухин	Е. Я. Лавров; Н. А. Беклешов; М. Г. Балавенской; И. Г. Зарин; С. Г. Пентелеев	А. Дураковский	П. Ф. Молчин

Источник: Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 5

Состав магистрата Псковского наместничества по выборам 1777 г.

Магистрат				
1-й департамент		2-й департамент		прокурор
председатель	секретарь	председатель	секретарь	
А. Турин	Ф. Гаршталъ	А. Рамбур	Н. Баландин	С. Окунев

Источник: Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 6

Состав администрации Псковского наместничества и органов суда по выборам 1777 г. по уездам

В палатах												
Уголовного суда				Гражданского суда				Казенной				
председатель	советники	ассессор	секретарь	председатель	советники	ассессоры	секретарь	поручик правителя	советник	казначей	ассессоры	секре тарь
Н.М. Бобрищев-Пушкин	А.Новокрещенов А. Колюбакин	Т. Миздров	И. Бурцов	Ф.П. Созонов	П.И. Сибилев К. Бремзен	П. Андреев А. Гернгрос	Е. Пустовалов	А.И. Голохвастов	К.Д. Журавлев	П.И. Худяков	Г. Филимонов С. Матчин	И. Рябов

Источник: Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам в декабре 1777 г. Псков, 1846. С. 1–36.

Таблица 7

Предводители дворянства Псковской губернии в конце XVIII в.

	Годы	По данным Н. И. Акулова	Документы ГАПО
Губернский			
	1784–1796 гг. 1789 г.	Матвей Данилович Чихачев	Матвей Данилович Чихачев
Уездные			
Псковский уезд	1784–1786 гг. 1789 г. 1790–1792 гг.	Александр Богданович Окунев Александр Богданович Окунев	Александр Богданович Окунев
Островский уезд	1784–1786 гг. 1789 г. – 12 янв. 1793 г. 1790–1792 гг.	Петр Васильевич Мягков Дмитрий Иванович Рокотов Дмитрий Иванович Рокотов	Дмитрий Иванович Рокотов
Опочецкий уезд	1784–1786 гг. 1789 г. – 12 янв. 1793 г. 1790–1792 гг.	Александр Максимович Вындомский	Александр Наумович Вындомский
Новоржевский уезд	1784–1786 гг. 1789 г. – 12 янв. 1793 г. 1790–1792 гг.	Матвей Евстигнеевич Рокотов Михаил Иванович Лихарев	Михаил Иванович Лихарев
Великолукский уезд	1784–1786 гг. 1789 г. 1790–1792 гг.	Егор Семенович Дубровин Яков Семенович Тыртов	Яков Семенович Тыртов
Торопецкий уезд	1784–1786 гг. 1789 г. 1790–1792 гг.	Александр Сергеевич Кушелев Алексей Яковлевич Юренев	Алексей Яковлевич Юренев
Холмский уезд	1787–1789 гг. 1789 г. 1790–1792 гг.	Александр Иванович Палибин Николай Федорович Пущин	Николай Федорович Пущин
Порховский уезд	1784–1786 гг. 1789 г. 1790–1792 гг.	Евдоким Яковлевич Лавров Петр Васильевич Мягков	Иван Михайлович Беклешев

Источники: ГАПО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1; Акулов Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917. С. 149–155.